

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Бурятский государственный университет имени
Доржи Банзарова»

На правах рукописи

БУДАЕВА ЦЫНДЫМА ЛЬВОВНА

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДА ПАРЕМИЙ В АСПЕКТЕ
АКТУАЛИЗАЦИИ ПРЕСКРИПТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА
(на материале бурятских, английских и русских коррелятов)

Специальность 10.02.19 — теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор П. П. Дашинимаева

Улан-Удэ — 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретико-методологическое обоснование исследования.....	13
1.1 Паремическая versus фразеологическая единица	13
1.2 Паремический образ как основа метафорической прескрипции	19
1.3 Бурятские паремические фразеологизмы как концептуальные ориентиры традиционного поведения бурят	26
1.4 Способы перевода паремических фразеологизмов	37
1.5 Моделирование перевода в современной науке	46
1.5.1 Функционально-коммуникативная модель пяти уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова	52
1.5.2 Психолингвистическая модель перевода значимости П. П. Дашинимасовой	56
Выводы по первой главе	59
Глава 2. Экспериментальный способ экспликации прескриптивного потенциала паремических единиц.....	61
2.1 Методика проведения трехэтапного эксперимента.....	62
2.1.1 Степень распознавания прескриптивного потенциала бурятских паремий	62
2.1.2 Вариативность прескриптивного потенциала бурятских паремий.....	69
2.2 Постэкспериментальная классификация бурятских паремий: градуальность экспликации прескрипции	75
2.3 Степень реализации прескриптивного потенциала бурятских паремий в английских и русских коррелятах	81
Выводы по второй главе	88
Глава 3. Моделирование процесса перевода паремических единиц с учетом контактирующих языков и экспериментальных данных	91
3.1 Метамоделирование и алгоритмизация процесса перевода паремий	91
3.1.1 Аппликация теории уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова в коррелировании бурятских, английских и русских паремий.....	91

3.1.2	Аппликация психолингвистической модели П. П. Дашинимасовой в коррелировании бурятских, английских и русских пословиц	96
3.2	Коррелирование функциональных соответствий: рекомендации переводчикам.....	103
	Выводы по третьей главе	111
	Заключение	113
	Литература	115
	Список принятых сокращений и условных обозначений.....	134
	Приложения	135

ВВЕДЕНИЕ

Бурятские пословицы как древние источники иносказательных сообщений, как правило, содержат этноориентированные ценности, которые и определяют нравоучительный, т. е. прескриптивный, характер паремий. Переносный прескриптивный смысл паремий понимается нами как передача доминантных ориентиров культуры посредством привлечения характеристик аутентичного для носителей языка-культуры образа. Прогрессирующее функциональное ослабление бурятского языка, с одной стороны, и стремительное видоизменение жизнедеятельности современного общества, с другой, ведут к искаженному пониманию назидательной части пословиц, что часто служит причиной некорректного подбора коррелятов в целевом языке. В связи с этим передача паремической прескрипции, в основе которой лежит тот или иной этноцентрированный образ, создающий вариативность понимания послания пословицы, представляется достаточно сложной задачей для переводчика.

В целом в транслатологии вопрос перевода фразеологизмов, в том числе паремических, относится к категории трудноразрешимых и не имеет универсального подхода к решению, что обусловлено прежде всего сложной комплексной структурой их семантики, а также их национально-культурной спецификой [Комиссаров, 1990, с. 152]. Неоднозначность решения вызвана проблемой степени актуализации прескриптивного потенциала паремий в целевом языке и поиска способов минимизации семантического сдвига в переводе.

В равной мере мы осознаем, что степень успешности передачи прескрипции бурятских паремий в английских и русских коррелятах зависит, во-первых, от степени затемненности исходной семантики; во-вторых, от дистанции между контактирующими культурами в плане понимания концептуальных ориентиров. В контексте сказанного мы предлагаем решение такого рода проблемы в рамках

психолингвистического подхода, где перевод рассматривается как особый вид речевой деятельности, состоящий из многоэтапных мыслительных операций [Швейцер 1988, с. 21]. В подобном ключе в переводоведении не изучены механизмы экспликации прескриптивного потенциала паремий.

Таким образом, вышесказанное обуславливает **актуальность** заданной в исследовании научной проблемы.

Объект исследования — паремические единицы в бурятском, английском и русском языках.

Предмет исследования — степень актуализации прескриптивного потенциала бурятских паремий в английских и русских коррелятах.

Материалом исследования послужили: 1) 620 пословиц бурятского языка для проведения первого этапа психолингвистического эксперимента; 2) 3 и 10 бурятских пословиц, отобранных для проведения второго и третьего этапов эксперимента в соответствии с их целями; 3) данные эксперимента для определения вариативности актуализации прескриптивного потенциала бурятских паремий и степени семантического сдвига в английских и русских коррелятах.

В качестве **гипотезы исследования** выдвигается следующая идея: если паремическая прескрипция этнокультурноцентрирована, то соответствующее наизидание невозможно передать в другом языке без сдвига семантики.

Цель исследования — провести психолингвистическое исследование степени актуализируемости прескриптивного потенциала бурятских паремий в английском и русском коррелятах и путей минимизации семантического сдвига в процессе перевода.

Для реализации данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) рассмотреть понятие фразеологического образа как основу метафоризации и соответствующего формирования прескрипции паремической единицы;

2) на примере бурятских пословиц обосновать взаимообусловленность паремических прескрипций и ориентиров традиционного мышления и поведения носителей культуры;

3) рассмотреть модели переводческого посредничества с точки зрения их применимости в коррелировании паремий;

4) на экспериментальном уровне идентифицировать вариативность понимания прескриптивного потенциала бурятских паремий, разработать соответствующую классификацию единиц и выявить степень реализации прескриптивного потенциала бурятских пословиц в английских и русских коррелятах;

5) апробировать функциональную модель уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова в коррелировании бурятских, английских и русских паремий;

6) на основе психолингвистической модели перевода значимости П. П. Дашинимаевой смоделировать ментальный этап декодирования исходной паремической прескрипции и подбора на примере бурятских, английских и русских коррелятов вариантов соответствий;

7) разработать рекомендации к поиску и подбору паремических коррелятов в рамках психолингвистического подхода.

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы исследования:**

- теоретические методы (индукция и дедукция, сравнение, обобщение, моделирование, аналогия, классификация, интроспекция) использованы отдельно и в совокупности во всех трех главах;

- эмпирические методы (наблюдение, измерение, психолингвистический эксперимент) применены в главе 2 для обнаружения и подтверждения взаимоотношенностей между бурятскими, английскими и русскими коррелятами.

Базовым методом, служащим способом операционализации процесса перевода паремий и соответствующего избежания значительного сдвига прескриптивной семантики, является моделирование.

Научная новизна диссертационного исследования заключается:

- 1) в моделировании ментального этапа экспликации прескриптивного потенциала паремий;
- 2) обосновании и выстраивании последовательности ментальных действий в переводческом посредничестве бурятских, английских и русских языков-культур;
- 3) определении факторов, служащих причинами идентификации вариантов семантического сдвига в коррелятах;
- 4) экспериментальном и прикладном обосновании относительной переводимости паремических единиц с одного языка на другой.

Теоретическая значимость исследования заключается в детерминации высокой степени реализации прескриптивного потенциала паремии посредством формализованного представления процесса определения степени семантического сдвига коррелятов.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в качестве культурологического источника в образовательном процессе и эпистемологической процедуры выявления ментального этапа предперевода в научно-исследовательском аспекте. Результаты исследования и разработанные рекомендации к поиску и подбору паремических коррелятов могут быть включены в программу теоретических и практических дисциплин по переводу, дисциплин из других областей знания, таких как Лексикология, Стилистика, Дискурс-анализ, Когнитивная лингвистика и Психолингвистика.

Теоретической базой диссертации послужили исследования отечественных и зарубежных ученых в области фразеологии (О. А. Корнилов, М. Л. Ковшова, В. В. Виноградов, В. Н. Телия, Н. М. Шанский, С. А. Хахалова, Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко,

Н. П. Дондокова, М. Яскот, С. Плаза, Д. Эне), когнитивной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Дж. Лакофф, М. Джонсон), переводоведения (А. В. Федоров, Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер, Л. К. Латышев, Н. К. Гарбовский, В. Е. Горшкова, Н. Н. Гавриленко, И. С. Алексеева, Т. А. Казакова, В. В. Сдобников, П. П. Дашинимаева, К. Райс, А. Г. Минченков, Б. Гайя, М. Бейкер, Ц. Б. Будаев, А. Т. Жанаев), лингво- и этнокультурологии (В. Д. Бабуева, С. И. Жимбеева, П. Б. Замураева, Д. А. Николаева, М. В. Амгаланова, Н. Г. Гомбоева, Ц. Ч. Жимбаева, К. Фокс, Э. Холл, Г. Хофстеде), психолингвистики (А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, А. А. Нистратов, Л. Б. Кацюба, Ван Лимин, Н. В. Дмитриук, Д. Н. Байгутова, Е. С. Мезенцева, Т. Ц. Дугарова, М. Шлезингер, П. Тагард, Ч. Осгуд). При моделировании ментального этапа декодирования паремической прескрипции и подбора коррелятов в целевом языке мы опирались на психолингвистическую модель перевода значимости П. П. Дашинимаевой.

Достоверность и обоснованность выводов обеспечиваются исходными теоретическими положениями, совокупностью использования теоретических и эмпирических методов исследования для решения поставленных задач, построением и проведением психолингвистического эксперимента, подтверждающего способы решения научно-исследовательских задач.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Метафорический образ является ключевым компонентом в структуре паремии и управляет ее смысловым значением и функциональной направленностью, формирующими этнокультурноцентрированный прескриптивный потенциал единицы. Степень эмоционального содержания в паремическом назидании достигается окружением образа и его дискурсивной семантикой.

2. В условиях функционального регресса языка бурятские пословицы, будучи иноказательными источниками концептуальных

формулы поведения носителей культуры, требуют серьезного переводческого внимания для релевантного определения их актуализируемого прескриптивного потенциала.

3. Неспособность определенной части молодого поколения к предвидению развития концептуальной семантики в метонимических и метафорических переносах паремий на родном языке свидетельствует о функциональном ослаблении их языка на более глубоком семиотическом уровне.

4. Паремический коррелят (термин А. А. Залевской) не является эквивалентом в абсолютном смысле слова, так как представляет собой автономную устойчивую единицу с самостоятельным назиданием, которой придается статус соответствия в процессе перевода. Успешно подобранный коррелят может обеспечить на уровне передачи прескриптивной семантики достаточно высокую степень соответствия.

5. Учитывая многоуровневость производства, восприятия и воспроизводства речемыслительной деятельности, продуктом которой также является пословица, определение прескриптивного потенциала паремических единиц требует обращения к психолингвистическому подходу изучения явлений языка-речи, в частности — к экспериментальному способу его идентификации.

6. Основной причиной наличия семантического — слабого или значительного — сдвига, имеющего место в результате коррелирования исходной прескрипции в другом языке, является этноцентрированный паремический образ, который создает высокую степень затемненности семантики и предопределяет вариативность понимания скрытого назидания. Соответственно, чем более релевантна экспликация прескриптивного потенциала исходной паремии, тем успешнее процесс поиска и подбора коррелята.

7. Моделирование ментального этапа декодирования паремической прескрипции и поиска и подбора соответствий в целевом

языке на примере бурятских, английских и русских коррелятов позволяет выявить основные факторы, влияющие на степень семантического сдвига в целевом знаке, и способствует развитию культуры переводческого мышления в плане осознанного использования ментальных шагов в прописанной последовательности при выполнении данной задачи.

Апробация основных положений работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на расширенном заседании кафедры перевода и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», а также в ходе выступлений на следующих конференциях:

- IX Международная научно-практическая конференция «Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее» (Пенза, 5 мая 2017 г.);
- XI Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность» (Улан-Удэ, 2017 г.);
- Международный междисциплинарный форум молодых ученых «Приоритетные направления развития науки, технологий, техники» (Новосибирск, 2017 г.);
- Международная научно-практическая конференция «Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования (Улан-Удэ, 2018 г.);
- Международная научно-практическая конференция «Современный текст: традиции и новаторство» (Улан-Удэ — Байкальская Ривьера, 2019 г.);
- Всероссийская онлайн-конференция «Экология. Коммуникация. Перевод», посвященная 15-летию кафедры перевода и межкультурной коммуникации и 60-летию факультета иностранных языков Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, 2020 г.).

Результаты проведенного исследования отражены в 11-ти публикациях, в том числе в 3-х печатных научных статьях в рецензируемых научных журналах по перечню ВАК при Минобрнауки РФ. Общий объем

публикаций составляет 6,2 печ. л.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, литературы и приложений. В тексте диссертации представлены 4 схемы, 9 таблиц и 9 диаграмм.

Во *введении* обосновываются выбор объекта и актуальность темы исследования, формулируются цель и задачи исследования, указывается теоретическая база, освещается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются методы исследования и положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* «Теоретико-методологическое обоснование исследования» дается теоретический обзор литературы по теме исследования, а также определяется степень ее проработанности в современной науке.

Во *второй главе* «Экспериментальный способ экспликации прескриптивного потенциала паремических единиц» идентифицируется вариативность понимания прескриптивного потенциала бурятских паремий на экспериментальном уровне, разрабатывается соответствующая классификация единиц, а также выявляется степень реализации прескриптивного потенциала бурятских пословиц в английских и русских коррелятах.

В *третьей главе* «Моделирование процесса перевода паремий с учетом контактирующих языков и экспериментальных данных» предлагается моделирование процесса перевода паремий на примере бурятских, английских и русских коррелятов на основе концепций В. Н. Комиссарова и П. П. Дашинимаевой, а также разрабатываются рекомендации к поиску и подбору паремических коррелятов в рамках психолингвистического подхода.

В *заключении* обобщаются основные результаты исследования и намечается перспектива работы.

В *приложении* приводятся схема классификации пословиц А. Т. Жанаева, схема концептуальной картины мира бурят Н. П. Дондовой, схема модели перевода П. П. Дашинимаевой, макеты анкеты эксперимента, таблица с наиболее частотными бурятскими пословицами, сводные диаграммы результатов эксперимента, схема алгоритма перевода паремий.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Паремическая versus фразеологическая единица

Как известно, пословицы традиционно относятся к фразеологизмам, поскольку их объединяет идиоматический способ выражения смысла. Однако во многих трудах последней четверти столетия начали разграничивать их как понятия *паремическая единица* и *фразеологическая единица*.

Паремиология как наука посвящена изучению и классификации таких единиц, как афоризмы, веллеризмы, девизы, короткие загадки, приметы, максимы, поговорки и пословицы и другие изречения, основным назначением которых является краткое образное выражение традиционных ценностей и взглядов, основанных на жизненном опыте группы, народа и т. п. [Воробьев, 1999, с. 96].

В современной лингвистике под паремической единицей (далее ПЕ) большинство исследователей понимает «афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы, воспроизводимостью значения и имеющие, как правило, назидательный смысл» [Алефиренко, Семененко, 2009, с. 242]. Согласно М. А. Кульковой, паремии представляют собой автономные устойчивые высказывания неопределенно-референтного типа, которые являются продуктом многовековой народной рефлексии и направлены на моделирование поведения человека [Кулькова, 2011, с. 14]. Л. Б. Кацюба определяет паремию как краткое образное устойчивое высказывание, синтаксически оформленное как простое или сложное предложение, которое излагает важную истину, наставление, правила, принципы поведения, нравственные законы, сформулированные на основе жизненного опыта [Кацюба, 2013, с. 67]. По мнению Т. А. Шайхуллина, паремии выступают в качестве универсальных моделей поведения, которые реализуются в таких функциях,

как прогнозирующая, информационная, моделирующая, поучительная, воспитывающая [Шайхуллин, 2012, с. 12]. Таким образом, все исследователи едины во мнении о том, что паремии объединяет нравоучение, а именно — прописание правил поведения человека.

В данном исследовании под паремией подразумевается такая ее разновидность, как пословица. Для того чтобы понять суть данных единиц, необходимо прежде всего обратиться к некоторым общепринятым определениям (табл. 1):

Таблица 1

Определения понятия «пословица»

Автор/источник	Определение
О. А. Корнилов	<i>Пословицы</i> — это устойчивые в речевом обиходе изречения, имеющие форму законченного предложения и выражающие суждение назидательного характера [Корнилов, 2005, с. 11].
В. И. Даль	<i>Пословица</i> — это краткое изречение, поучение, более в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора [Даль, 2006, с. 331].
Лингвистический энциклопедический словарь	<i>Пословица</i> — это краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, имеющее форму законченного предложения, обладающее буквальным и переносным значением, или только переносным [URL: http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/poslovitsa/484 (дата обращения: 17.01.2020)].
Толковый словарь С. И. Ожегова	<i>Пословица</i> — это краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм [URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=22902 (дата обращения: 17.01.2020)].
Т. Ф. Ефремова	<i>Пословица</i> — это меткое образное изречение, обычно ритмичное по форме, обобщающее, типизирующее различные явления жизни и имеющее назидательный смысл [URL: https://www.efremova.info/word/poslovitsa.html#.XiFIzugzblU (дата обращения: 17.01.2020)].
Oxford Dictionary	A <i>proverb</i> is a short, well-known pithy saying, stating a general truth or piece of advice [URL: https://www.lexico.com/en/definition/proverb (дата обращения: 09.04.2020)].
Cambridge Dictionary	A <i>proverb</i> is a short sentence, usually known by many people, stating something commonly experienced or giving advice [URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/proverb (дата

	обращения: 09.04.2020)].
Collins English Dictionary	<i>A proverb</i> is a short sentence that people often quote, which gives advice or tells you something about life [URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/proverb (дата обращения: 09.04.2020)]. (дата обращения 09.04.2020)].
Your Dictionary	<i>A proverb</i> is a short saying that is widely used to express an obvious truth [URL: https://www.yourdictionary.com/proverb (дата обращения: 09.04.2020)].

Очевидно, что ключевыми признаками данного понятия являются следующие: краткость, устойчивость, ритмизированность, оформленность на уровне предложения, образность, назидательность, народная мудрость. Исходя из этого пословицу можно определить как краткое, устойчивое, ритмизированное образное изречение назидательного характера, имеющее форму законченного предложения и выражающее народную мудрость.

Фразеология как раздел языкознания занимается изучением природы фразеологизмов, их категориальных признаков, а также выявлением закономерностей их функционирования в речи [Ройзензон, 1977, с. 19]. Согласно Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семененко, фразеология как наука изучает устойчивые образные сочетания слов с обобщенно-целостным значением в их современном состоянии и историческом развитии [Алефиренко, Семененко, 2009, с. 14].

Фразеологические единицы (далее ФЕ) в лингвистике рассматриваются как знаки вторичного образования, в частности, как продукт особого вида вторичной косвенной номинации. Согласно В. М. Савицкому, особенности их функций проявляются в следующих категориальных признаках: переосмысленность, устойчивость в рамках вариантности, воспроизводимость в готовом виде, раздельнооформленность, семантическая осложненность, семантическая целостность, образность, экспрессивность, глобальность номинации, немоделированность по схеме переменного сочетания слов [Савицкий, 2006, с. 110].

Рассмотрим основные определения данного понятия для того, чтобы раскрыть его ключевые аспекты (табл. 2). Но прежде следует сделать ремарку, что в английском языке термину «фразеологизм» соответствует термин «idiom».

Таблица 2

Определения понятия «фразеологизм»

Автор/источник	Определение
Большой энциклопедический словарь	<i>Фразеологизм</i> — это выполняющее функцию отдельного слова устойчивое словосочетание, значение которого не выводимо из значений составляющих его компонентов [URL: http://slovonline.ru/slovar_ctc/b-21/id-65984/frazeologizm.html (дата обращения: 17.01.2020)].
Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов	<i>Фразеологизм</i> — это экспрессивно-образное устойчивое сочетание переосмысленных слов, которое выражает целостное значение и по функции соотносится с отдельным словом [Алефиренко, Семенов, 2009, с. 17].
Т. Ф. Ефремова	<i>Фразеологизм</i> — это устойчивый оборот речи, свойственный определенному языку и потому дословно не переводимый на другие языки, имеющий самостоятельное значение, которое в целом не является суммой значений входящих в него слов [URL: https://www.efremova.info/word/frazeologizm.html#.XiE9TegzBIU (дата обращения: 17.01.2020)].
В. Н. Телия	<i>Фразеологизмы</i> — это устойчиво воспроизводимые в обычной современной нам речи сочетания слов, смысл которых не выводится из «обычного» значения входящих в них слов [Большой фразеологический словарь русского языка, 2006, с. 6].
А. В. Кунин	<i>Фразеологизмы</i> — это сочетания слов, т.е. раздельнооформленные образования с полностью или частично переосмысленными компонентами, фразеологическими значениями [Кунин, 1970, с. 24].
M. Jascot	<i>Phraseological units</i> are fixed, stable units, whose characteristic is the stability of its elements and the fact that they are not produced at the time of speaking but reproduced, made, and belong to a phraseological system of a given language [Jascot, 2016, p. 58].
Longman Dictionary of Contemporary English	<i>An idiom</i> is a group of words that has a special meaning that is different from the ordinary meaning of each separate word [URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/idiom (дата обращения: 09.04.2020)].
Merriam-Webster Dictionary	<i>An idiom</i> is an expression in the usage of a language that is peculiar to itself either in having a meaning that cannot be derived from the conjoined meanings of its elements or in its grammatically atypical use of words [URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/idiom

	(дата обращения: 09.04.2020)].
Cambridge Dictionary	<i>An idiom</i> is a group of words in a fixed order that have a particular meaning that is different from the meanings of each word on its own [URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/idiom (дата обращения: 09.04.2020)].

В представленных выше определениях можно выделить следующие ключевые слова: *устойчивое словосочетание; устойчивое сочетание слов; фиксированная группа слов; фиксированное значение; самостоятельное значение; семантическая целостность*. Исходя из этого фразеологизм мы определяем как устойчивое образное сочетание слов, имеющее фиксированное самостоятельное значение и характеризующееся семантической целостностью.

Однако вернемся к дискуссиям ученых о том, являются ли поговорки разновидностью фразеологизмов. Согласно Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семенову, вопрос об отнесении поговорок к фразеологическому фонду языка является достаточно спорным, так как поговорки совмещают свойства фразеологизмов со свойствами предложений и свободных сочетаний [Алефиренко, Семенов, 2009, с. 241]. В связи с этим представим краткий обзор классификаций ФЕ, предложенных в отечественной и зарубежной лингвистике (табл. 3):

Таблица 3

Классификация ФЕ

Автор/источник	Классификация
В. Н. Телия	ФЕ: лексическая идиоматика, воспроизводимые сочетания слов, поговорки и пословицы, крылатые выражения, клише, цитаты [Телия, 1988].
В. В. Виноградов	ФЕ: <ul style="list-style-type: none"> • <i>Фразеологические сращения, или идиомы</i> — это абсолютно неделимые, неразложимые устойчивые сочетания, общее значение которых не зависит от значения составляющих их слов: <i>be at smb.'s beck and call</i> — быть всегда готовым к услугам; • <i>Фразеологические единства</i> — это такие устойчивые сочетания слов, в которых при наличии общего переносного значения отчетливо сохраняются признаки

	<p>семантической раздельности компонентов: <i>to spill the beans</i> — выдать секрет;</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>Фразеологические сочетания</i> — это устойчивые обороты, в состав которых входят слова и со свободным, и с фразеологически связанным значением: <i>a bosom friend</i> — закадычный друг [Гранкина, 2012, с. 54].
Н. М. Шанский	ФЕ: классификация В. В. Виноградова + фразеологические выражения (поговорки, крылатые слова, изречения, устойчивые сочетания номинативного плана: <i>мир не без добрых людей, любви все возрасты покорны, после дождичка в четверг, сторонники мира</i> и др.) [Шанский, 1985, с. 75].
С. Влахов, С. Флорин	ФЕ: единицы пословичного (поговорки, крылатые слова, афоризмы, сентенции и т. д.) и непословичного (остальные устойчивые единицы) типа [Влахов, Флорин, 2006, с. 199].
М. Яскот	ФЕ: все типы устойчивых выражений, включая идиомы, устойчивые фразы, поговорки и пословицы [Jaskot, 2016, p. 58].
С. Плаза	ФЕ: <ul style="list-style-type: none"> • <i>ядро</i> — фразеологизмы, функционирующие как отдельные слова: <i>make assumptions, make choices</i> — делать предположения, выбор; • <i>область перехода</i> — пары слов с фиксированным порядком: <i>bread and butter</i> — хлеб с маслом; • <i>периферия</i> — пословицы, трюизмы, максимы, цитаты, лозунги и обыденные выражения: <i>what's up?</i> — как дела? [URL: https://www.ucjc.edu/wp-content/uploads/8.Silvia-Molina-Plaza.pdf (дата обращения: 12.10.2018)].

Как видим из таблицы, авторы все-таки относят пословицы к группе фразеологизмов и считают их частью фразеологии. В некоторых случаях пословицы составляют ядро фразеологии, а в других — периферию.

Если исходить из ключевых признаков ПЕ и ФЕ, выделенных нами ранее, то основными точками их соприкосновения можно считать такие свойства, как краткость, устойчивость, воспроизводимость в готовом виде, образность. Основное отличие ПЕ от ФЕ в структурном плане заключается в следующем: смысл первых может быть передан только предложением, тогда как значение ФЕ передается словосочетанием. Отличие в семантическом плане состоит в том, что в основе ПЕ лежит выраженная назидательная семантика, а в основе фразеологизмов она отсутствует.

Кроме того, согласно Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семенову, паремии отличаются от фразеологизмов смысловой и интонационной завершенностью, а также синтаксической членимостью [Алефиренко, Семенов, 2009, с. 242]. Ниже представлена схема дифференциального соотношения ФЕ и ПЕ (схема 1):

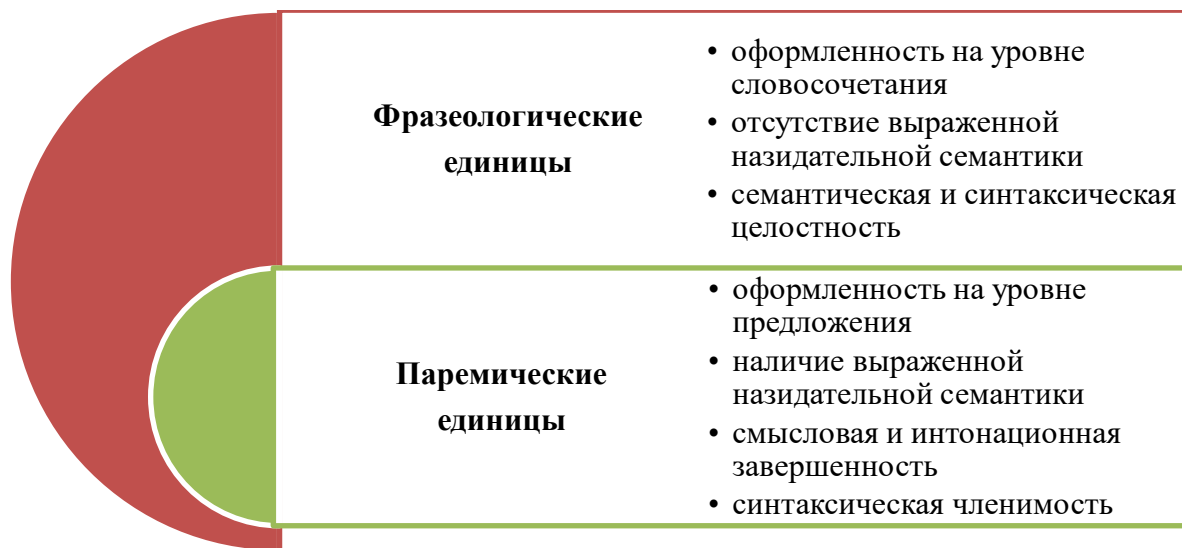

Схема 1. Дифференциальное соотношение ПЕ и ФЕ

Таким образом, паремии являются фразеологизмами в силу своего метафорического способа вербализации той или иной идеи. Отличаются они от них и структурно (оформляются на уровне предложения и характеризуются синтаксической членимостью), и модально-семантически (обладают выраженной назидательной семантикой и смысловой и интонационной завершенностью). Данные отличительные свойства служат основанием для номинации пословиц термином «паремия», тем самым выделяя данные единицы в типологии фразеологизмов, по меньшей мере, как особый разряд иносказаний.

1.2 Паремический образ как основа метафорической прескрипции

Ядром паремии является фразеологический образ. Рассмотрим способы его создания.

Отечественный лингвист и литературовед, автор учения о «внутренней форме слова» А. А. Потебня в свое время писал о том, что представление о предмете в голове — это психический образ, а признак, заложенный в основу наименования, является представителем этого образа и, следовательно, выступает как образ образа [Черняк, 2013, с. 162].

Более конкретное определение психического образа, стоящего за фразеологизмом, можно найти у М. Л. Ковшовой: «Материальной основой фразеологического образа служат предметы, действия, явления, их сущностные характеристики, онтологические свойства, уже переосмысленные в категориях культуры, уже подвергнутые усложненному восприятию». Например, во фразеологизме *пойти в огонь и в воду* денотаты *вода и огонь* становятся образами в связи с тем, что человек осознал губительные и опасные свойства этих стихий, и что они могут быть символами главных испытаний человека [Ковшова, 2009, с. 17].

Подобную точку зрения выражает Р. Х. Хайруллина, утверждая, что в основе создания фразеологической образности лежат «различные области практической жизнедеятельности народа, в рамках которой идет приобретение житейского опыта». Иначе говоря, речь идет о прототипических мотивационных моделях фразеологизмов, которые строятся на совокупности знаний и представлений о жизни и быте конкретного народа и отражают его историю, культуру и образ жизни [Хайруллина, 2015, с. 6130]. К примеру, пословица *Снег холодный, а от стужи укрывает* рекомендует видеть во всем пользу. Использование компонента *снег* в качестве основы фразеологического образа объясняется тем, что зимой в России снегом обычно покрыты огромные пространства.

В этом смысле фразеологический образ служит неким «проводником» в культурное пространство, описываемое во фразеологизме, и в то же время является ключевым «кирпичиком» в структуре фразеологизма, поскольку управляет его функционально-стилистической и эмоциональной направленностью [Дашинимаева, Жанаев, 2014, с. 18]. На этот счет Я. Чэнь

пишет, что образ играет важную роль в мотивации смыслового значения, оценочности, эмотивности, культурной коннотации фразеологизма [Чэнь, 2011, с. 263].

Понятие фразеологического образа связано с так называемой «внутренней формой» фразеологизма. В современной фразеологии данное явление определяется следующим образом: внутренняя форма фразеологизма — это «образ, сформированный на основе исходного (свободного) словосочетания и мотивирующий реальное значение фразеологизма» [Там же]. Иначе говоря, в образе фразеологизма принято идентифицировать внутреннюю форму, для чего важно понять, как формируется в семантике данного сочетания образ и как разграничить денотативную и метафорическую актуализации.

По нашему мнению, паремический образ создается в тот момент, когда денотативное сочетание, входя в метафорическое пространство, теряет свою реальную физическую направленность и обретает прескриптивно-концептуальное содержание. Ниже представлена схема создания паремического образа (схема 2).

Схема 2. Механизм создания паремического образа

Понятие «прескрипция» играет ключевую роль в нашем исследовании. Рассмотрим основные определения, описывающие данную категорию (табл. 4):

Определения понятия *прескрипция*

Автор/источник	Классификация
Большой энциклопедический словарь русского языка	<i>Прескрипция</i> — это описание, содержащее определенные правила, нормы поведения [URL: http://slovonline.ru/slovar_etc/ (дата обращения: 17.01.2020)].
Словарь иностранных слов	<i>Прескрипция</i> — описание, содержащее определенные правила, регламентирующие употребление языковых единиц в речи. Прескриптивный — содержащий прескрипцию, предписывающий [URL: http://www.onlinedics.ru/slovar/injaz/p/preskriptsija.html (дата обращения: 17.01.2020)].
Философская энциклопедия	<i>Прескрипция</i> — это предписание, норма, высказывание, обязывающее, разрешающее или запрещающее что-то сделать и не являющееся истинным или ложным [URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/980/ПРЕСКРИПЦИЯ (дата обращения: 29.11.2019)].
Энциклопедия эпистемологии и философии науки	<i>Прескрипция</i> — это предложение, выражающее некоторое предписание, команду или требование. К ним чаще всего относятся различные нормативные высказывания, которые определяют установленные обществом правила поведения и формулируются с помощью особых (обязывающих или запрещающих) категорий слов: «должен» — «не должен», «разрешено» — «запрещено» и др. [URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/623/623/прескрипция (дата обращения: 29.11.2019)].

Исходя из определений к предписывающим высказываниям мы относим в том числе и паремические единицы, которые, передаваясь из поколения в поколение, составляют некий кодекс «законов», закладывая нравственные и этические предпосылки для формирования социально адекватной личности, и отражают видение народом картины мира [Шекунова, 2015]. В связи с этим под паремической прескрипцией мы подразумеваем «некое предписание, указывающее на подобающий с точки зрения культурных ценностей тип поведения» [Будаева, Дашинимаева, 2016, с. 15].

В настоящее время становится все более актуальным изучение метафоры в области практической речи и в тех сферах, которые обращены к

мышлению, познанию/сознанию, концептуальным системам. В современной когнитивной науке метафора определяется как «ментальный и языковой механизм, состоящий во взаимодействии или сопоставлении двух сущностей, явлений на основании сходства, аналогии между ними, т. е. нахождения их общих признаков» [Попова, Курочкина, 2015, с. 46].

Согласно С. А. Хахаловой, метафора представляет собой, с одной стороны, структурированное и системно закрепленное лексико-семантическое явление, с другой стороны, концептуальную единицу нелинейности языкового сознания с фрактальной природой [Хахалова, 2011а, с. 126]. В связи с этим автор разграничивает понятия языковой метафоры как техники языковой номинации и концептуальной метафоры как инструмента взаимодействия разных ментальных пространств. По словам автора, метафора позволяет подменять одну концептуальную область другой, поскольку с ее помощью совершается техника смыслообразования и операция улавливания ассоциативного сходства разных концептуальных областей по аналогии [Хахалова, 2011б, с. 13].

По мнению Н. Д. Арутюновой, суть метафоры — это «транспозиция идентифицирующей (дескриптивной и семантически диффузной) лексики, предназначенной для указания на предмет речи, в сферу предикатов, предназначенных для указания на его признаки и свойства» [Арутюнова, 1990, с. 19]. Автор утверждает, что с развитием когнитивной науки, занимающейся исследованием разных сторон человеческого сознания, метафора стала восприниматься как ключ к пониманию основ мышления, в том числе и этнокультурных концептов [Арутюнова, 1999, с. 6].

В когнитивной лингвистике понятие «концепт» имеет сложную и неопределенную структуру, что объясняет изобилие различных подходов к его изучению и отсутствие единого общепринятого определения (Н. Д. Арутюнова, 1999, В. А. Маслова, 2005, Е. С. Кубрякова, 1994, В. А. Ефремов, 2009, В. И. Карасик, 2002, С. Г. Воркачев, 2001, З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2010, Н. Н. Болдырев, 2019). Однако, как

утверждает В. А. Маслова, все существующие подходы к пониманию концепта объединяет то, что данное понятие обладает многомерной структурой, содержащей помимо понятийной основы социопсихокультурную часть, которая включает в себя ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации [Маслова, 2005, с. 36].

Концепты являются частью такого явления, как языковая картина мира. Согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину, «под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин, 2015, с. 5]. Термин «языковая картина мира» определяется лингвистами как отражение в языке национального миропонимания и мировидения, «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [по: Каналаш, 2011, с. 62]. Языковая картина мира определенного этноса формируется под влиянием природно-климатических условий, образа жизни, социально-экономического строя, которые и определяют его традиции и обычаи, род труда [Епе, 2014].

В связи с этим с помощью метафоры создается некий образ, который служит отправным пунктом извлечения того или иного инструктирующего значения для получателя. К примеру, метафоризация концепта КРАСОТА в понятиях *цветок* или *цветение* в таких выражениях, как *Beauty fades like a flower* (досл. Красота увядает подобно цветку), *Beauty is but a blossom* (досл. Красота — это всего лишь цветок), *The fairest rose at last is withered* (досл. Даже самая прекрасная роза под конец завянет), позволяет увидеть временный, недолговечный характер внешней красоты, которая, подобно красивому цветку, со временем теряет свой привлекательный вид [Шекунова, 2015]. В этом смысле перенос концепта из одной метафорической связки в другую позволяет увидеть этот концепт с другой точки зрения, с другого фокуса внимания, что дает возможность объяснить

непонятное через более доступные и понятные признаки концепта. Другими словами, метафора создает такой образ объекта, который выделяет и указывает на те особенности, которые наиболее важны для получателя.

Этот аспект изучения процесса метафоризации достаточно подробно описан в совместной работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (2004). По словам авторов, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний: *источника* (source domain) и *цели* (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит метафорическая проекция, которая выражается на уровне семантики высказывания в виде метафорических следствий. Например, метафора НАРОД/ОБЩЕСТВО [цель] — ЭТО СТАДО [источник] обращает внимание адресата на идею «несамостоятельности, пассивности, безусловного подчинения» народа/общества «верхам»: знания о мире говорят нам, что стадо животных управляется пастухом. Высвечивание отдельных свойств источника в области цели авторы называют «профилированием» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 9]. Механизм метафоризации по Дж. Лакоффу и М. Джонсону можно представить в виде следующей цепи отношений (схема 3):

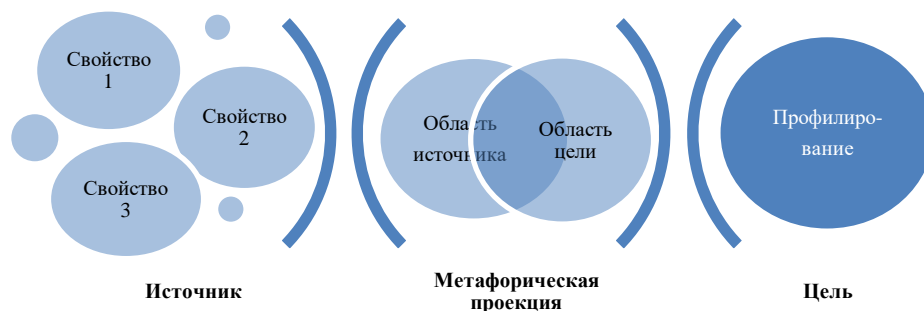

Схема 3. Механизм метафоризации

Согласно авторам, области источника и области цели неэквивалентны. Область источника, по их словам, это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Область цели, в свою очередь, представляет собой

менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание. Отсюда их вывод о том, что метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные вещи в терминах более конкретных [Там же, с. 10].

Таким образом, процесс метафоризации основан на взаимодействии разных концептов, которые структурируют наше традиционное мышление и поведение. Как нами выше отмечено, паремический образ создается в тот момент, когда денотативное сочетание входит в метафорическое пространство, теряя свои физические характеристики и обретая образное — прескриптивно-концептуальное — содержание, которое не всегда бывает понятным и доступным для понимания актуализируемого прескриптивного потенциала, особенно для подрастающих поколений.

1.3 Бурятские паремические фразеологизмы как концептуальные ориентиры традиционного поведения бурят

Как нами ранее отмечено, паремические фразеологизмы хранят и транслируют из поколения в поколение знания о традициях, обычаях, законах, мировидении и мировосприятии определенного народа [Улазаева, 2009, с. 194] и выступают в качестве средств вербализации таких ментальных образований, как концепты [Копылова, 2010, с. 90]. В связи с этим паремии занимают особое место в языковой картине мира, поскольку они наиболее образно, аргументировано и лаконично отражают в языке культурные и этнопсихологические представления, ментальный опыт народа, его культуру, философию, психологию и историю [Алефиренко, Семененко, 2009, с. 311]. В этом смысле паремии формируют отдельную паремиологическую картину мира (далее ПКМ), которая представляет собой инвариантную часть языковой картины мира и отражает обобщенную культурно значимую информацию и стереотипические представления народа о мире. Иначе говоря, ПКМ формируется как результат познания и осмысления окружающей действительности и основывается на

совокупности упорядоченных знаний — концептосфере [Серегина, 2012, с. 14–15].

В этом смысле детальный анализ паремиологического фонда языка дает нам возможность определить концептуальные ориентиры традиционного поведения той или иной этнокультурной общности, которые определяют содержание прескриптивной составляющей паремий.

В целях обоснования взаимообусловленности паремических прескрипций и ключевых концептуальных ориентиров бурятской культуры в данном параграфе дается краткий обзор концептуальной классификации бурятских паремий А. Т. Жанаева и функционально-семантической классификации бурятских фразеологизмов Н. П. Дондоковой.

Концептуальная классификация бурятских паремий А. Т. Жанаева

В диссертационной работе «Непереводимость концепта в культурно-цивилизационном аспекте» (2014) А. Т. Жанаев предпринял попытку сгруппировать 620 единиц в оформленные категории, что позволило выявить основные релевантные концепты бурятской культуры (Приложение 1). В качестве концептуального критерия автор взял принцип «отношение к конкретным функциональным сферам».

При разработке данной классификации автор сгруппировал концепты вокруг трех смысловых полей: сфера внутреннего мира человека, сфера отношений внутри семьи, сфера социальных отношений.

Первое смысловое поле относится к внутреннему миру человека, который разделяется согласно принципу «арга-билиг» (досл. «метод и мудрость»; «инь-ян») на две комплементарные части. По словам автора, часть «арга» отражает духовные качества человека, которые необходимо развивать и поддерживать. При этом он отмечает, что «духовность» прежде всего описывает требования к соблюдению чистоты сознания человека — «оюун ухаан».

Автор пишет, что в бурятском традиционном мышлении образованный человек обладает прежде всего высокими моральными качествами. В примерах *Эд ехэтэ дошхон, эрдэм ехэтэ номгон* (досл. Богатый человек жесток, человек, богатый знаниями, скромн), *Эрдэмтэй хүнэй үгэнь зөөлэн, эрдэни эмшын гарынь зөөлэн* (досл. Мягки слова образованного человека, мягки руки ценного врача), *Эдэй найханаар бү гоё, эрдэмэй найнаар гоё* (досл. Не вещами украшай себя, а знаниями), *Хаали хүлээбэл, үбэлһөө үнээгээ таргалуула, найжархые хүсэбэл, залууһаа эрдэм һура* (досл. Если ждешь молока, с зимы откармливай корову, если ждешь процветания, с молодости займись образованием), *Сээл — далайда, сэсэн — эрдэмтэдэ* (досл. Глубина — в море, мудрость — у выученного) наглядно представлен концепт ЭРДЭМ (досл. образование, ученость), который в отличие от своих европейских аналогов включает в себя высокие духовно-нравственные ценности [Жанаев, 2014, с. 110].

БИЛИГ затрагивает сферу насущного, материального и символизирует иную ступень бытия, не менее важную, чем сфера чистоты сознания. Как пишет автор, «билиг» включает в себя следующие концепты: «работа», «степенное отношение к жизни», «избегание многословия», «терпение», «здоровье», «ценность времени», «ценность ошибок», «естественные качества человека», «одновременное существование плохого и хорошего» [Там же, с. 110–111].

Традиционно в бурятской культуре наблюдалось особое представление о слове, которое регулировало поведение людей в общественной жизни [Дугарова, 2010а, с. 80]. Это можно увидеть в следующих пословицах: *Олоной үгэ хүсэтэй, уулын суурьян дорьбоотой* (досл. У людей молва сильная, у эха — отзвук сильней), *Онһон үгэ оносотой, олоной үгэ тудасатай* (досл. Пословицы и поговорки правдивы, слова народа точны), *Үгэһөө үгэ гарадаг, үнээнһээ тугал гарадаг* (досл. Слово слово родит, а корова теленка родит), *Хуушанай үгэ худалгүй, хурын уһан хужаргүй* (досл. В старых словах нет лжи, а в дождевой воде — соли), *Шог үгэ шоро шэнги*

(*досл.* Меткое слово словно остроконечная палка). Например, культурнозначимый концепт «избегание многословия» в бурятском языке выражен в следующих паремиях: *Хүнжэлэйнгөө хирээр хүлөө жиш, хүнэйнгээ хирээр үгэ хэлэ* (*досл.* Протяните ноги, насколько позволяет одеяло, взвесьте свои слова в соответствии с тем, с кем вы разговариваете), *Хуурай модон жэмэсгүй, хооһон үгэ туһагүй* (*досл.* Бесплодно дерево сухое, нет пользы в пустословии) и *Олон үгэ хэлэжэ, сэсэн болохогүй, олбо жэрхэ агнажа, баян болохогүй* (*досл.* Говоря много слов, умнее не станешь, охотясь на мелкую дичь, богаче не станешь).

В традиционном бурятском сознании концепт ВРЕМЯ характеризуется такими чертами, как неизбежность, необратимость, безвозвратность и цикличность. Согласно Е. А. Бардамовой, циклическое время как «наиболее архаичная форма осознания временной абстракции возникло и отражено в языке на основе наблюдений повторяемости природных циклов, смены дня и ночи» [Бардамова, 2012, с. 21]. Например, такие паремии, как *Наадан дээрэ нахилзаха хэрэгтэй, хурим дээрэ хотолзохо хэрэгтэй* (*досл.* Во время игр изгибаться надо, на свадьбе — танцевать) и *Даарахада даха хэрэгтэй, дайралдахада хуяг хэрэгтэй* (*досл.* Когда мерзнешь, нужен тулуп, когда воюешь — щит) выражают концептуальный ориентир «Ценить время и не торопить события», что учит быть терпеливыми и степенными. Синонимичные пословицы *Уйлахаяа һанабал, һохоршье уйлаха, үхэл ерэбэл, үгьтэй баяни үхэхэ* (*досл.* Захочется плакать, и слепой заплачет, смерть придет, и бедный, и богатый умрет), *Сагайнгаа ерээ һаа, сахалишье губишуурта ородог* (*досл.* Время придет, и чайка в сеть попадет), *Сагайнгаа ерэхэдэ, саһанишье хайладаг* (*досл.* Время придет, и снег стает) и *Үхэхэ хулгана унтаһан миисгэйн һүүл зуужа наададаг* (*досл.* Мышь, если хочет смерти, кусает хвост спящей кошки) содержат такой ценностный ориентир, как «не идти против силы времени». Наказ «Не жалеть о прошлом и ценить настоящее» содержится в следующих бурятских паремиях: *Эддэһэн хойноо һүн болохогүй, үтэлһэн хойноо залуу болохогүй* (*досл.* Если прокисло,

молоком не станет, если постарел, молодым не станет), *Үтэлхэн хойноо сэбэрээ бү дурда, үгырхэн хойноо баяна бү дурда* (досл. Постаревши, не вспоминай свою красоту, обедневши, не вспоминай свое богатство), *Үүр сайхан хойно айбала бодхооһоной хэрэггүй, үүдэн шүдөө унаһан хойно залууб гэхэнэй хэрэггүй* (досл. После рассвета не нужно поднимать пугало, после выпадения резца, не нужно говорить, что ты молод), *Аягаһаа гараһан дахин аягадаа дүүрэхгүй* (досл. Вылившись из чашки, обратно чашку не наполнит).

Второе смысловое поле концептов посвящено семейной сфере, которая, по словам А. Т. Жанаева, составляет значительную часть всей выборки и является наиболее важной областью бурятского общества. Основным критерием классификации послужил «характер отношений между членами семьи»: «отношение к младшим и старшим», «отношение к детям и родителям», «отношение к мужчине и женщине», «отношение к друзьям и ближайшему окружению» [Жанаев, 2014, с. 111–112].

В бурятском языке представлено большое количество паремий, описывающих особое отношение младших к старшим. К примеру, пословицы *Бууралһаа үгэ дуула, бусалһанһаа ама хүрэ* (досл. Седого человека слушайся, кипяченой еды пробуй), *Үбгэд хүгшэдые наада бү бари, үтэлхэ саг өөртэшни ерэхэ* (досл. Не смейся над старыми: и сам будешь стар), *Үхэр мал — үбһэ тэжээлээр, үхи хүбүүд — үбгэдэй хургаалаар* (досл. Скот живет благодаря кормам, дети — нравоучениям стариков), *Үбһэн ургабал юртэмсын шэмэг, үбгэд сугларбал түрын шэмэг* (досл. Вырастет трава — украшение земли, соберутся старики — украшение свадьбы), *Хүгшэн шоно мэхэдэ орохогүй; хүгшэн шоные һуудхахагүйи* (досл. Старого волка не обманешь, старого волка не подкузьмишь) и *Хүгшэн нохой хиш хусахагүй* (досл. Старая собака зря не лает) призывают младшее поколение относиться к старым, умудренным опытом людям с большим почтением и уважением, так как, согласно С. М. Адамовой, в их большом жизненном

опыте и накопленных знаниях есть много полезного и необходимого [Адамова, 2015, с. 11].

По мнению П. Б. Замураевой, бурятская традиция почтения старшего поколения, в том числе и родителей, связана с их богатым жизненным опытом, который «позволял им активно участвовать в общеродовых мероприятиях, решении общесемейных дел, воспитании детей» [Замураева, 2015, с. 74]. Например, для бурят традиционной формой обращения к старшим является уважительное обращение на «Вы», а также использование особой номинации (напр. «Эжы», «Абгай», «Ахай» и т. д.). Несоблюдение данного правила, обращение к старшим на «Ты» считается проявлением неуважения и невоспитанности. Эта традиция частично сохранилась и по сей день, но ассимилировавшиеся буряты, живущие в городах, практически не следуют ей.

Третье смысловое поле относится к сфере социальных отношений. Среди выявленных концептов А. Т. Жанаев выделил следующие: «слабые люди», «социальная роль», «правила поведения в обществе», «создание семьи», «важность коллектива», «мудрые и храбрые», «начальство», «высшая власть». Как отмечает автор, концепт СЕМЬЯ служит своего рода метафорой для построения общества. Иначе говоря, общество строится на схожем принципе построения семьи и имеет свою структуру из старших и младших, связанных между собой отношениями комплементарности. В этом смысле в бурятской культуре сферы семейного и социального обуславливают и дополняют друг друга [Жанаев, 2014, с. 113–114].

Согласно Т. Ц. Дугаровой, в традиционном обществе бурят для получения всеобщего признания и защиты человек должен был выполнить все предписания своего рода. К примеру, одним из родовых предписаний бурятского народа является регулярное посещение «тоонто» — места захоронения послета, которое, по верованиям бурят, выступает в качестве источника жизненной силы, питающей человека [Дугарова, 2010б, с. 232]. Социальный статус отдельного человека, в свою очередь, зависел от статуса

его предков, отраженного в родословных преданиях: *Түүхэ төөрихэгүй, уг орхигдохогүй* (досл. История не забывается, а род — не прерывается); *Хүлөөр ошоһон ерэхэ, хүндэлэн ошоһон ерэхэгүй* (досл. Кто на ногах ушел — вернется, кто поперек, то есть нарушив обычаи, ушел, тот не вернется); *Уг түрэлөө алдаһан хүниие уһан дээрэ түймэр эдихэ* (досл. Кто покинул свой род, того огонь найдет даже в море).

Таким образом, концептуальная классификация бурятских паремий А. Т. Жанаева выделяет следующие ключевые концептуальные ориентиры бурятской культуры: обладание высокими духовными качествами, ценностное отношение к слову, философское восприятие времени, почитание старшего поколения, половая идентификация, уважительное отношение к людям.

Функционально-семантическая классификация бурятских фразеологизмов Н. П. Дондовой

В диссертационной работе Н. П. Дондовой «Зоосемические фразеологические единицы бурятского языка: структура, семантика, функции» (2008) представлена классификация 626 бурятских ФЕ, в том числе и паремий, включающих компонент-зооним (Приложение 2). Автор предприняла попытку сгруппировать их вокруг двух семантических полей:

- морально-этические постулаты;
- человек versus окружающий мир.

В рамках нашей работы во внимание берется только первое семантическое поле «Морально-этические постулаты», поскольку оно отражает основные концептуальные ориентиры бурятской традиционной культуры. Тем не менее ради справедливости отметим, что во втором семантическом поле также могут происходить актуализации неких предписаний, что не получило освещения в силу отсутствия такой задачи.

Первое поле включает в себя две подгруппы. Первая подгруппа содержит единицы, выражающие морально-этические постулаты облика человека. Как отмечает Н. П. Дондокова, подобные фразеологизмы играют роль эталона и мерила человеческих черт и качеств в оппозиции «каким подобает быть» — «каким не подобает быть». К примеру, пословица с компонентом-зоонимом «лошадь» *Уулын үндэр мори зобоохо, уур түргэн бэе зобоохо* (досл. Крутая гора в тягость коню, вспыльчивый нрав в тягость человеку) постулирует, «каким не подобает быть» — не будь вспыльчивым: обуздывай страсть, гнев.

Вторая подгруппа, в свою очередь, включает единицы, содержащие морально-этические постулаты вербального/невербального поведения человека. В поведенческом аспекте Н. П. Дондокова выделяет следующие сферы отношений: к «семье/внутри семьи», «противоположному полу», «другим людям», «образу жизни» и «делу» [Дондокова, 2008б, с. 15–16].

По словам автора, к основным постулатам **поведения по отношению к семье/членам семьи** относится прежде всего необходимость воспитания и образования детей с малого возраста: *Хүн болохо багаһаа, хүлэг болохо унаганһаа* (досл. В ребенке закладывается то, кем он будет, рысак закладывается в жеребенке) [Там же, с. 17]. У традиционных бурят важным аспектом в воспитании детей являлось формирование нравственных ценностей, а также приобщение к культурным традициям и обычаям народа [Замураева, 2015, с. 82]. Система воспитания детей у бурят характеризовалась прежде всего уважительным отношением к внутреннему миру ребенка, обусловленным пониманием эмоционального благополучия ребенка для нормального формирования личности [Жимбаева, 2014, с. 90]. Также важную роль в бурятской семье играет почитание опыта и мудрости стариков (*Хүгшэн/үтэлхэн нохойн хусаһан үр сайса, үбгэн/үтэлхэн хүнэй хэлэхэн үе дууһаса/дүүрэсэрэ* — досл. Лай старого пса — вплоть до утра, а слово, сказанное стариком, — на целую жизнь поколения), почитание родителей (*Эсэгэ хүниие гомодхообол, Сүмбэр уула хэмхэрхэ, эхэ хүниие*

гомодхообол, хүн далай шэргэхэ — досл. Оскорбишь отца своего — гора Сумбэр рухнет, оскорбишь мать свою — высохнет молочное озеро), избегание склок и раздоров (*Тэхэ хуса хоёрой мургэлдэхэдэ, тэхээихын хүбүүнэй гэдэһэн хахараа* — досл. Козел с бараном бодались — у козленка живот распоролся) [Дондокова, 2008б, с. 17].

Следующий аспект поведения — **поведение по отношению к противоположному полу**. Согласно Н. П. Дондоковой, в традиционной культуре бурят требования к мужчинам кардинально отличаются от требований к женщинам. К примеру, в отношениях с женщиной мужчина должен быть сдержанным и умеренным в проявлении чувств: *Хамбайгаа эльбүүлһэн морин түргэдэхэ, ханшагаа эльбүүлһэн хамган түргэдэхэ* (досл. Будешь гладить гриву лошади, она покажет свой нрав, будешь гладить голову женщины, она станет капризной). Что касается женщин, то к ним предъявляются более строгие требования, чем к мужчинам. Это можно увидеть в следующем примере: *Үхэртэ эмээл зохихогүй, эхэнэртэ архи зохихогүй* (досл. Корове не подходит седло, женщине не идет вино) [Там же, с. 17].

Традиционно у бурят половая дифференциация регулировала отношения между представителями полов, поэтому она начиналась достаточно рано. В бурятских семьях мальчики получали своего рода привилегии и занимали особое положение: получали право первенства, пользовались нежной заботой, безнаказанностью, вседозволенностью. Девочки же, напротив, с раннего возраста привлекались к труду и активно участвовали в домашних делах, что подразумевало их подчиненное положение и зависимость. Согласно П. Б. Замураевой, половая идентификация определялась не только разделенным трудом, но и разными социальными ролями. Основная роль женщины была связана с делами внутри семьи, тогда как мужчина был «кормильцем и защитником, распределителем культурных благ», поэтому имел более высокий статус, чем женщина [Замураева, 2015, с. 76]. Тем не менее, как отмечает

Д. А. Николаева, несмотря на то, что правила подчинительного поведения в отношении к мужчинам начинали прививать с самого раннего детства, в традиционной бурятской семье взаимоотношения супругов «основывались на взаимном уважении и демонстрации сдержанного отношения друг к другу» [Николаева, 2011, с. 154–155].

Поведение по отношению к другим людям в бурятской культуре представлено прежде всего прескриптивным наказом проявлять дружелюбие и доброжелательность к ним: *Замаг ехэтэй уһанда загаһа жараахай олон, зан һайнтай хүндэ нүхэр хани олон* (досл. В воде, где много водорослей, рыбы много, у человека с хорошим характером друзей много). Также автор выделяет и другие важные постулаты поведения в данной сфере отношений: соблюдать меру и приличия в отношениях (*Бэлэгэй мориной шүдэ татахагүй, бэри хүнэй наһа һурахагүй* — досл. У дареного коня зубы не проверяют, у невестки возраст не спрашивают), не поступать подло и трусливо (*Хони хулуугша ганса гэмтэй, хорёоень заагша адли гэмтэй* — досл. Не только тот виноват, кто овцу украл, но и тот, кто на овчарню указал) [Дондокова, 2008б, с. 17].

Согласно М. В. Амгалановой, в традиционной культуре бурят нравственные нормы и ценности предусматривали прежде всего ответственность перед родом, семьей, обществом, государством и т. д., что подразумевало объединение всех членов этноса в единое целое [Амгаланова, 2020, с. 45–46]. К основным доминантным ценностям бурятской культуры относится воспитание любви и уважения к родителям, старшим и окружающим людям, что является фундаментом формирования положительных нравственных качеств у детей [URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25806400_99122140.pdf (дата обращения: 20.06.2020)]. В основе такого воспитания лежит принцип природосообразности, который предполагает воспитание ребенка как члена семейно-родственной группы, прочного чувства родства и сплоченности, а также ответственности друг за друга, которое обусловлено социальной

защитой человека в различных жизненных ситуациях [Жимбаева, 2014, с. 92].

Поведение человека по отношению к образу жизни и делу представлено философским восприятием неожиданных поворотов судьбы, а также степенным и неспешным отношением к жизни в целом: *Үхэрээр ябаһан ябаганһаа дээрэ, үетэнһээ халахада үхэхэнһээ дээрэ* (досл. Лучше ехать на телеге, запряженной быками, чем идти пешком, расстаться с ровесниками не есть умереть). Как отмечает Н. П. Дондокова, в бурятской культуре при выполнении конкретных обязательств часто одобряются упорство и целеустремленность (*Арбан жэлдэ абаахайн мүрөөр мүрдэжэ, хорин жэлдэ хорхойн мүрөөр мүрдэжэ* — досл. Выслеживать десять лет по следам паука и двадцать лет — по следам червя), и, соответственно, осуждаются халатность и безответственность (*Бухын хамар нюдаргаар нүхэлхэ* — досл. Нос быка продырявить кулаком) [Там же, с. 18].

Следует отметить, что традиционный уклад жизни бурят связан с их представлением о духовном единстве природы и человека, которое отражается в мировоззренческом холизме [Zhimbeeva, 2010, p. 33]: *Гал түлибэл — газар нутаг, мори уябал — газар үтэг* (досл. Там, где разжег костер, — родина, там, где коня привязал, — очаг). Ведение кочевого образа жизни приводило к огромной зависимости от природы, поэтому бурятский народ в течение нескольких поколений вырабатывал оптимальную форму взаимодействия с окружающей средой [Гомбоева, 2013, с. 129]. С самого рождения дети бурят учились адаптироваться к воздействию внешней среды, ориентироваться в природной среде обитания, а также почитать и обожествлять природные процессы и явления. В этом смысле поведение людей в природе строго регламентировалось, существовала целая система запретов, оберегающих ее. До сих пор существует поверье о том, что окружающая природа одушевлена хозяевами-духами, которые могут покарать за неуважительное и пренебрежительное отношение к ним [Жимбаева, 2014, с. 91]. В связи с этим в бурятской культуре наблюдается

бережное отношение людей к природе, человеку и обществу как части природы, а также познание себя через окружающий мир [Цыinguнова, 2009, с. 298]. Однако в настоящее время меняется идентификационное отношение современных бурят к природе: в связи с нарастающей урбанизацией у городских жителей наблюдается выраженное отчуждение от природы [Дугарова, 2010в, с. 26].

Таким образом, согласно результатам классификации Н. П. Дондовой, наибольшее количество фразеологизмов с компонентом-зоонимом (105 ед.) выражают прескрипцию «каким НЕ подобает быть». На следующем месте оказались фразеологизмы, содержащие постулаты поведения по отношению к другим людям и к семье/членам семьи (25 и 22 ед. соответственно). Среди них: сдержанность вербального и невербального поведения, степенное отношение к жизни, доброжелательность, почитание старших, половая идентификация.

1.4 Способы перевода паремических фразеологизмов

В современном переводоведении нет общепринятого и всестороннего подхода к переводу ФЕ. Тем не менее проблема перевода фразеологизмов, в том числе и паремических, достаточно подробно описана во многих трудах отечественных и зарубежных лингвистов-переводоведов (С. Влахов, С. Флорин, 1980, А. Д. Швейцер, 1988, Р. К. Миньяр-Белоручев, 1996, И. С. Алексеева, 2001, Т. А. Казакова, 2001, В. Н. Комиссаров, 2002, А. В. Федоров, 2002, Н. К. Гарбовский, 2004, Я. И. Рецкер, 2007, Л. С. Бархударов, 2010, П. П. Дашинимаева, 2017, К. Райс, 1978, M. Baker, 2011, V. Gaia, 2006, E. Leivada, K. Grohmann, 2014, S. Plaza, 2015, M. Jaskot, 2016).

Так, согласно Р. К. Миньяр-Белоручеву, трудности при переводе образных выражений, в том числе и пословиц, связаны с временным характером их семасиологических связей, т. е. переносным значением. По

мнению автора, образные выражения являются самостоятельными единицами перевода и постоянными отправными величинами в деятельности переводчика, требующими отдельного решения на перевод [Миньяр-Белоручев, 1996, с. 88].

Л. С. Бархударов пишет, что пословицы относятся к числу предложений, которые «по своему значению являются идиоматическими, то есть их значение не равно сумме значений входящих в них слов и словосочетаний» (напр., *Every dark cloud has a silver lining*. — Нет худа без добра). Согласно автору, пословица представляет собой одну неделимую единицу перевода, которая может быть передана в ПЯ только на уровне всего предложения в целом [Бархударов, 2010, с. 183–184].

А. В. Федоров относит пословицы к устойчивым метафорическим сочетаниям, которые составляют законченное высказывание и имеют форму самостоятельных (часто эллиптических) предложений, тем самым образуя уже самостоятельную единицу контекста [Федоров, 2002, с. 224–225]. Автор утверждает, что особую трудность при переводе вызывают пословицы с национально-культурной окраской, воспроизведение которой в переводе «передает лишь форму, затемняя смысл». Например, устойчивое английское выражение *It isn't my cup of tea* (досл. Это не моя чашка чая), отражающее такую своеобразную черту англичан, как пристрастие к чаю, следует переводить на русский язык выражением «Это не по мне» [Там же, с. 228].

По мнению Я. И. Рецкера, основная трудность при переводе фразеологизмов связана с тем, что переводчик должен уметь разбираться в основных вопросах теории фразеологии, вычленять и выделять ФЕ, раскрывать их значение и передавать их экспрессивно-стилистические функции в ПТ (напр., *laugh on the other side of one's face* — плакать, огорчиться, опечалиться после веселья, от смеха перейти к слезам) [Рецкер, 2007, с. 143].

Н. К. Гарбовский считает, что одной из кардинальных проблем перевода фразеологизмов и образных выражений является передача в ПТ

национальных концептов «с неясным содержанием и неточным объемом», возникающих в результате метафорического переноса. В этом смысле переводчик каждый раз должен делать выбор либо в пользу устойчивой образности ПЯ, либо в пользу образа, сложившегося в языковом сознании ИЯ [Гарбовский, 2004, с. 453].

Согласно И. С. Алексеевой, пословицы представляют собой самостоятельный тип текста, поскольку выполняют особую коммуникативную задачу, которая заключается в сообщении значимых обобщенных сведений об окружающем мире, основанных на жизненном опыте народа. По мнению автора, они «несут определенный комплекс когнитивной, эмоциональной и эстетической информации и имеют свою замкнутую структуру», что требует особого подхода к их переводу [Алексеева, 2001, с. 242–243].

По словам П. Р. Палажченко, пословица является единицей перевода на уровне высказывания, которую следует переводить моноэквивалентами в ПЯ, т. е. готовыми равнозначными соответствиями, не зависящими от контекста. Однако автор утверждает, что моноэквивалентность встречается лишь в интернациональных паремиях, смысл и употребление которых примерно одинаковы в разных языках, но количество их ограничено (напр., *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня* — *Never put off till tomorrow what you can do today*). Во всех остальных случаях переводчику приходится прибегнуть к нейтрализации метафоры, либо к дословному переводу, либо к замене образной основы, что создает дополнительные сложности при переводе [URL: <https://bryansk-front.org.ru/vk/1614127806.html> (дата обращения: 18.03.2021)].

Т. А. Казакова пишет, что трудности перевода фразеологизмов связаны с многоступенчатым характером семиотического процесса их означивания. По мнению автора, при работе с такими единицами от переводчика требуется не только знание исходного и переводящего языков, но и умение анализировать стилистические и культурно-исторические аспекты ИТ в

сопоставлении с возможностями целевого языка и культуры [Казакова, 2001, с. 139].

В работе Е. В. Белоглазовой и О. А. Барташовой выделяются два основных аспекта проблемы перевода устойчивых выражений: 1) распознавание и интерпретация исходных единиц на этапе восприятия; 2) поиск адекватного способа передачи на ПЯ на этапе воспроизведения [Beloglazova, Bartashova, 2012, p. 783].

Ц. Б. Будаев, в свою очередь, пишет, что перевод фразеологизмов представляет большие трудности, поскольку они обладают богатыми экспрессивно-стилистическими оттенками, придающими языку красочность и живость [URL: <https://docplayer.ru/55803540-C-b-budaev-o-perevode-russko-y-frazeologii-ia-buryatskiy-yazyk.html> (дата обращения: 20.06.2020)].

В. Н. Комиссаров связывает трудности перевода ФЕ со сложной комплексной структурой их семантики, которая содержит предметно-логические и коннотативные компоненты. Согласно автору, наиболее важными компонентами с точки зрения выбора соответствия в ПЯ являются следующие: 1) переносный или образный компонент значения фразеологизма; 2) прямой или предметный компонент значения фразеологизма, составляющий основу образа, «образный стержень»; 3) эмоциональный компонент значения фразеологизма; 4) стилистический компонент значения фразеологизма; 5) национально-этнический компонент значения фразеологизма. Каждый компонент автор называет значением фразеологической единицы [Комиссаров, 1990, с. 152].

Таким образом, данные ученые сходятся в том, что фразеологизмы относятся к категории непереводаемых или труднопереводаемых, поскольку их перевод зачастую вызывает сложности, связанные с передачей в ПТ не только всех компонентов значения, но также и национально-культурной специфики фразеологизмов. Кроме того, большинство авторов выделяют пословицу в качестве неделимой единицы перевода на уровне высказывания

и самостоятельного типа текста, передача которого в ПЯ требует особого подхода.

Принципиально важно отметить, что в рамках нашей работы мы не абсолютизируем понятие (не)переводимости, поскольку данный феномен, на наш взгляд, носит весьма относительный характер. Л. К. Латышев утверждает, что переводимость представляет собой статистическую закономерность, которая включает в себя как моменты переводимости, так и моменты непереводимости. По словам автора, статистически первые в основном преобладают над вторыми, что объясняет высокую практическую эффективность перевода [Латышев, 2005, с. 48–49]. И. О. Мазирка и Г. Т. Хухуни, в свою очередь, допускают существование принципиальной переводимости, однако не считают целесообразным абсолютизировать данное явление [Мазирка, Хухуни, 2013, с. 97].

Отметим, что проблема переводимости занимала умы философов-переводчиков с самого зарождения переводческой мысли. Н. К. Гарбовский пишет, что во времена перевода Библии признавалась тотальная переводимость священных текстов, поскольку их переводы служили распространению христианских идей, тем самым выступая главным орудием становления новых европейских языков [Гарбовский, 2004, с. 37]. Известна мысль Вильгельма фон Гумбольдта о том, что язык является выражением духа народа, который невозможно передать средствами другого языка [Гумбольдт, 1984, с. 68] (тем самым мысль ставит под сомнение саму возможность перевода). Идеи философа нашли отражение в гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой структура мышления и способ познания окружающего мира определяются спецификой языка, а содержание последнего не имеет соответствий в другом языке [по: Nabi, 2017, с. 92], что также служит свидетельством принципиальной невозможности перевода.

В более поздние периоды развития переводческой науки принцип абсолютной непереводимости сменяется диалектическим пониманием

переводимости. А. Д. Швейцер утверждает, что отсутствие тождественности и моменты «недопонимания» между отправителем и получателем ИТ в условиях двуязычной коммуникации не являются поводом для признания невозможности перевода [Швейцер, 1988, с. 109]. Подобной точки зрения придерживается и А. В. Федоров, согласно которому сама идея переводимости имеет место быть, поскольку многие современные исследователи часто допускают ее возможность, а в некоторых случаях даже и доказывают [Федоров, 2002, с. 160].

Идею об относительной априорной невозможности достижения тождественности исходной и рецептивной значимости постулирует П. П. Дашинимаева. Автор объясняет это явление расхождением, во-первых, систем, норм и узусов ИЯ и ПЯ, во-вторых, концептуальной картины мира отправителя и получателя, в-третьих, психонейрофизиологических принципов порождения и восприятия речи [Дашинимаева, 2017а, с. 192]. По мнению автора, способы мышления и познания окружающей действительности варьируются от одного этнического общества к другому, и эта идея культурной асимметрии может выступать в качестве обоснования принципа относительной переводимости. Кроме того, когнитивная природа переводческого процесса доказывает невозможность существования тождественного восприятия внешнего мира и формирования одинаковой внутренней картины мира [Дашинимаева, 2017б, с. 343]. Другими словами, переводчик не в состоянии вызвать в сознании получателя те же самые ассоциативные значения и образы, которые возникают у отправителя ИТ. В этом смысле применительно к паремиям мы придерживаемся мнения об относительном характере переводимости.

Традиционно в теории перевода принято выделять два основных способа или приема перевода фразеологизмов:

- фразеологический перевод;
- нефразеологический перевод.

В терминах С. Влахова и С. Флорина, *фразеологический перевод* предполагает использование в ПТ устойчивых единиц различной степени близости между единицей ИЯ и соответствующей единицей ПЯ — от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия [Влахов, Флорин, 1980, с. 184].

Нефразеологический перевод подразумевает использование лексических, а не фразеологических средств ПЯ. Такой перевод часто несет некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность, оттенки значений), что заставляет переводчиков обращаться к нему лишь в крайних случаях [Там же, с. 193].

С. Влахов и С. Флорин предлагают два способа перевода пословиц, которые зависят от характера самой пословицы, а также от контекста:

- 1) передача самостоятельным эквивалентом (или аналогом);
- 2) обычное перевыражение, аналогичное переводу нормального художественного текста.

Как отмечают авторы, пословица, будучи лаконичным выражением суждения, мысли и назидания, является своего рода художественным произведением, которое следует передавать не как воспроизводимую единицу, а именно как произведение. В этом смысле переводчику необходимо сохранять в ПЯ прежде всего такие особенности единицы пословичного типа, как лаконичность, афористичность, рифма и т. д. Другими словами, переводчику следует подбирать такое соответствие исходной единице, которое также напоминало бы пословицу и в переводе [Там же, с. 200–201].

По терминологии В. Н. Комиссарова, *фразеологический способ* перевода означает поиск и подбор в ПЯ эквивалентов и аналогов, выражающих схожее метафорическое значение. При использовании **фразеологического эквивалента** передается весь комплекс значений исходной единицы: метафоричность образов, эмоционально-экспрессивная окраска, смысловое наполнение. Автор отмечает, что такие соответствия

можно обнаружить у так называемых интернациональных фразеологизмов, имеющих библейские, античные или мифологические источники (напр., *The game is not worth the candles* — Игра не стоит свеч). **Фразеологический аналог** предполагает подбор в ПЯ фразеологизма со схожим переносным значением, основанным на ином образе (напр., *A bird in the hand is worth two in the bush* — Лучше синица в руках, чем журавль в небе).

Нефразеологический способ перевода означает дословный перевод (калькирование) и используется в тех случаях, когда в ПЯ нет соответствующих коррелятов, выражающих близкое к исходному значение. Данный способ перевода применяется лишь в том случае, если в результате калькирования получается выражение, образность которого не создает впечатления неестественности у реципиента (напр., *Necessity is the mother of invention* — Необходимость — мать изобретательности) [Комиссаров, 1990, с. 153-154].

Согласно Н. К. Гарбовскому, при переводе идиоматических выражений, пословиц и поговорок наиболее часто используется такая операция, как эквиваленция, под которой подразумевается способ перевода, описывающий ту же ситуацию, но совершенно иными языковыми средствами [Гарбовский, 2004, с. 382]. Как утверждает автор, переводчики часто используют именно те обороты, которые приняты в целевом языке, и это решение не зависит от того, как описывается ситуация и мораль в исходном тексте (напр., *Quand les poules auront des dents* 'досл. Когда у кур будут зубы' — Когда рак на горе свистнет) [Там же, с. 410].

Я. И. Рецкер выделяет четыре различных способа передачи фразеологизмов с образной основой:

- 1) с полным сохранением иноязычного образа (напр., *to play with fire* — играть с огнем);
- 2) с частичным изменением образности (напр., *a diamond of the first water* — бриллиант чистой воды);

3) с полной заменой образности (напр., *to take smb. for a ride* — поднять на смех, высмеять кого-л.);

4) со снятием образности (напр., *a skeleton in the cupboard* — семейная тайна).

Как утверждает автор, последний способ является наименее эффективным, так как связан с потерей образности и выразительности [Рецкер, 2007, с. 158–160].

Т. А. Казакова предлагает следующие способы перевода фразеологизмов:

- 1) поиск идентичного соответствия в ПЯ;
- 2) поиск аналогичной единицы, имеющей схожее значение, но построенной на иной словесно-образной основе;
- 3) калькирование/пословный перевод;
- 4) переводческий комментарий.

Последние два способа, по словам автора, считаются менее эффективными и применяются лишь в отдельных случаях, поскольку их использование приводит к потере образно-ассоциативных свойств исходной единицы [Казакова, 2001, с. 140–141].

Британский лингвист М. Бейкер в своем учебнике «*In Other Words*» (2011) выделяет следующие способы перевода идиоматических выражений:

- 1) использование идиомы с тем же значением и формой;
- 2) использование идиомы с аналогичным значением, но другой формы;
- 3) перефразирование;
- 4) опущение.

Перефразирование используется в тех случаях, когда в ПЯ нет соответствующих аналогов, а опущение применяется лишь тогда, когда исходная единица не подлежит дословному переводу [Baker, 2011, p. 75–76].

Таким образом, авторы отдают явное предпочтение фразеологическому способу перевода, который заключается в передаче исходной единицы посредством подбора соответствий в ПЯ. Согласно методологии нашего

исследования, мы придерживаемся термина «коррелят», о чем отмечено на стр. 9 текста диссертации, поэтому данный способ формулируется как подбор коррелятов в ПЯ. Согласно концепции израильского теоретика перевода Гидеона Тури, норма перевода — это баланс между адекватностью и приемлемостью, а также соответствие перевода лингвистическим требованиям, а качество — соответствие дополнительным требованиям (сроки выполнения, соответствие задаче, контексту и пр.) [Toury, 1995, p. 53–69]. В связи с этим паремический коррелят нельзя рассматривать как норму перевода. Однако данный способ является наиболее оптимальным переводческим решением, поскольку может обеспечить достаточно высокую степень соответствия на уровне передачи прескриптивной семантики. Эту идею подтверждает тезис К. Райс о том, что пословицы относятся к текстам, ориентированным на содержание, которые следует передавать содержательно-понятийным способом или с помощью аналогичных языковых фигур ПЯ, чтобы читатель мог получить содержание в привычной языковой форме [Райс, 1978]. Данную мысль поддерживает и И. С. Алексеева, предлагая переводить пословицы посредством подбора готового соответствия в ПЯ — либо с тем же содержанием и образом, либо с тем же содержанием, но другим образом [Алексеева, 2001, с. 245–246]. Тем не менее как утверждает В. Н. Комиссаров, национально-окрашенные фразеологизмы следует передавать теми коррелятами, в которых национальная окраска отсутствует (напр., *Queen Anne is dead!* — Открыл Америку!). В таком случае редко удастся сохранить коннотативный компонент значения, что часто ведет к семантическому сдвигу в коррелятах [Комиссаров, 2002, с. 174].

1.5 Моделирование перевода в современной науке

В современной переводческой литературе под моделью перевода принято понимать «условное описание ряда мыслительных операций,

выполняя которые можно осуществить процесс перевода всего оригинала или некоторой его части» [Комиссаров, 1990, с. 248]. В настоящее время выделяется несколько подходов к моделированию переводческого процесса: формально-структурный, функционально-коммуникативный, психолингвистический. Для наглядности ниже представлена обобщенная классификация моделей перевода в рамках трех подходов (табл. 5).

Таблица 5

Обобщенная классификация моделей перевода

Подход	Модель
Формально-структурный	Теория закономерных соответствий Я. И. Рецкера (1960)
	Концепция динамической эквивалентности Ю. Найды (1964)
	Семантико-ситуативная модель Дж. К. Кэтфорда (1965)
	Семантико-семиотическая теория перевода Л. С. Бархударова (1975)
	Информационная теория перевода Р. К. Миньяра-Белоручева (1980)
Функционально-коммуникативный	Трехфазная модель перевода О. Каде (1968)
	Интерпретативная модель/теория Д. Селескович и М. Ледерер (1987)
	Концепция многоуровневой эквивалентности В. Колера (1979)
	Функционально-прагматическая (динамическая) модель А. Д. Швейцера (1988)
	Интегрирующая концепция М. Снелл-Хорнби (1988)
	Семиотическая теория перевода Н. К. Гарбовского (2004)
Психолингвистический	Последовательная программа перевода А. А. Леонтьева (2005)
	Теория пяти уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова (2002)
	Модель перевода И. Э. Ключанова (1989)
	Алгоритм интерпретации смысла Ю. А. Сорокина (1998)
	Концепция когнитивной транслятологии Т. А. Фесенко (2002)
	Психолингвистическая модель перевода значимости П. П. Дашинимаевой (2010)

Основоположниками *формально-структурного подхода* считаются Я. И. Рецкер, А. В. Федоров, Дж. Кэтфорд, Ж. Вине и Ж. Дарбельне, Ю. Найда. В рамках данного подхода авторы исходят из линейной

(формально-структурной) парадигмы исследования языка — речи — коммуникации, что предполагает чисто языковой алгоритм — поиск и нахождение лексических и грамматических эквивалентов.

Ярким примером лингвистической модели перевода является «теория закономерных соответствий» Я. И. Рецкера. Согласно автору, между единицами разных языков существуют постоянные (закономерные) равнозначные соответствия, которые, как правило, делятся на три категории: эквиваленты, аналоги, адекватные замены. Под эквивалентами понимаются постоянные, не зависящие от контекста соответствия исходного языка (далее ИЯ) и языка перевода (далее ПЯ) (имена собственные, термины, числительные и др.). Аналоги представляют собой варианты контекстуальные соответствия, а адекватные замены — группу соответствий, полученных в результате применения лексических трансформаций (конкретизация, генерализация, логическое развитие понятий, антонимический перевод и др.) [Рецкер, 2007, с. 11–12].

Другой известной лингвистической моделью является семантико-ситуативная модель Дж. К. Катфорда. Согласно данной модели, содержанием межъязыковой коммуникации является экстралингвистическая реальность, а процесс перевода трактуется как процесс отражения денотатов ИЯ средствами ПЯ. Иначе говоря, любой денотат (предмет, признак, действие) или любая ситуация могут быть описаны по-разному, причем каждый язык имеет свои устоявшиеся способы их описания (напр., *Wet paint*. — Осторожно, окрашено!) [Катфорд, 2004].

В рамках функционально-коммуникативного подхода задача переводчика состоит в том, чтобы грамотно и максимально релевантно идентифицировать цель коммуникации. Если в монокультурной коммуникации отправитель сообщения сам актуализирует функцию, то в межкультурной коммуникации второй этап реализуется переводчиком [Дашинимаева, 2017б, с. 125].

Одним из примеров коммуникативной модели является трехфазная модель перевода немецкого теоретика О. Каде. Согласно данной модели, на процесс перевода влияют такие факторы, как особенности языковых систем, объективная действительность и ее отражение, участники коммуникации, использующие знаки. По мнению автора, основная проблема перевода заключается в разнице кодов ИЯ и ПЯ, которую переводчик должен преодолеть, создав некий единый код. Для этого переводчик совершает следующие три операции:

- 1) декодирует текст на Я с целью перекодирования на Я1;
- 2) совершает подстановку знаков Я2 вместо знаков Я1;
- 3) производит текст на Я2 — такой, который оказывает коммуникативное воздействие на адресата [Каде, 1978, с. 74].

Н. К. Гарбовский описывает переводческий процесс с точки зрения семиотического подхода, включающего учет психологических факторов коммуникации. По словам автора, переводчик совершает три семасиологические операции, следуя от знаков к значениям:

- 1) определяет предметную соотнесенность знака (денотативное значение);
- 2) уясняет общую, объективную информацию о предмете (смысл, сигнификативное значение);
- 3) пытается выявить субъективный смысл знака, ту информацию о предмете, которую желал сообщить конкретный автор конкретного речевого произведения [Гарбовский, 2004, с. 272–273].

В рамках *психолингвистического подхода* перевод рассматривается как особый речемыслительный процесс, состоящий из многоэтапных мыслительных операций [Швейцер, 1988, с. 21]. С точки зрения отечественного психолингвиста А. А. Леонтьева, задача психолингвистики заключается в теоретическом осмыслении ряда практических задач, не поддающихся интерпретации в рамках чисто лингвистического подхода,

связанного с анализом текста, а не говорящего человека [Леонтьев, 2000, с. 405].

Согласно В. В. Сдобникову и О. В. Петровой, перевод представляет собой психологический процесс, поскольку психологическую природу имеют три его стадии: понимание исходного текста (далее ИТ), «отмысливание» от форм ИЯ и продуцирование текста перевода (далее ПТ). Следовательно, по словам авторов, «выявление психологической основы перевода является необходимой предпосылкой для познания его сущности» [Сдобников, Петрова, 2001, с. 54].

М. Шлезингер и П. Тагард, в свою очередь, утверждают, что задача психолингвистического подхода к переводу состоит в описании ментальных процессов, протекающих в коре головного мозга у переводчика в момент осуществления перевода, и объяснении того или иного переводческого выбора [Shlesinger, 2000; Thagard, 2005].

По мнению А. Г. Минченкова, основное достоинство психолингвистических моделей перевода, в отличие от упомянутых ранее, заключается в представлении процесса перевода в виде речемыслительного процесса, «когда в результате активного осмысления переводчиком ИТ в его сознании формируется определенная структура смыслов, которая затем вербализуется в виде текста перевода» [Минченков, 2008, с. 15].

В пользу психолингвистического подхода выступает и В. Н. Комиссаров, который утверждает, что теоретическая модель перевода должна приближаться к описанию психических процессов, обеспечивающих реальные действия переводчика [Комиссаров, 1990, с. 170].

Рассмотрим некоторые модели перевода, функционирующие в рамках данного подхода. Например, Ю. А. Сорокин предлагает следующий алгоритм действий по интерпретации смысла: «Вы формируете цель: ближайшую и дальнюю — для слова и высказывания (цель «б») и для всего текста (цель «д»). Решаете, что делать с фактами и событиями (передавать

или имитировать), учитывая, кому и какому времени принадлежит текст, что в нем «непостижимо» (далеко) и что вполне понятно (близко), «конструируете» перевод, балансируя между двумя «провалами» — метаболами, между метаболически привычным и экзотичным (по характеру и мировидению)» [по: Дашинимаева, 2017б, с. 153].

В модели А. Г. Минченкова доминирующим признаком процесса перевода является его неподвергаемость строгим лексическим и структурным стандартам, алгоритмизациям, поскольку средства ПЯ не соотносятся напрямую с единицами ИТ. В этом случае отправной точкой формирования смысла оказывается значение концепта-понятия, и, соответственно, сам процесс перевода начинается с обнаружения контекстуально релевантного концепта [Минченков, 2008, с. 29].

В концепции когнитивной транслятологии Т. А. Фесенко алгоритм ментальных переводческих операций выглядит следующим образом. На первом этапе происходит неконтролируемая обработка ИТ с участием схем и фреймов. Затем на основе интуитивных суждений и ассоциаций определяются координаты перевода. На следующем этапе формируется конечный текст как новая интегральная структура в «совмещенном ментальном пространстве». Как поясняет автор, данное пространство представляет собой участки пересечения индивидуальных ментальных сфер, благодаря которым у переводчика появляются зоны понимания [Фесенко, 2002, с. 129].

Попытку экспериментального моделирования в рамках психолингвистического подхода также предпринимают И. Н. Ремхе и Л. А. Нефедова, которые предлагают авторскую модель перевода в виде матрицы, состоящей из 9 блоков с их горизонтальным и вертикальным отображением. Горизонтальное отображение осуществляется в соответствии с тремя типами мыслительных пространств переводчика: неврологическим, репрезентативным и концептуальным. Вертикальное отображение строится в соответствии с тремя основными этапами перевода:

понимание, обработка и вербализация. Каждый уровень представлен определенными когнитивными механизмами: идентификацией, одновременной или последовательной обработкой, рефреймингом, концептуальным соответствием, составлением связного текста и достижением коммуникативных целей. Согласно авторам, данную карту-матрицу можно использовать в качестве пояснительного инструмента для методологических целей, а также для выявления несоответствий в переводе [Remkhe, Nefyodova, 2015, p. 58].

Далее рассмотрим две авторские модели перевода с точки зрения их применимости в коррелировании паремий.

1.5.1 Функционально-коммуникативная модель пяти уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова

Одной из общепризнанных в переводоведении концепций является теория пяти уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова, которая, как мы ранее отметили, функционирует в рамках психолингвистического подхода, потому что идеи автора и его целостное видение переводческого процесса достаточно близки к данному направлению. По его мнению, схема непосредственного процесса перевода состоит из двух этапов — внутреннего кода, который реализуется в виде внутренней программы будущего сообщения, и самого речевого высказывания [Комиссаров, 1990].

Следует обратить внимание, что в данной концепции автор исходит из принципа доминирования первого уровня эквивалентности — цели коммуникации, которая в данном случае соотносится с прескриптивной семантикой ПЕ. Предложенная им модель предполагает пять уровней эквивалентных отношений между исходным текстом и текстом перевода:

- 1) цель коммуникации;
- 2) описание ситуации;
- 3) способ описания ситуации;

- 4) структурная организация высказывания;
- 5) лексическая семантика знаков.

Эквивалентность перевода первого типа предполагает сохранение только той части содержания оригинала, которая составляет цель коммуникации. Например, английское выражение *That's a pretty thing to say* следует переводить на русский язык клишированной фразой *Постыдился бы!*, которая достаточно точно передает цель коммуникации — выражение возмущения высказыванием собеседника. В данном случае мы наблюдаем использование в переводе совершенно иных языковых средств, не соответствующих единицам оригинала.

Цель коммуникации, в свою очередь, интерпретируется как часть содержания высказывания, которая выражает доминантную функцию этого высказывания. Автор отмечает, что несохранение этой части содержания делает перевод неэквивалентным, даже если в нем сохранены все остальные компоненты содержания оригинала.

Эквивалентность перевода второго типа подразумевает сохранение двух частей содержания оригинала — цели коммуникации и указания на внеязыковую ситуацию, т. е. эквивалентность на уровне ситуации или ситуативную эквивалентность. Ситуацию автор определяет как совокупность объектов и связей между объектами, описываемую в высказывании. Английская фраза *He answered the telephone* на русский язык переводится как *Он снял трубку*. Здесь несоответствующие языковые средства оригинала и перевода описывают одну и ту же ситуацию, поскольку говорить по телефону можно, только сняв трубку.

Однако, по словам автора, существуют ситуации, которые описываются одним и тем же способом. Особенно часто это имеет место в стандартных речевых формулах, предупредительных надписях, общепринятых пожеланиях, выражениях соболезнования и т. д. Например, указать, в какую сторону открывается дверь, нужно по-английски надписью *Pull* или *Push*, а по-русски — *К себе* или *От себя*.

Эквивалентность перевода третьего типа предполагает сохранение цели коммуникации, указания на ситуацию и способа ее описания. Например, выражение *Scrubbing makes me bad-tempered* на русский язык можно перевести фразой *От мытья полов у меня настроение портится*. Как видим, в переводе использованы те же признаки ситуации и сохранены отношения между ними: *scrubbing* — мытье полов; *makes bad-tempered* — портится характер. Иными словами, в ПТ наблюдается сохранение общих понятий, с помощью которых осуществляется описание ситуации в оригинале.

В четвертом типе эквивалентности помимо цели коммуникации, указания на ту же ситуацию и способа ее описания сохраняется и часть значения синтаксических структур ИТ. Другими словами, здесь используются аналогичные структуры, имеющие примерно те же значения в обоих языках. К примеру, английскому пассивному залогу в русском языке соответствует страдательный залог: *The house was sold for eighty thousand dollars* — Дом был продан за восемьдесят тысяч долларов.

По мнению автора, максимальное сохранение синтаксической организации ИТ при переводе способствует более полному воспроизведению его содержания. Однако порой не удается сохранить полный параллелизм, поэтому в переводах этого типа часто наблюдаются различные случаи синтаксического варьирования:

1) использование синонимичных структур, связанных отношениями прямой или обратной трансформации (напр., *The port can be entered by big ships only during the tide* — Большие корабли могут входить в порт только во время прилива);

2) использование аналогичных структур с изменением порядка слов (напр., *A boy entered the room* — В комнату вошел мальчик);

3) использование аналогичных структур с изменением типа связи между ними (напр., *The installation must function at low temperatures. The*

engineers should take it into account — Разработчики должны учитывать, что установка будет работать при низких температурах).

В пятом типе эквивалентности достигается максимальная степень близости содержания ИТ и ПТ за счет сохранения значения слов оригинала с помощью дословного перевода: *The house was sold for 10 thousand dollars.* — Дом был продан за 10 тысяч долларов. В данном примере помимо высокой степени параллелизма в структурной организации наблюдается максимальная соотнесенность лексического состава.

Однако, как отмечает автор, достижение эквивалентности на уровне семантики слова часто оказывается невозможным в связи с несовпадением значений слов в разных языках. Подобные переводческие проблемы возникают из-за сложной комплексной структуры слова, которая включает в себя три основных компонента значения: денотативное, коннотативное и внутриязыковое значения [Комиссаров, 2002, с. 116–134].

Для наглядности данную модель перевода можно изобразить следующим образом (схема 4):

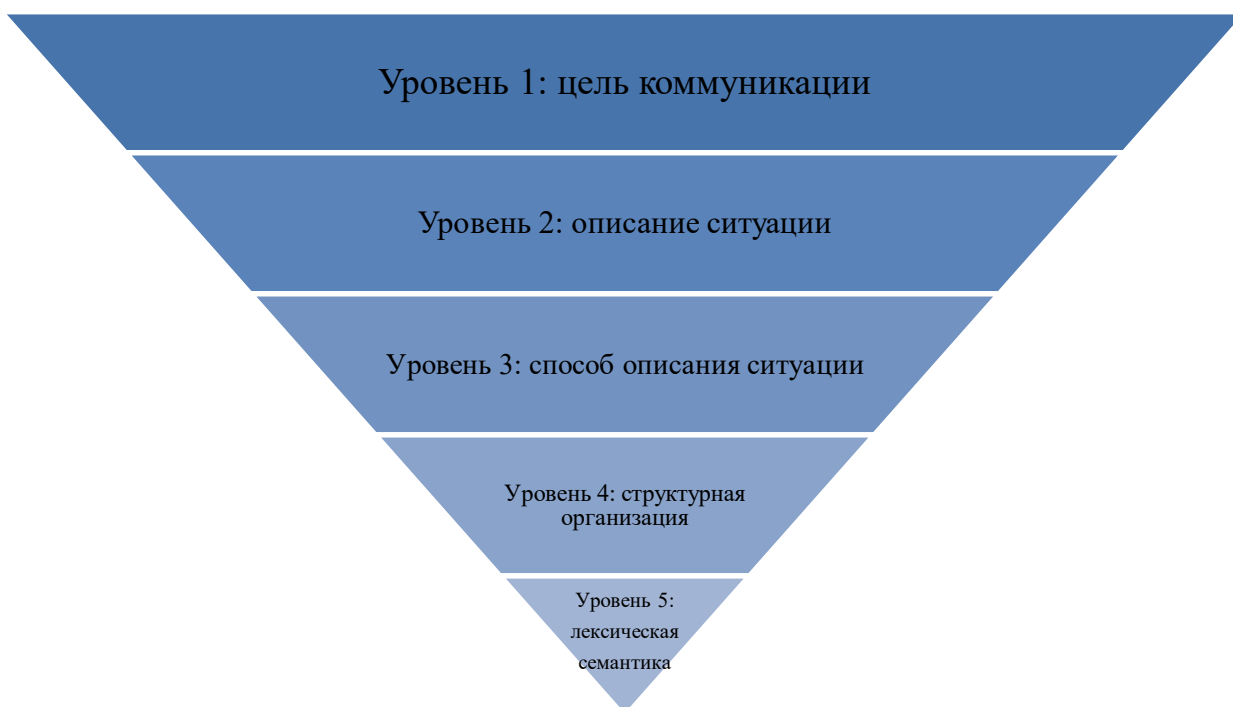

Схема 4. Уровни эквивалентности по В. Н. Комиссарову

Как видно из схемы, инвертированная пирамида с убывающим градиентным оттенком каждого последующего компонента означает, что достижение эквивалентности на соответствующих уровнях становится менее выраженным и значимым. В рамках данного исследования принцип доминирования первого уровня эквивалентности — сохранения цели коммуникации — соответствует нашим представлениям о релевантном коррелировании паремий на уровне передачи прескриптивной семантики.

1.5.2 Психолингвистическая модель перевода значимости

П. П. Дашинамаевой

Ключевым и самым важным этапом в переводе является этап декодирования смысла ИТ. В этой связи целесообразно рассмотреть психолингвистическую модель перевода значимости П. П. Дашинамаевой (далее ПЛМПЗ), которая достаточно детально описывает данный этап переводческого процесса.

В основе модели лежит убеждение в том, что «говорящий объективирует во внешней речи актуальную в момент говорения или письма значимость, которая не всегда напрямую вызвана обстоятельствами внешнего мира (референтами), а может быть следствием когнитивных операций субъекта» [Дашинамаева, 2017б, с. 161].

Термин «значимость» определяется автором модели как «нечто значимое из мыслительного этапа естественного семиозиса — то, что частично подвергнется вербализации» [Там же, с. 11]. Понятия «значение» и «значимость» разграничиваются: автор приписывает им противоположные свойства: значение как лексикографическое толкование характеризуется статичностью, семантической прозрачностью и связанностью, а значимость, в свою очередь, — динамичностью, неуловимостью и несвязанностью. Иначе говоря, значимость представляет собой некую психическую сущность, «переживаемую индивидуумом в той или иной коммуникативной

ситуации, которая необязательно завершается речью и которая необязательно происходит с участием другого» [Там же, с. 8].

Согласно ПЛМПЗ, один переводческий акт включает три изолированных этапа: <<1. первичное восприятие ИТ → **2. декодирование значимости ИТ** → 3. представление спрогнозированной значимости в знаках ПЯ>>.

Алгоритм развертывания второго этапа [декодирования значимости ИТ] представляется следующим образом:

2.1 определение *естественной* рецептивной версии исходного смысла (смыслов) и формирование *значимости-Я* согласно собственным сенсорно-модально-аффективным аксиологическим параметрам;

2.2 прагматическая адаптация и реконструкция *значимости-Я* под *значимость-Ант* и определение *искусственной версии-1* согласно вопросу: «Что бы я имел в виду, если бы я был на месте адресанта?» (Ант — адресант);

2.3 прагматическая адаптация и формирование *значимости-Ат* и *искусственной версии-2* согласно вопросу: «Как бы я понял переведенную мысль адресанта, если бы я был на месте адресата?» (Ат — адресат) [Дашинимаева, 2017а, с. 188].

Как объясняет автор, на втором этапе происходит формирование трех рецептивных версий значимости — *естественной значимости-Я*, «искусственной» версии *значимости-1* (адресанта) и версии *значимости-2* (адресата). Другими словами, декодирование значимости ИТ осуществляется сначала неосознанно на основе собственных сенсорно-модально-аффективных аксиологических параметров. Затем происходит прагматическая адаптация *естественной рецептивной версии значимости* к версии адресанта, т. е. экспликация исходной значимости от имени отправителя: поскольку происходит подавление собственной эго-значимости, постольку вторая версия называется искусственной. И, наконец, осуществляется прагматическая адаптация второй версии

значимости ИТ под версию адресата, т. е. прогнозирование воздействия, которое окажет донесение на получателя целевой культуры (Приложение 3).

Согласно ПЛМПЗ, переводчик должен «подавлять» свою Я-интерпретацию и примеривать «личину» Адресанта и Адресата путем приблизительного прогнозирования их внутреннего мира, помыслов и намерений» [Там же, с. 192]. На наш взгляд, подобный подход к переводческому процессу позволит наиболее точно и релевантно описать ментальный этап декодирования прескриптивного смысла исходной паремии и подбора коррелятов в ПЯ.

Выводы по первой главе

Анализ теоретического материала показал, что многие ученые рассматривают поговорки как фразеологизмы со структурой предложения и, следовательно, как часть фразеологии. В этом смысле термины «фразеологизм» и «поговорка» в некотором роде вступают в отношения гиперонима (более широкого понятия) и гипонима (понятия с более узким значением).

В основе поговорок лежит тот или иной образ, который является ключевым компонентом в их структуре. Подробный анализ примеров, содержащих ту или иную метафорическую образность, позволяет заключить, что, во-первых, поговороческая прескрипция носит метафорический характер и, во-вторых, метафора служит ключом к пониманию этнокультурных концептов. Дж. Лакофф и М. Джонсон, к примеру, объясняют это тем, что процесс метафоризации основан на взаимодействии концептов, которые структурируют мышление и поведение того или иного лингвокультурного общества. В этом смысле метафоризация денотативного значения поговорки создает некий образ, который оказывается инструментом для понимания и, следовательно, актуализации ее метафорической прескрипции.

В связи с этим была поставлена задача проанализировать две полярно разные классификации бурятских поговорок без учета и с учетом поговороческой прескрипции: концептуальную и функционально-семантическую. В первой классификации, предложенной А. Т. Жанаевым, были представлены концепты бурятской культуры, распределенные в пределах трех смысловых полей безотносительно прескриптивной составляющей. Классификация Н. П. Дондовой, напротив, включала поговорки, содержащие морально-этические постулаты облика и поведения человека, т. е. внимание главным образом акцентировалось на их прескриптивной семантике. В результате анализ данных классификаций

позволил раскрыть некоторые особенности традиционного мышления и поведения бурятского народа и выявить основные концептуальные ориентиры бурятской культуры, определяющие содержание прескриптивного потенциала бурятских пословиц, среди которых проявление глубокого уважения к старшему поколению, доброжелательное отношение к людям, ценностное отношение к слову, сдержанность речевого поведения, философское восприятие времени, гендерная идентификация. В этом смысле вполне справедливо утверждать, что бурятские паремии служат определенными концептуальными ориентирами вербального и невербального поведения бурятского народа, однако при условии их освоенности носителем языка-культуры как знания, владеющего потенциалом стать соответствующим умением и навыком.

Как ранее было отмечено, в транслатологии традиционно выделяются два основных способа перевода фразеологизмов — фразеологический и нефразеологический. На наш взгляд, при переводе паремических единиц наиболее оптимальным переводческим решением, позволяющим в максимальной степени реализовать исходный прескриптивный потенциал в переводе, является подбор коррелятов в ПЯ. Алгоритмизация процесса поиска и подбора паремических коррелятов требует рассмотрения основных теорий и концепций, функционирующих в рамках психолингвистического подхода, где перевод рассматривается как особый речемыслительный процесс, состоящий из многоэтапных операций. В этом смысле функциональная модель уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова и психолингвистическая модель перевода значимости П. П. Дашинимаевой представляются наиболее релевантными для решения данной задачи.

ГЛАВА 2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ ПРЕСКРИПТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПАРЕМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

На наш взгляд, бурятские паремии, будучи концептуальными ориентирами вербального и невербального поведения носителя языка-культуры, обладают разной степенью выраженности прескрипции. Однако пословицы с высокой степенью затемненности семантики могут вызвать определенные трудности в понимании их актуализируемого прескриптивного потенциала, особенно у подрастающего поколения бурят, которое в недостаточной мере освоило те или иные ПЕ. В этом смысле вариативность понимания прескриптивного смысла паремий предопределяет степень успешности поиска и подбора релевантных коррелятов в ПЯ. В целях подтверждения данных предположений был проведен эксперимент, состоящий из трех отдельных этапов.

Отметим, что в современной науке психолингвистический эксперимент является одним из самых эффективных методов изучения языковых явлений, что подтверждается рядом проведенных исследований, основанных на применении данного метода. Психолингвистический эксперимент также достаточно часто используется и в области исследования функционирования паремий, однако на данный момент не проведено ни одного эксперимента в аспекте изучения степени актуализации прескриптивного потенциала пословиц в переводческих коррелятах. Одна из работ в области изучения паремий принадлежит Л. Б. Кацюбе и Ван Лимин, которые в своем исследовании представляют результаты ассоциативного эксперимента, проведенного с целью выявления этнокультурной специфики языкового сознания современных китайцев, изучающих русский язык, на материале китайских и русских паремий [Кацюба, Лимин, 2015, с. 132–133]. В экспериментальных ассоциативных исследованиях Н. В. Дмитриук, Д. Н. Байгутовой и Е. С. Мезенцевой рассматриваются особенности существования и функционирования паремий

назидательного свойства в языковой культуре современной казахской молодежи [Дмитрюк, Байгутова, Мезенцева, 2015, с. 159]. Особый интерес также представляет исследование А. А. Нистратова, посвященное изучению значения пословиц и поговорок в контексте ситуаций их употребления. В основе данного исследования лежит психосемантический эксперимент, включающий установление семантических связей анализируемых объектов и построение матрицы сходства значений пословиц и поговорок [Нистратов, 2017, с. 85]. В работе С. А. Чугуновой и Ж. П. Залипаевой описываются результаты эксперимента, направленного на понимание идиоматических выражений, в том числе и паремий, с темпоральной семантикой на родном (русском) и иностранном (английском/французском) языках с использованием методов субъективного шкалирования и субъективной дефиниции [Чугунова, Залипаева, 2017, с. 121].

2.1 Методика проведения трехэтапного эксперимента

2.1.1 Степень распознавания прескриптивного потенциала бурятских паремий

Проведенный нами в апреле 2019 г. первый этап психолингвистического эксперимента направлен на выявление степени приложения когнитивных усилий при распознавании прескриптивного потенциала бурятских ПЕ носителями языка двух поколений. Методика данного эксперимента базируется на интеграции качественной методики и метода семантического дифференциала, разработанного Ч. Осгудом. Данный метод является комбинацией метода контролируемых ассоциаций и процедур шкалирования, где измеряемые объекты оцениваются по ряду биполярных градуальных (трех-, пяти-, семибалльных) шкал, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов [Osgood, 1964, p. 172].

Специфика метода семантического дифференциала подходит для изучения социальных стереотипов и ценностных представлений по следующим причинам:

- ни стереотипы, ни представления не имеют, в сущности, объективного содержания, а лишь то личностное значение, которое в них вкладывает индивид или социальная группа;
- семантический дифференциал позволяет обнаружить элементы слаборефлексируемых структур сознания (феномен «социального бессознательного»), которые как раз служат почвой для формирования стереотипов и ценностных представлений;
- использование количественной шкалы в конструировании методики упрощает математическую обработку мнения респондента [Сикевич, 2016, с. 120].

Доэкспериментальный этап исследования

На данном этапе эксперимента приняло участие 100 испытуемых бурятской национальности. При этом основным требованием к участникам эксперимента было владение родным языком.

Перед началом эксперимента респонденту был предъявлен анонимный опросник (Приложение 4), состоящий из следующих пунктов:

- 1) пол;
- 2) год рождения.

Обработка данных и качественно-количественный анализ

В результате обработки внешних характеристик респондентов мы получили следующие статистические данные:

- Всего участников — 100, из них респондентов мужского пола — 25, женского пола — 75.
- Возраст респондентов: младше 30 лет — 50, старше 30 лет — 50.

На первом этапе эксперимента объектами оценивания стали 15 наиболее известных (наиболее узнаваемых) бурятских ПЕ. Методика их выявления состояла из двух подэтапов.

На *первом подэтапе* 10 носителям языка возраста от 70 до 82 лет с высокой степенью развития языковых и речевых умений было предложено выделить из 620 единиц те пословицы, которые не вызывают трудность в узнавании и понимании смысла. В результате составлен уменьшенный список: 263 единицы оказались в списке каждого респондента.

На *втором подэтапе* был проведен их дальнейший отбор по критерию частотности функционирования в произведениях различных жанров, источник — Корпус бурятского языка [URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 11.04.2019)]. В результате список был сокращен до 15 наиболее частотных единиц (Приложение 5): *Горхо хараагүй аад, гуталаа бү тайла* (досл. Не увидев речку, не снимай обувь); *Ганса сусал гал болохогүй, ганса хүн хүн болохогүй* (досл. Одним поленом костер не разжечь, одинокому семью не иметь); *Ябаһан хүн яһа зууха, хэбтэһэн хүн хээли алдаха* (досл. Кто ходит, кость найдет, кто лежит — и свое потеряет); *Өөдэнь хаяһан шулуун толгой дээрэ унаха* (досл. Брошенный вверх камень упадет на свою же голову); *Модонһоо хөө гараха, мууһаа муу гараха* (досл. Из дерева уголь выходит, от плохого дурное исходит); *Нэрээ хухаранхаар, яһаа хухара* (досл. Чем потерять свое имя (честь), лучше сломать себе кость); *Морин дүрбэн хүлтэйшье һаа, бүдэрдэг, хүн дүүрэн ухаантайшье һаа, эндүүрдэг* (досл. Конь, хоть и четыре ноги имеет, спотыкается, человек, хоть и очень умен, ошибается); *Саһан дээрэ мургүй, саарһан дээрэ нэрэгүй* (досл. Без следа на снегу, без имени на бумаге); *Үглөө эдихэ өөхэнһөө мүнөө эдихэ уушхан дээрэ* (досл. Легкие, которые ты ешь сейчас, лучше, чем сало, которое съешь завтра); *Түргэдэжэ ябаһаар, түриигөө һэтэ гэххэхэ* (досл. Кто спешит, голенище себе изорвет); *«А» үзэг эрдэмэй дээжэ, аяга сай эдээнэй дээжэ* (досл. Буква «А» — учения пролог, чашка чаю — угощения начало); *Ухаагүй толгой улаан гараа зобоохо* (досл. Глупая голова мучает руки); *Һураһан — далай, һураагүй — балай* (досл. Образованный человек подобен морю, а неуч — темноте); *Дуутай тэнгэри бороогүй, суутай басаган*

хуримгүй (досл. Грохочущее небо — без дождя, ославленная девушка — без жениха); *Ойн модон үндэртэй набтартай, олон зон хайнтай муутай* (досл. В лесу бывают деревья высокие и низкие, среди людей бывают хорошие и плохие).

Далее респондентам было задано оценить степень понимания/непонимания прескриптивной составляющей паремий-стимулов по 7-балльной шкале -3, -2, -1, 0, +1, +2, +3, где баллы означали:

-3 — абсолютно непонятно, в чем состоит назидание (смысл)

-2 — скорее не понимаю назидание (смысл), чем понимаю

-1 — смутно понимаю, в чем состоит назидание (смысл), однако не уверен в правильности догадки

0 — не знаю/не понимаю вопрос

+1 — осознаю, в чем заключается назидание (смысл), но не могу точно сформулировать

+2 — не составило больших усилий, чтобы понять назидание (смысл)

+3 — абсолютно четко представляю, в чем состоит назидание (смысл).

В случае выбора оценок -3, -2, -1, 0 респондентам необходимо было пояснить, ЧТО именно не позволило понять назидание.

Ниже представлен общий статистический показатель для сравнения результатов тестирования по возрастным группам (табл. 6):

Таблица 6

Степень (не)понимания прескриптивного потенциала:

общая статистика

Возрастные группы	Всего реакций	Ответы со знаком «-»	Ответы с оценкой «0»	Ответы со знаком «+»
До 30 лет	750	307	35	408
От 30 лет	750	27	20	703

Из таблицы видно, что в возрастной группе старше 30 лет зарегистрировано всего 27 случаев ответа со знаком «-», а в группе младше

30 лет — 307 (!) случаев, демонстрирующих относительно низкую степень понимания прескриптивной составляющей паремий-стимулов. Детальная картина результатов теста по шкалам оценивания выглядит следующим образом (табл. 7):

Таблица 7

Степень (не)понимания прескриптивного потенциала:
шкала оценивания

Шкала оценивания	До 30 лет	От 30 лет
-3 — абсолютно непонятно, в чем состоит назидание (смысл)	176	8
-2 — скорее не понимаю назидание (смысл), чем понимаю	71	5
-1 — смутно понимаю, в чем состоит назидание (смысл), однако не уверен в правильности догадки	60	14
0 — не знаю/не понимаю вопрос	35	20
+1 — осознаю, в чем заключается назидание (смысл), но не могу точно сформулировать	126	87
+2 — не составило больших усилий, чтобы понять назидание (смысл)	128	116
+3 — абсолютно четко представляю, в чем состоит назидание (смысл).	154	500

Приведем сопоставление данных двух групп респондентов на основе процентного коэффициента относительно доли участников. В итоге получается следующее соотношение (диагр. 1):

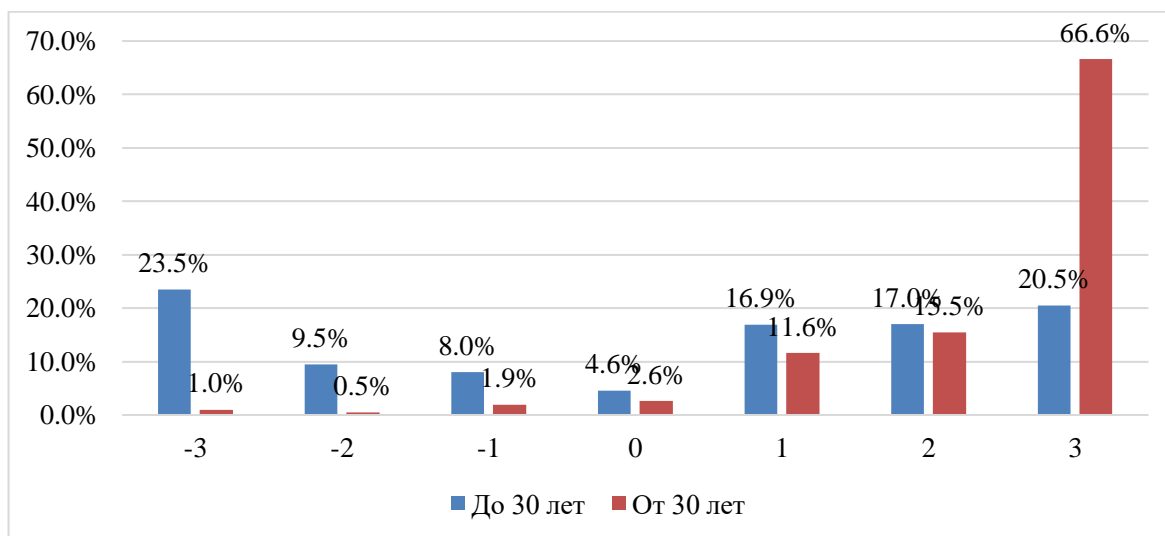

Диаграмма 1. Степень (не)понимания прескрипции:
процентное соотношении реакций

Данное соотношение реакций наглядно демонстрирует асимметричность результатов двух возрастных групп. Как видно из соотношений, у старшего поколения зарегистрировано 66,6% случаев абсолютно четкого понимания прескриптивной составляющей паремий, а у младшего поколения только 20,5 %. Если у респондентов младше 30 лет зафиксировано 23,5% случаев абсолютного непонимания назидания паремий-стимулов, то у группы старше 30 лет — всего 1%.

Далее были проанализированы конкретные результаты относительно самих паремий-стимулов на предмет степени их понимания по возрастным группам. Список паремий-стимулов, прескриптивный потенциал которых не вызвал никаких затруднений в понимании у респондентов обеих возрастных групп, представлен следующими единицами: *Горхо хараагүй аад, гуталаа бү тайла; Нэрээ хухаранхаар, яһаа хухара; Ганса сусал гал болохогүй, ганса хүн хүн болохогүй; Ябаһан хүн яһа зууха, хэбтэһэн хүн хээли алдаха; Өөдэнь хаяһан шулуун толгой дээрэ унаха*. Очевидно, что паремии *Горхо хараагүй аад, гуталаа бү тайла* и *Нэрээ хухаранхаар, яһаа хухара* содержат прямую прескрипцию в виде прямого наказа. На наш взгляд, декодирование прескриптивной составляющей паремии-стимула *Өөдэнь хаяһан шулуун толгой дээрэ унаха* происходит мгновенно в связи с тем, что в сознании респондентов она коррелирует с русским аналогом *Не рой другому яму, сам в нее попадешь*. Паремии *Ганса сусал гал болохогүй, ганса хүн хүн болохогүй* и *Ябаһан хүн яһа зууха, хэбтэһэн хүн хээли алдаха* являются достаточно узнаваемыми для большинства носителей бурятского языка. Данные представлены в следующей диаграмме (диагр. 2):

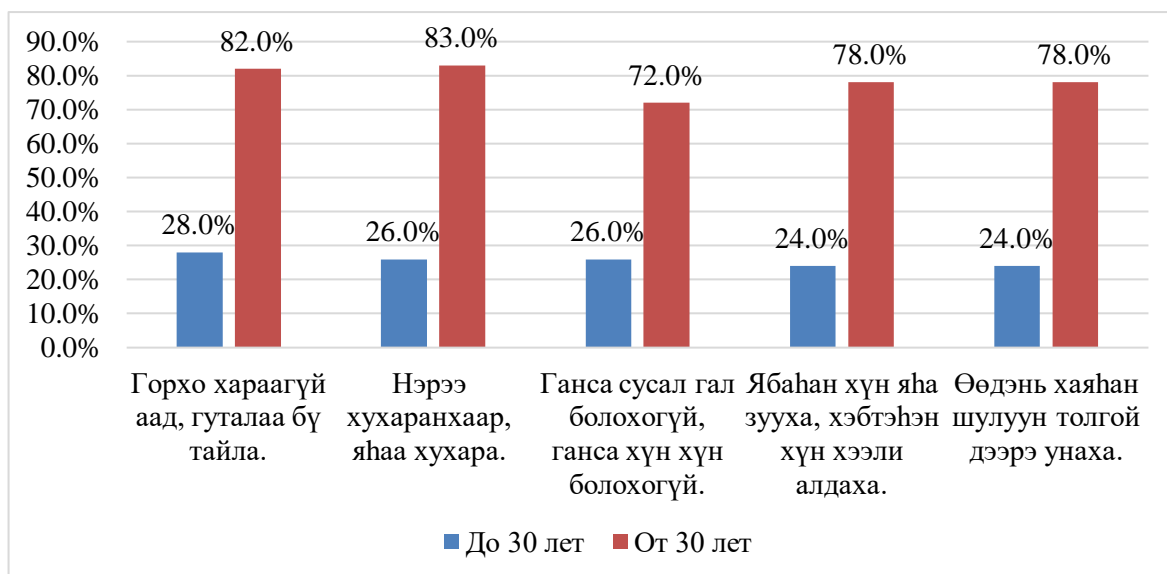

Диаграмма 2. Список паремий, получивших наивысшую степень понимания прескрипции

Ниже представлен список паремий-стимулов, прескриптивный смысл которых вызвал затруднения в понимании у большинства респондентов младше 30 лет (среди респондентов старше 30 лет обнаружены единичные случаи). К ним относятся: *Модонһоо хөө гараха, мууһаа муу гараха; Морин дүрбэн хүлтэйшье һаа, бүдэрдэг, хүн дүүрэн ухаантайшье һаа, эндүүрдэг; Саһан дээрэ мүргүй, саарһан дээрэ нэрэгүй; Гураһан — далай, хураагүй — балай; Дуутай тэнгэри бороогүй, суутай басаган хуримгүй; Ойн модон үндэртэй набтартай, олон зон һайнтай муутай.*

Среди аргументов, поясняющих возникшие трудности в декодировании прескрипции исходных паремий, младшие респонденты выделили следующие: недостаточное знание литературного языка; непонимание значения некоторых слов (*бүдэрхэ* ‘спотыкаться’, *эндүүрхэ* ‘ошибаться’, *балай* ‘глухо, темно’, *суутай* ‘известный, о ком слава идет’); отсутствие в пословицах глагола действия и императива, выражающего тот или иной указ, предписание; непонимание связи между образом и моралью пословиц.

Очевидно, что указанные выше паремии обладают невысоким уровнем выраженности прескрипции. Тем не менее некоторые из них содержат достаточно распространенные слова, при знании которых нетрудно

спрогнозировать и додумать смысл целого выражения. Например, в пословице *Һураһан — далай, Һураагүй — балай* слово *балай* ‘темнота’ противопоставляется слову *далай* ‘море’, которое несет положительную оценочную коннотацию. Значит, речь идет об отрицательном явлении или предмете, характеризующем пороки необразованности и невежества. Однако вероятность прихода к подобной догадке уменьшается, если носитель языка ни разу не использовал лексику *балай*. Следует заметить, что данная паремия в русском языке коррелирует с пословицей *Ученье — свет, неученье — тьма*, что вполне может облегчить процесс распознавания прескриптивного смысла паремии-стимула.

2.1.2 Вариативность прескриптивного потенциала бурятских паремий

Как было ранее отмечено, ядром понимания и смысла, и назидания ПЕ является образ, не актуализирующий свое денотативное значение. Процесс осознания механизма превращения физического свойства объекта в метафорическое слушателем или читателем, в том числе переводчиком, является сугубо ментальной, при этом трудоемкой, деятельностью. Дальнейший наш эксперимент должен был выявить, в чем состоят трудности осознания, ведущего к пониманию послания, заложенного в паремиях.

Второй этап эксперимента состоял из двух подэтапов. На первом подэтапе испытуемым был предъявлен список из трех паремий-стимулов с целью определения роли образов в выражении прескриптивной составляющей. Методика отбора материала для данного этапа эксперимента основана на нашем субъективном предположении о том, что указанные паремии-стимулы обладают разной степенью экспликации назидательного смысла.

Респондентам предлагалось выбрать ответ из трех вариантов:

а) образ усложняет выразить идею, соответственно, понимать назидание/смысл пословицы;

б) образ помогает выразить, соответственно, понимать назидание/смысл;

в) не могу определить.

Пословица *Олон тарбаган ноохойдоо хуртэхэгүй/багтахагүй* (досл. Сурков так много, что даже хлама на всех не хватит), как и предполагалось, вызвала трудности в понимании прескриптивного потенциала как у старшего, так и у младшего поколения. 46% младшей аудитории и 36% старшей аудитории ответили, что образы пословицы усложняют выразить, соответственно, понимать назидание/смысл. Ответ «помогает выразить, соответственно, понимать назидание/смысл» выбрали 48% респондентов старше 30 лет и только 14% респондентов младше 30 лет. 40% младшего поколения и 16% старшего поколения не смогли определиться с ответом. Результаты представлены на следующей диаграмме (диагр. 3):

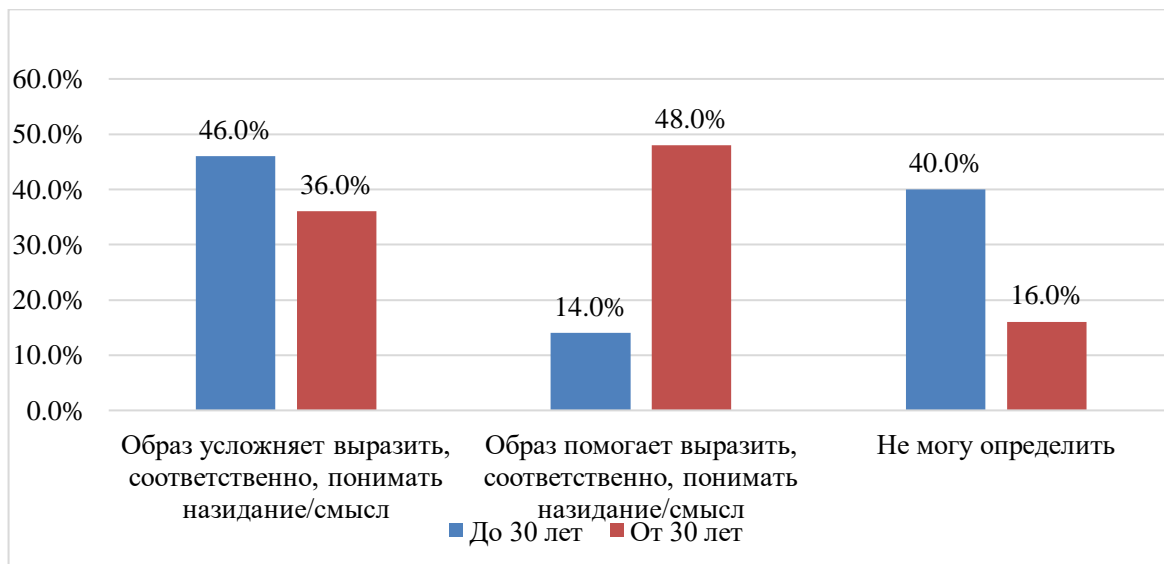

Диаграмма 3. Разница в видении функции образа сурка

Прескриптивный потенциал следующей паремии *Өөрөө унаһан хүүгэн уйладаггүй, өөрөө таһарһан хүн гомдодоггүй* (досл. Ребенок, упавший сам, не плачет, человек, отставший сам, не обижается на других) оказался достаточно прозрачным для большинства участников эксперимента обеих

возрастных групп. 50% респондентов младше 30 лет и 78% респондентов старше 30 лет ответили, что образы ребенка и человека помогают выразить, соответственно, понимать наизидание пословицы. 46% младшего поколения и 20% старшего поколения не смогли определиться с ответом. И, наконец, ответ «усложняет выразить, соответственно, понимать наизидание/смысл» выбрали 4 и 2% респондентов соответственно. Данные представлены на диаграмме (диагр. 4):

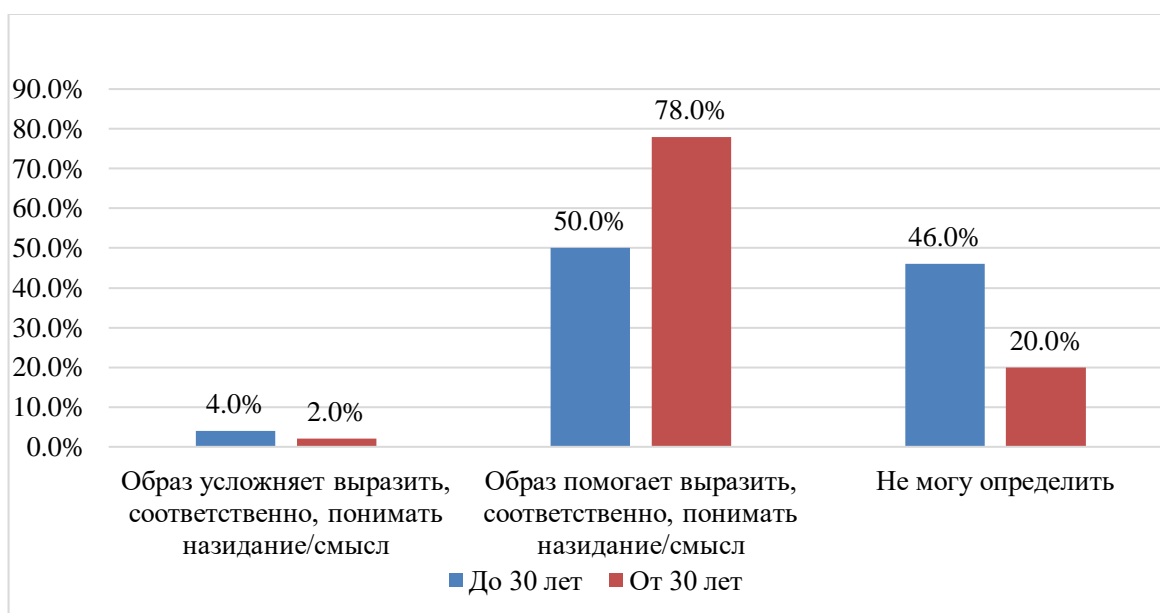

Диаграмма 4. Разница в видении функции образа *ребенок vs взрослый*

Ожидаемая реакция имела место в третьем случае: для большинства респондентов младшей и старшей групп (54 и 88% соответственно) не составило труда идентифицировать прескриптивный смысл паремии-стимула *Ан алаагүй аад, арһыень бү хубаа* (досл. Не убив зверя, не дели его шкуру). 38 и 12% респондентов младше и старше 30 лет соответственно затруднились дать ответ. Однако 8% аудитории младше 30 лет посчитали, что образ зверя усложняет понимание прескрипции пословицы. Ниже представлено наглядное соотношение величин (диагр. 5):

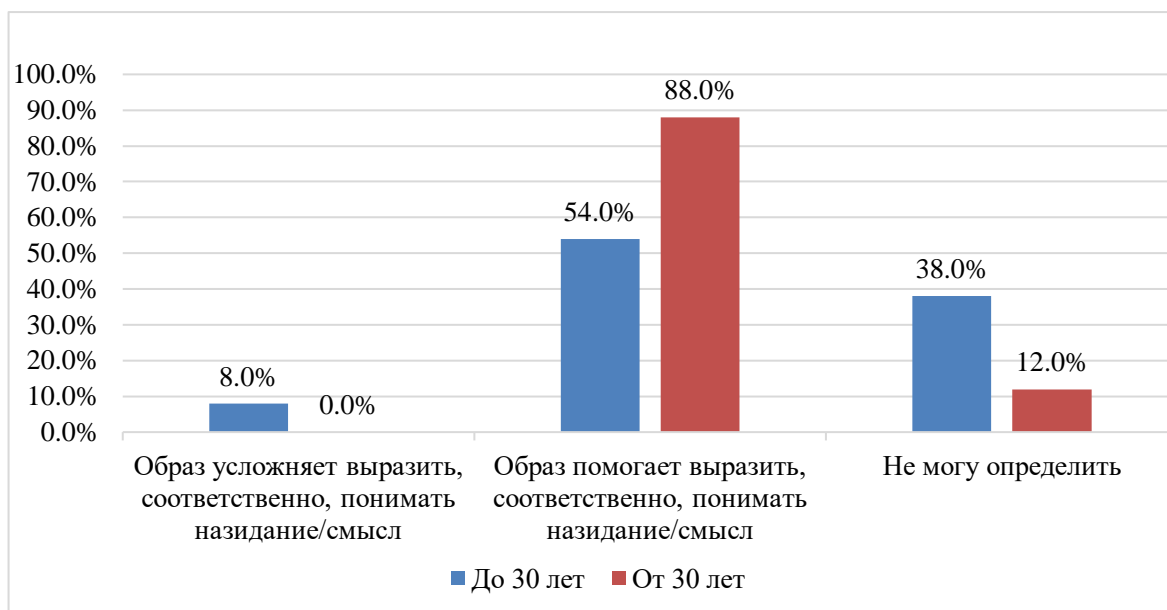

Диаграмма 5. Разница в видении функции образа зверя

Цель второго подэтапа заключалась в том, чтобы выяснить, что именно затрудняет понимание прескриптивного смысла паремии-стимула. Участникам эксперимента были предложены 6 вариантов ответа, из которых необходимо было выбрать лишь один:

- а) образ трудно ассоциируется с моралью ситуации;
- б) вид/разряд образа не помогает понять ситуацию назидания;
- в) характеристика образа не соотносится с характеристикой назидания;
- г) трудно сопоставлять придуманные образы с ситуацией, о которой идет назидание;
- д) не чувствую наличия прямой связи между образом и моралью пословицы;
- е) другое.

Напомним, что в случае с паремией *Олон тарбаган ноохойдоо хүртэхэгүй/багтахагүй* 46% респондентов младше 30 лет и 36% респондентов старше 30 лет ответили, что образы усложняют понимание исходного смысла. Для пояснения своего выбора 23% респондентов категории младше 30 лет выбрали вариант ответа «трудно сопоставлять придуманные образы с ситуацией, о которой идет назидание». 14%

аргументировали свой выбор тем, что вид/разряд образа не помогает понять ситуацию назидания. И по 3% респондентов выбрали варианты ответа «образ зверя трудно ассоциируется с моралью ситуации», «характеристика образа не соотносится с характеристикой назидания», «не чувствую наличия прямой связи между образом и моралью пословицы».

Что касается старшей аудитории, 19% респондентов выбрали вариант ответа «вид/разряд образа не помогает понять ситуацию назидания», 12% ответили, что трудно сопоставлять придуманные образы с ситуацией, о которой идет назидание, по 2 % выбрали ответы «не чувствую наличия прямой связи между образом и моралью пословицы» и «другое», и лишь 1% посчитал, что образ зверя трудно ассоциируется с моралью ситуации.

В случае с пословицей *Өөрөө унаһан хүүгэн уйладаггүй, өөрөө таһарһан хүн гомдодоггүй* 4% респондентов младшей категории затруднились сопоставить придуманные образы с ситуацией, о которой шло назидание. 2% взрослых старше 30 лет не пояснили причину.

Прескриптивный потенциал последней паремии-стимула *Ан алаагүй аад, арһыень бү хубаа* вызвал затруднения в понимании только у респондентов младше 30 лет (8%). 4% респондентов данной категории решили, что трудно сопоставлять придуманные образы с ситуацией, о которой идет назидание, 2% указали, что образ зверя трудно ассоциируется с моралью ситуации, и еще 2% выбрали вариант «другое».

Результаты указывают на очевидность того, что первая паремия-стимул *Олон тарбаган ноохойдоо хүртэхэгүй/багтахагүй* обладает низкой способностью к прогнозированию морали из идеи «В большой семье всем всего не хватает», а именно «При умелом распределении обязанностей будут и порядок, и гармония в большом хозяйстве». Другими словами, здесь дается положительная оценка какого-нибудь объекта в большом количестве, но как назидание она говорит о правильной организации жизнедеятельности. Денотаты *тарбаган* и *ноохой*, выступающие в качестве основы образов, не вызвали у большинства респондентов необходимые

ассоциации, ведущие к морали пословицы. Предполагаем, что прежде всего данные слова не входят в активный словарь испытуемых, поэтому большинство респондентов не смогли идентифицировать истинное значение этих понятий, и, следовательно, распознать прескриптивный смысл паремии. Иначе говоря, внутренняя форма пословицы оказалась затемненной. Если анализировать в рамках концептуальной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, то денотативное сочетание *много сурков* является источником, а большая многодетная семья — целью, поскольку в последнем высвечиваются основные свойства и характеристики первого: большая многодетная семья в сознании традиционных бурят ассоциируется с большим семейством сурков, которым обычно всегда всего не хватает. Тем не менее большинство респондентов не смогли увидеть эту связь.

Пословица *Өөрөө унаһан хүүгэн уйладаггүй, өөрөө таһарһан хүн гомдодоггүй*, судя по данным эксперимента, обладает средней степенью прозрачности выражения прескрипции: человек не винит других в своих бедах. Слова *хүүгэн* и *хүн* находятся в активном словаре большинства говорящих и относятся к ядерной концептуальной лексике бурятского языка, что облегчает понимание прескриптивной составляющей исходной паремии. Внутренняя форма в данном случае не стерта, так как мотивация вовлечения в структуру пословицы образов упавшего ребенка и отставшего человека вполне прозрачна. Согласно теории концептуального анализа Дж. Лакоффа и М. Джонсона, упавший по своей вине ребенок является источником по отношению к цели — отставшему от других человеку.

Что касается последней паремии *Ан алаагүй аад, арһыень бү хубаа*, здесь наблюдается относительно высокая степень экспликации назидания: не суди о результатах, не взявшись за дело. Хотя слова *ан* и *арһан* в настоящий момент перешли в пассивный запас лексики бурят, живущих в городских условиях и редко прибегающих к родному языку в обсуждении темы «Животные», однако значение этих понятий вполне понятно для них в

связи с присутствием в сознании русского аналога *НЕ дели шкуру неубитого медведя*. Если исходить из теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, денотат *шкура зверя* является источником, а способ поведения — целью.

2.2 Постэкспериментальная классификация бурятских паремий: градуальность экспликации прескрипции

Исходя из данных психолингвистического эксперимента, можно выделить три степени экспликации прескриптивного потенциала ПЕ: высокая, средняя и низкая. Высокая степень выражения назидания предполагает присутствие в паремиях прямой прескрипции, которая выражается через прямой наказ за счет употребления глагола в повелительном наклонении/императива.

К примеру, паремия *Нэрээ хухаранхаар, яһаа хухара* (досл. Чем сломать свое имя (честь), лучше сломай себе кость) обладает относительно высокой степенью экспликации прескрипции, которая проявляется в наличии глагола в повелительном наклонении *хухара*. Согласно концептуальному анализу Дж. Лакоффа и М. Джонсона, денотат *кость* является источником, а имя (честь) — целью, поскольку в последнем профилируется физическое свойство первого — подверженность переломам при избыточной нагрузке или механических воздействиях. В данном случае речь идет о чести и достоинстве человека, которое можно потерять в результате необдуманных действий.

Мораль пословицы «Береги честь больше, чем здоровье» связана со строгими нравственными нормами бурятской культуры, которые на уровне индивидуального сознания реализуются через этнокультурные архетипы «страх», «стыд», «чувство долга», «честь», «ответственность», «чувство собственного достоинства», «совесть» и т. д. Иначе говоря, традиционно бурят старается не отступать от общепринятых норм и ведет себя в рамках

приличий, что позволяет ему не выпячивать свое «я» перед другими [Дугарова, 2010а, с. 112–113]. Согласно Т. Ц. Дугаровой, в современных условиях имя продолжает выполнять важную функцию символа преемственной связи поколений, генеалогии рода в целом, что «содействует родовой консолидации и глубинным родоплеменным связям» [Дугарова, 2010в, с. 28–29].

Еще один пример *Горхо хараагүй аад, гуталаа бү тайла* (досл. Не увидев реки, не снимай обувь) обладает высокой степенью экспликации назидания, которая выражается в прозрачности внутренней формы пословицы: образ реки, которую нужно сначала увидеть, а потом переходить вброд, способствует пониманию морали «Не делать поспешных выводов». Денотат *река* служит источником по отношению к цели — способу поведения. Наличие в пословице глагола-императива с отрицательной частицей *бү тайла* (досл. не снимай) говорит о присутствии прямого наказания, что также повышает уровень выражения прескрипции.

Постэкспериментальный анализ показал, что в паремиях со средней способностью к экспликации прескрипции зачастую наблюдается причинно-следственная основа метафорической связи, а также сопоставительное описание предметов, явлений и ситуаций. Данная категория паремий характеризуется наличием некоей опосредованной прескрипции.

Примером со средней степенью экспликации прескрипции является пословица *Үглөө эдихэ өөхэнһөө мүнөө эдихэ уушхан дээрэ* (досл. Легкие, которые ты ешь сейчас, лучше, чем сало, которое съешь завтра), где связь между образом и исходной моралью «Цени то, что имеешь сейчас» носит опосредованный характер: в основе пословицы лежит сопоставление разных по качеству предметов действительности. Здесь образ *легкие vs сало* является источником, а способ поведения — целью.

Отметим, что использование денотатов *легкие* и *сало* в роли основы образа связано с особенностями традиционной бурятской кухни, где

основным компонентом является жирное мясо, отличающееся высокой калорийностью и сытностью [Бабуева, 2004, с. 75]. В зимние холода употребление жирного мяса помогало поддерживать теплостойкость организма, поэтому такой тип питания был необходим для благоприятного проживания в суровых природно-климатических условиях [Гомбоева, 2013, с. 131–132]. Что касается легких, в отличие от сала, они не обладают высокой питательностью, но все же содержат полезные элементы. Кроме этого, пословица коррелирует в сознании бурят с русской версией *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*, что облегчает декодирование ее назидательного смысла. Несмотря на это, данная паремия не выражает прямого наказа.

Пословица *Ябаһан хүн яһа зууха, хэбтэһэн хүн хээли алдаха* (досл. Кто ходит, кость найдет, кто лежит — и свое потеряет) также характеризуется средней степенью экспликации прескриптивного смысла, поскольку содержит опосредованную прескрипцию в виде сопоставления двух противоположных качеств: трудолюбия и лени. Здесь профилирование свойств источника в области цели способствует передаче морали пословицы «Если хочешь есть, то двигайся».

Использование денотата *кость* в качестве основы образа связано с исторически сложившейся системой питания бурят, построенной на потреблении различных видов мяса, в том числе и костей. Например, считается, что бульон, сваренный из крупных мозговых или берцовых костей, обладает питательными и целебными свойствами. Особенно в сезон, когда заканчивались запасы мяса, собранные и подсушенные кости были заметным подспорьем для бурят [Бабуева, 2004, с. 88].

И, наконец, паремии с низким уровнем экспликации назидания содержат в себе скрытую — затемненную — прескрипцию. В данном случае образы усложняют понимание прескриптивного смысла пословиц. В подобных паремиях, как правило, отсутствуют определенные индикаторы в

виде глаголов-перформативов, очевидная причинно-следственная связь, а также прямая связь между образом и исходной моралью.

В пословице *Модонһоо хөө гараха, мууһаа муу гараха* (досл. Из дерева уголь выходит, от плохого дурное исходит) содержится достаточно низкая степень экспликации прескрипции. В данном случае высвечивание свойств золы в области цели — пороков человека — носит косвенный характер, что препятствует пониманию исходной морали «У порочных родителей рождаются порочные дети».

Подобная мораль исходит из традиционных убеждений бурят о том, что между поколениями существует преемственная связь в виде генеалогической родословной, которую нельзя разрушить, поскольку она берет начало от тотемного предка. С другой стороны, на сегодняшний день знание своей родословной помогает чувствовать свою сопричастность к роду, племени, а также наделяет духовной силой и способствует формированию чувства укорененности [Дугарова, 2010б, с. 227–228].

Проанализируем в сопоставлении пословицу *Ухаагүй толгой улаан гараа зобоохо* (досл. Глупая голова мучает руки), где связь между образом и моралью пословицы «Непродуманные действия создают дополнительные трудности и заботы» недостаточно прозрачна: высвечивание свойств источника (дурная голова) в области цели (непродуманные действия) не вполне отчетливо передает исходную прескрипцию «Нужно думать, прежде чем совершать то или иное действие».

Также фраза *мучать руки* не означает прямую прескрипцию «Не мучай руки», поскольку выраженная ею предметная ситуация является лишь следствием основного предмета обсуждения — отсутствия применения ума для принятия решения, каким образом совершать то или иное дело. Следовательно, данная паремия обладает низкой способностью к экспликации прескрипции.

Таким образом, анализ бурятских ПЕ показывает, что они обладают разной степенью выраженности прескрипции. Однако в то же время

экспериментальные данные и анализ единиц показали, что в бурятском языке преобладает доля пословиц со средней и низкой степенью экспликации назидания, что, на наш взгляд, исходит из высококонтекстности и имплицитности коммуникативного поведения бурят.

Ниже представлена обобщенная классификация бурятских ПЕ по степени экспликации прескрипции (табл. 8):

Таблица 8

Обобщенная классификация бурятских ПЕ по степени экспликации прескрипции

Степень экспликации	Критерии	Примеры
Высокая	Прямой наказ в виде глагола в повелительном наклонении/ императива; прямая прескрипция	<i>Горхо хараагүй аад, гуталаа бү тайла</i> (досл. Не увидев речки, не снимай обувь); <i>Нэрээ хухаранхаар, яһаа хухара</i> (досл. Чем потерять свое имя (честь), лучше сломай себе кость); <i>Ан алаагүй аад, арһыень бү хубаа</i> (досл. Не убив зверя, не дели его шкуры); <i>Эртэлжэ һамга шэлэнхээр, эртэлжэ ажал шэлээрэй</i> (досл. Не торопись с выбором жены, торопись с выбором работы); <i>Һохорой газарта нюдөө ани, дохолоной газарта хүлөө үргэ</i> (досл. Среди слепых закрывай глаза, среди хромых поджимай ноги); <i>Уула үзөөгүй аад, хормойгоо бү шуу, уһа үзөөгүй аад, гуталаа бү тайла</i> (досл. Не поднимай подол, не вступив на гору, не снимай обувь, не влезши в воду).
Средняя	Причинно-следственная связь; сравнение/ сопоставление; опосредованная прескрипция	<i>Ганса сусал гал болохогүй, ганса хүн хүн болохогүй</i> (досл. Одним поленом костер не разжечь, одинокому семью не иметь); <i>Ябаһан хүн яһа зууха, хэбтэһэн хүн хээли алдаха</i> (досл. Кто ходит, кость кусает, кто лежит — и свое теряет); <i>Өөдэнь хаяһан шулуун толгой дээрэ унаха</i> (досл. Брошенный вверх камень упадет на свою же голову); <i>Үглөө эдихэ өөхэнһөө мүнөө эдихэ ууихан дээрэ</i> (досл. Легкие, которые ты ешь сейчас, лучше, чем сало, которое съешь завтра); <i>Түргэдэжэ ябаһаар, түриигөө һэтэ гэйхэхэ</i> (досл. Кто спешит, голенище себе изорвет); <i>Һураһан — далай, һураагүй — балай</i> (досл. Образованный человек подобен морю, а неуч — темноте); <i>Дуутай тэнгэри бороогүй, суутай басаган</i>

		<p><i>хуримгүй</i> (досл. Грохочущее небо — без дождя, ославленная девушка — без жениха); <i>Өөрөө унаһан хүүгэн уйладаггүй, өөрөө таһарһан хүн гомдодоггүй</i> (досл. Ребенок, упавший сам, не плачет, человек, отставший сам, не обижается на других); <i>Хүн болохо багаһаа, хүлэг болохо унаганһаа</i> (досл. Человеком становятся с детства, скакун виден уже в жеребенке); <i>Агта алдабал, баригдаха, ама алдабал, баригдахагүй</i> (досл. Упустишь коня — поймаешь, упустишь рот — не поймаешь), <i>Нюу нюуһаар нюрганай забһараар бултайха, хабша хабшаһаар хабһанай забһараар бултайха</i> (досл. Сколько не скрывай, все равно вылезет из-за твоей спины, сколько не подавляй, все равно вылезет между твоими ребрами).</p>
Низкая	<p>Отсутствие глагола-императива и явной причинно-следственной связи; скрытая прескрипция</p>	<p><i>Модонһоо хөө гараха, мууһаа муу гараха</i> (досл. Из дерева уголь выходит, от плохого дурное исходит); <i>Морин дүрбэн хүлтэйшье һаа, бүдэрдэг, хүн дүүрэн ухаантайшье һаа, эндүүрдэг</i> (досл. Конь, хоть и четыре ноги имеет, спотыкается, человек, хоть и очень умен, ошибается); <i>Ухаагүй толгой улаан гараа зобоохо</i> (досл. Глупая голова мучает руки); <i>Ойн модон үндэртэй набтартай, олон зон һайнтай муутай</i> (досл. В лесу бывают деревья высокие и низкие, среди людей бывают хорошие и плохие); <i>Саһан дээрэ мургүй, саарһан дээрэ нэрэгүй</i> (досл. Без следа на снегу, без имени на бумаге); <i>«А» үзэг эрдэмэй дээжэ, аяга сай эдеэнэй дээжэ</i> (досл. Буква «А» — учения пролог, чашка чаю — угощения начало); <i>Олон тарбаган ноохойдоо хүртэхэгүй/багтахагүй</i> (досл. Сурков так много, что даже хлама на всех не хватит); <i>Хүүхээе хадамда үгэбэл, һиихыень харамнадаггүй</i> (досл. Выдав дочь замуж, не сожалеют о ее сережках); <i>Зурамал зула зуушье һаа, зулын гэрэлдэ хүрэдэггүй</i> (досл. Даже сто нарисованных лампадок не сравнятся со светом одной настоящей); <i>Тэжээһэн буруу тэргэ эбдэбэ</i> (досл. Вскормленный теленок телегу сломал); <i>Ябаһан нохой яһа химэлдэг</i> (досл. Собака, которая ходит, грызет косточку).</p>

2.3 Степень реализации прескриптивного потенциала бурятских паремий в английских и русских коррелятах

Ранее было отмечено, что в основе прескриптивной семантики ПЕ лежит этнокультурноцентрированный образ, который создает ту или иную степень затемненности паремической прескрипции и предопределяет характер семантического сдвига в коррелятах.

Третий — последний — этап эксперимента был направлен на выявление степени соответствия английских и русских коррелятов бурятским ПЕ в аспекте реализации исходной прескрипции.

В первой части респондентам было предложено соотнести бурятские паремии с их английскими коррелятами, во второй — с русскими.

Доэкспериментальный этап исследования

В третьем этапе эксперимента приняло участие 50 студентов 4-го курса Восточного института и Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», обучавшихся по направлениям подготовки 41.03.01 Зарубежное регионоведение (Азиатские исследования), 41.03.03. Востоковедение и африканистика (Языки и литература стран Азии и Африки), 45.03.01 Филология (Зарубежная филология), 45.03.02 Лингвистика (Перевод и переводоведение). В рамках указанных образовательных программ студенты учатся сопоставлять единицы в ИЯ и ПЯ. Основным требованием к участникам эксперимента было знание бурятского, русского и английского языков. Перед началом эксперимента испытуемым был предъявлен анонимный опросник, состоящий из двух частей (Приложение 6).

Объектами оценивания стали 10 бурятских паремий с разной степенью затемненности прескрипции и их английские и русские корреляты, предложенные в учебно-методическом пособии П. П. Дашинимаевой и

А. Т. Жанаева «Синтез теории и практики перевода. Пословицы в бурятском, русском и английском языках» (2014).

Для единообразной методики оценивания участникам была предложена следующая система: 1-я степень — передача назидания без семантического сдвига; 2-я степень — со слабым сдвигом; 3-я степень — со значительным сдвигом.

Обработка данных и качественно-количественный анализ

Ниже представлен общий статистический показатель для сравнения полученных результатов по определению степени соответствия английских и русских коррелятов бурятским паремиям в аспекте реализации исходной прескрипции (табл. 9):

Таблица 9

Степень соответствия коррелятов бурятским ПЕ: общая статистика

Корреляты	Всего реакций	1-я степень	2-я степень	3-я степень
Английские	900	0	310	590
Русские	1050	0	319	731

Из таблицы видно, что как среди английских, так и среди русских коррелятов наибольшее количество случаев (590 и 731 соответственно) зарегистрировано при выборе варианта ответа «третья степень соответствия», которая означает передачу исходной прескрипции со значительным сдвигом. Для большей наглядности результаты эксперимента представлены в процентном соотношении (диагр. 6):

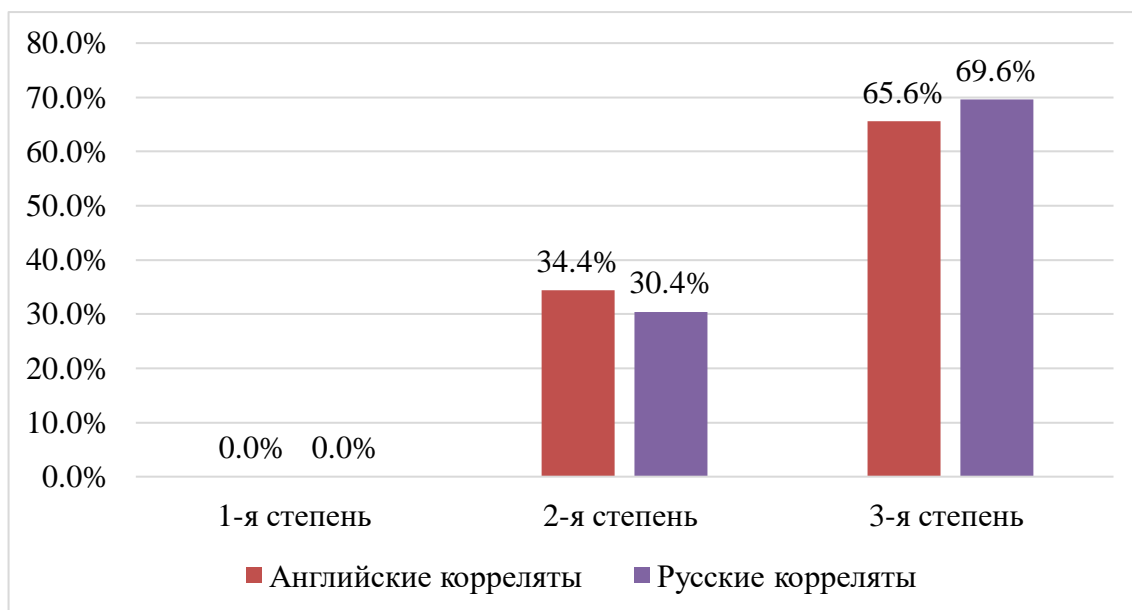

Диаграмма 6. Степень соответствия коррелятов бурятским ПЕ: процентное соотношение

Как видно из соотношений, в большинстве случаев как английские, так и русские корреляты (65,6 и 69,6% случаев соответственно) выражают третью степень соответствия, т. е. передачу прескрипции со значительным семантическим сдвигом. Вторая степень соответствия, означающая передачу прескрипции со слабым сдвигом, среди английских и русских коррелятов встречается в 34,4 и 30,4% случаев соответственно. Первая степень соответствия, состоящая в передаче прескрипции без сдвига, не встречается ни в одном случае. Более подробные результаты данного этапа эксперимента представлены в виде диаграмм в Приложении 7.

Целесообразно проанализировать несколько примеров, наглядно демонстрирующих сложность подбора английских и русских коррелятов, связанной с этноориентированными ценностями бурятского народа. К примеру, прескриптивный смысл бурятской пословицы *Зурамал зула зуушье хаа, зулын гэрэлдэ хүрэдэггүй* (досл. Даже сто нарисованных лампадок не сравнятся со светом одной настоящей), обладающей низкой способностью к экспликации прескрипции, состоит в следующем: нельзя сравнить настоящее с фальшивым, истинное действие — с воображаемым. Согласно опросу, в коррелятах *Better speak truth rudely than lie covertly* (досл. Лучше

грубая правда, чем скрытая ложь), *A picture is worth a thousand words* (досл. Одна картина стоит тысячи слов), *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь* и *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать* реализуется передача прескрипции со значительным семантическим сдвигом. Представим картину соотношения графически (диагр. 7):

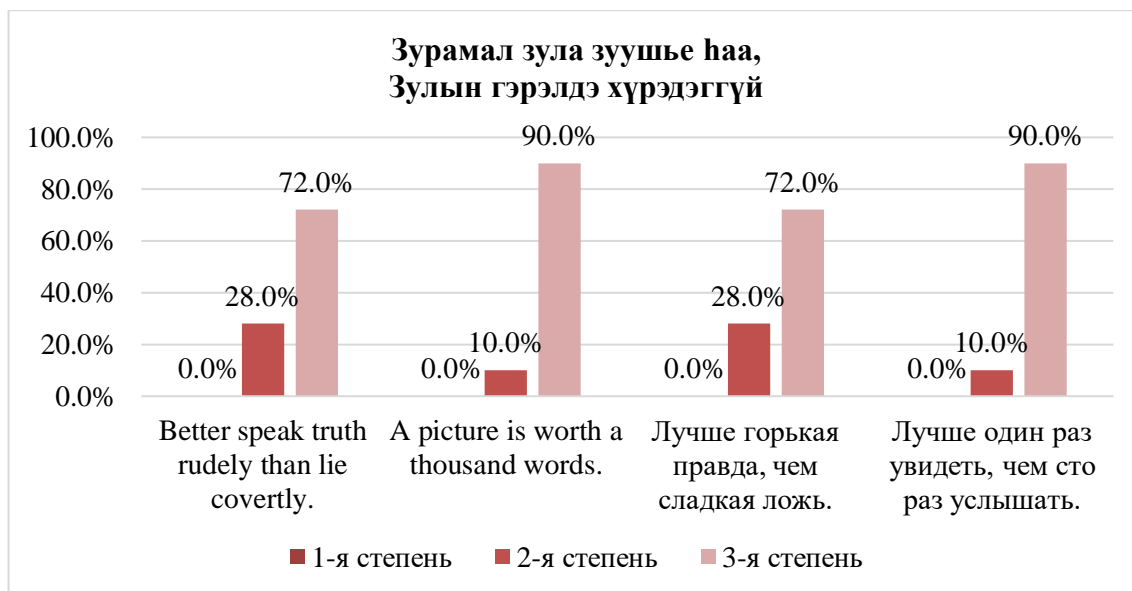

Диаграмма 7. Степени семантического сдвига в коррелятах

Как видим, пословицы *Better speak truth rudely than lie covertly* и *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь* обеспечивают передачу прескрипции со значительным сдвигом семантики: правда дороже лжи. Кроме того, в английском варианте наблюдается занижение стиля, так как в нем отсутствует символическая образность, которая в исходной пословице достигается за счет сравнения образов нарисованных лампадок и одной настоящей лампадки. Понятие «зула бадарааха» (досл. зажечь лампаду) в бурятской культуре наделено сакральным магическим значением. Например, накануне праздника Сагаалган — Белого месяца (Новый год по лунному календарю) принято совершать обряд «Бурха дэлгээхэ» (поклонение божествам домашнего алтаря: перед изображениями буддийских божеств ставят жертвенные чашечки с различными угощениями и зажигают лампаду, чтобы осветить им путь к жилищу [Бабуева, 2004, с. 207]. В русской пословице в основу образа взяты более прозрачные

метафоры *горькая правда* и *сладкая ложь*: правда часто оказывается неприятной, а ложь — наоборот.

В пословицах *A picture is worth a thousand words* и *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать* также наблюдается значительный сдвиг семантики, поскольку корреляты уводят в другую сторону интерпретации морали: нужно увидеть своими глазами, чтобы убедиться в истинности ситуации.

Рассмотрим в сопоставлении функционирование пословицы с высокой степенью экспликации прескрипции *Эртэлжэ намга шэлэнхээр, эртэлжэ ажал шэлээрэй* (досл. Вместо того, чтобы рано определяться с выбором жены, определись с выбором работы), которая явно появилась в последнее столетие, когда буряты перестали жить в кочевом укладе. Назидательный смысл паремии представляет собой следующее: сначала определись с выбором работы, а потом жены. Подобная мораль исходит из строгого представления бурятского народа о мужчине как о кормильце семьи, носителе родовых традиций и продолжателе рода [Замураева, 2015, с. 82]. Согласно данным опроса, корреляты *Marry in haste, repent at leisure* (досл. Жениться на скорую руку, сожалеть не спеша), *Женился на скорую руку, да на долгую муку* и *Жениться — не воды напиться* выражают третью степень соответствия исходной паремии. Представим данные графически (диагр. 8):

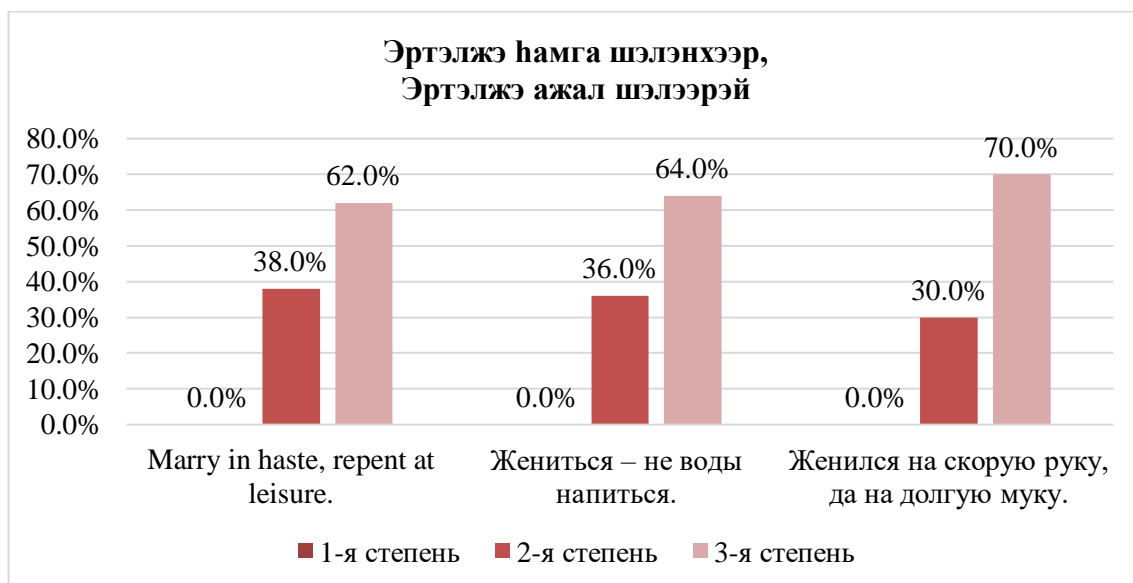

Диаграмма 8. Степени семантического сдвига в коррелятах

На наш взгляд, все три коррелята (английский и два русских) передают прескрипцию со значительным семантическим сдвигом, поскольку в них описывается несколько иная ситуация, не имеющая прямого отношения к выбору хорошей работы. В пословицах *Marry in haste, repent at leisure* и *Женился на скорую руку, да на долгую муку* акцент делается на тщательном выборе хорошей жены для создания семьи. В последнем варианте *Жениться — не воды напиться* наблюдается мораль: «К выбору будущей жены нужно относиться очень ответственно».

Согласно результатам эксперимента, вторую степень соответствия бурятской пословице с высокой степенью затемненности прескрипции *Тэжээһэн буруу тэргэ эбдэбэ* (досл. Вскормленный теленок телегу сломал) выражают корреляты *A leopard cannot change its spots* (досл. Леопарду не изменить свои пятна), *Once a wolf always a wolf* (досл. Однажды волк, всегда волк) и *Сколько волка ни корми, все в лес смотрит*. В пословице *Горбатого могила исправит*, по мнению большинства респондентов, реализуется прескрипция со значительным семантическим сдвигом. Данные представлены ниже (диагр. 9):

Диаграмма 9. Степени семантического сдвига в коррелятах

Исходная пословица выражает мораль о последствиях плохого воспитания ребенка в семье — его уже трудно изменить к лучшему, в

частности, чтобы ребенок проявлял уважение к старшим. Как показывает анализ, во всех четырех коррелятах наблюдается значительный сдвиг семантики, поскольку в них нет речи о плохом воспитании. В этом смысле большинству участников эксперимента не удалось идентифицировать прескриптивный смысл исходной поговорки, что привело к неверному определению степени семантического сдвига в коррелятах. На наш взгляд, это явление связано с видоизменением картины мира современных бурят, особенно молодого поколения, которое не имеет глубоких представлений о традиционном укладе жизни бурятского народа, в том числе и о ведении хозяйственной деятельности. В ходе более тщательного поиска вариантов соответствия в английском и русском языках обнаруживаются следующие релевантные корреляты, обеспечивающие передачу исходной прескрипции без значительного сдвига семантики: *Give a child his will and he'll turn ill* (досл. Дай ребенку волю и он испортится), *Fair in the cradle and foul in the saddle* (досл. Красивый в колыбели, отвратительный в седле), *Что вспоено, что вскормлено, то и выросло, К чему ребенка приучишь, то от него и получишь.*

Таким образом, исходя из результатов эксперимента и переводческого анализа прескриптивной составляющей бурятско-английско-русских коррелятов можно утверждать, что в большинстве случаев в английских и русских коррелятах (65,6 и 69,6% соответственно) наблюдается передача прескрипции со значительным семантическим сдвигом, что говорит о слабой степени переводимости ПЕ, которая, по мнению П. П. Дашинимаевой, обуславливается различиями в концептуальной картине мира и тенденциях житейского мышления представителей культуры-1 и культуры-2 [Дашинимаева, 2017б, с. 326].

Выводы по второй главе

В данной главе были описаны результаты трехэтапного эксперимента, направленного на экспликацию прескриптивного потенциала бурятских ПЕ. На первом этапе эксперимента мы выяснили, что респондентам старше 30 лет не составило большого труда распознать прескриптивный потенциал большинства паремий-стимулов, что нельзя сказать о респондентах младшей группы. При декодировании прескрипции предложенных паремий данная категория испытуемых столкнулась с рядом лингвистических и семиотических факторов, которые не способствуют быстрой языковой догадке при поиске и распознавании прескрипции, а усложняют процесс прогнозирования и идентификации скрытого назидания:

- 1) слова, не входящие в активную лексику большинства носителей языка (напр., *бүдэрхэ, эндүүрхэ, балай, суутай, ноохой*);
- 2) отсутствие глагола-императива, выражающего прямое назидание (напр., *Саһан дээрэ мургүй, саарһан дээрэ нэрэгүй; Гурահан — далай, хураагүй — балай; Ойн модон үндэртэй, набтартай, олон зон хайнтай, муутай*);
- 3) свойства объектов действительности, служащих в качестве основы образов, но предметно далеких от описываемой ситуации-морали;
- 4) отсутствие прямой, близкой или смежной связи между образами исходной и целевой паремий.

Очевидно, что младшее поколение говорящих на бурятском языке постепенно утрачивает способность к языковой догадке, выявлению скрытого значения выражения через ключевые слова, расшифровке метафорической прескрипции через внешние свойства и характеристики денотатов, выступающих в роли основы образов паремии. Неспособность осуществлять языковое или контекстуально-речевое прогнозирование

говорит о функциональном ослаблении родного языка у носителей, считающих себя билингвами бурятско-русского формата [Дашинимаева, 2018, с. 34]. Это явление можно связать с высокой языковой компетенцией в русском языке наряду с недостаточной языковой компетенцией в родном языке вследствие тесных языковых и культурных контактов, когда происходит постепенная замена базового вокабуляра бурятского языка русскоязычными единицами [Хилханова, 2009, с. 163]. Эту идею подтверждают исследования И. И. Осинского и В. А. Хабудаевой, согласно которым, в языковой жизни молодого поколения бурят наблюдается преобладание русского языка как средства межнационального и внутринационального общения, в то время как родной язык используется преимущественно лишь в семейно-бытовой сфере [Осинский, Хабудаева, 2014, с. 70]. Кроме того, видоизменение жизнедеятельности, условий проживания и быта бурятского народа ведет к постепенным трансформациям в картине мира носителей языка, что также влияет на восприятие и осмысление этноцентрированного паремического образа.

В результате обработки данных второго этапа эксперимента мы обнаружили, что большинство респондентов старшей группы отметили положительное влияние образов на понимание назидания паремий-стимулов. Однако обе возрастные группы затруднились распознать прескриптивный смысл паремии *Олон тарбаган ноохойдоо хуртэхэгүй/багтахэгүй*, что говорит о низкой степени экспликации ее прескрипции: внутренняя форма паремии затемнена, так как вид образа не приближает к ситуации, о которой идет назидание. По терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, высвечивание свойств источника (большое семейство сурков) недостаточно для идентификации области цели (большая многодетная семья). Судя по данным эксперимента, пословицы *Өөрөө унаһан хүүгэн уйладаггүй*, *өөрөө таһарһан хүн гомдодоггүй* и *Ан алаагүй аад*, *арһыень бү хубаа* обладают средней и высокой степенью выражения назидательного смысла соответственно, поскольку их значение более

мотивировано: высвечивание отдельных свойств источника (упавший ребенок; неубитая дичь) получает достаточно яркие аналогии в области цели (отставший человек; незавершенное дело).

Отсюда следует, что для паремий с высокой степенью экспликации прескрипции характерно яркое высвечивание свойств источника в области цели, наличие прямой очевидной связи между паремическим образом и актуализируемым прескриптивным смыслом, а также использование слов, входящих в ядерную концептуальную лексику языка, и употребление глаголов-императивов, выражающих прямой наказ.

Исходя из результатов третьего этапа эксперимента и анализа прескриптивной составляющей бурятско-англо-русских коррелятов мы приходим к выводу, что в большинстве случаев в английских и русских коррелятах (65,6 и 69,6% соответственно) наблюдается передача прескрипции со значительным сдвигом. Независимо от вариативности понимания паремической прескрипции степень семантического сдвига в коррелятах может быть как слабой, так и значительной. Передача паремической прескрипции без семантического сдвига не обнаруживается ни в одном случае, что говорит об этнокультурноцентрированном характере прескриптивной семантики бурятских пословиц, а также о различии доминантных концептуальных ориентиров исходной и целевых культур.

ГЛАВА 3. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА ПАРЕМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С УЧЕТОМ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ

3.1 Мета моделирование и алгоритмизация процесса перевода паремий

Ранее мы выяснили, что паремии с затемненной прескриптивной семантикой вызывают трудности в ее распознавании, что в переводческой практике часто служит основной причиной некорректного подбора тех или иных коррелятов в целевом языке. В связи с этим для способствования оптимизации предпереводческой деятельности нам представляется целесообразным смоделировать ментальный этап декодирования прескриптивного потенциала ПЕ и подбора коррелятов в ПЯ на основе конкретной модели перевода с высокой аппликативной способностью. Метод моделирования позволит нам в дальнейшем разработать рекомендации к поиску и подбору релевантных соответствий в ПЯ в целях развития культуры переводческого мышления в плане осознанного использования последовательности ментальных шагов определения степени передачи прескриптивного потенциала бурятских паремий на английский и русский языки.

3.1.1 Аппликация теории уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова в коррелировании бурятских, английских и русских паремий

Как ранее было отмечено, в теории перевода не существует универсального подхода к моделированию процесса перевода ПЕ, что логично вызвано относительностью переводимости фразеологизмов (на что указывают наши экспериментальные данные), которые переводятся не традиционным путем, а посредством подбора коррелирующих единиц другого языка.

Для того чтобы выявить основные факторы, влияющие на степень семантического сдвига в целевом знаке, попробуем применить в заданной цели аппликативный потенциал функционально-коммуникативной модели пяти уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова. Рассмотрим эквивалентность первого уровня, которая заключается в сохранении цели коммуникации ИТ, в нашем случае — передаче прескриптивного смысла паремии, для чего иллюстрацией послужит пословица *Ябаһан нохой яһа химэлдэг* (досл. Собака, которая ходит, грызет косточку). Здесь прескрипция едва уловима из-за низкой экспликации морали, поскольку отсутствует прямая очевидная связь между назиданием (в терминологии В. Н. Комиссарова — коммуникативной целью) и ситуацией с едой собаки: чтобы прокормить себя, нужно двигаться (шевелиться в значении «работать»). На данном уровне в английском и русском языках единице соответствуют корреляты *A good run is better than a bad stand* (досл. Хорошая беготня лучше плохого простаивания) и *Кто не работает, тот не ест*.

Для второго уровня эквивалентности характерно сохранение цели коммуникации и предметной ситуации в переводе. Иными словами, если в ИТ описана обобщенная ситуация «ходить, чтоб прокормиться», то и в ПТ она сохраняется. Хотя автор оговаривает, что здесь исключением является ФЕ [Комиссаров, 2002, с. 171], тем не менее попробуем поискать близкую предметную ситуацию, послужившую в качестве образа. В русском языке на данном уровне эквивалентности бурятской пословице соответствует коррелят *Волка ноги кормят*, хотя и прослеживается сдвиг в предметном значении: образ собаки сменяется образом волка, который, по-видимому, является более аутентичным для целевой культуры в передаче назидания.

Третий уровень эквивалентности подразумевает сохранение цели коммуникации, указания на ситуацию и способа ее описания. На этот счет В. Н. Комиссаров пишет, что в каждом языке существуют свои предпочтительные способы указания на ситуацию, и, следовательно,

переводчик должен уметь вычленять ситуации и описать их в доступной для реципиента форме [Комиссаров, 2002, с. 122]. Тем не менее в английском корреляте *The dog that trots about finds a bone* (досл. Собака, которая рыскает, находит кость) мы наблюдаем сохранение всех признаков исходной ситуации и отношений между ними: *нохой — a dog, яһа — a bone*. В данном случае совпадение предметной ситуации в коррелятах обуславливается общностью их этимологии: бурятская единица восходит к традиционной кочевой культуре бурятского народа, в то время как английский вариант — к цыганской культуре, где люди также вели кочевой образ жизни в постоянных поисках пропитания [URL: <https://proverbs.clarkscript.com/2006/06/dog-that-trots-about-finds-bone.html> (дата обращения: 06.05.2020)]. Отметим, что в культуре монгольских народов образ собаки выступал символом защиты, поскольку собака была самым близким другом кочевников, защитником семьи и богатства [Амгаланова, 2020, с. 46].

Четвертый и пятый уровни эквивалентности предполагают соответствие на уровне грамматики и лексики. На данных уровнях анализируемая пословица не имеет релевантных коррелятов.

Рассмотрим следующий пример со средней степенью экспликации прескриптивного потенциала *Нюу нюуһаар нюрганай забһараар бултайха, хабша хабшаһаар хабһанай забһараар бултайха* (досл. Сколько не укрывай, все равно вылезет из-за твоей спины, сколько не подавляй, все равно вылезет между твоими ребрами), который содержит опосредованную причинно-следственной связью прескрипцию: сколько ни скрывай, правда все равно выяснится.

На первом уровне исходной паремии соответствуют следующие английские и русские корреляты: *Murder will out* (досл. Убийство раскроется), *What is done by night appears by day* (досл. Что сделано ночью, становится видно днем), *Шила в мешке не утаишь* и *Все тайное становится явным*. Английский и русские варианты *What is done by night*

appears by day, *Шила в мешке не утаишь* и *Все тайное становится явным* обеспечивают передачу прескрипции со слабым сдвигом в коннотативном значении: корреляты не передают ту физиологическую образность, обусловленную анафорами *Нюу нюуһаар нюрганай...*, *хабша хабшаһаар хабһанай*, что (и соматическая, и стилистическая основы) присуще бурятской культуре. В этом смысле фразеологический фонд бурятского языка антропологичен, поскольку характеризует человека, его действия и состояния, человеческие отношения и включает в свой состав большое количество соматизмов [Тагарова, 2013, с. 39]. В последнем корреляте *Murder will out* наблюдается значительный семантический сдвиг, выражающийся в негативной образной ситуации: любая тайна или плохой поступок рано или поздно будет раскрыт [URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/murder-will-out> (дата обращения: 09.05.2020)].

На последующих уровнях у данной пословицы не обнаружено соответствующих коррелятов.

Рассмотрим для сравнения функционирование пословицы с высокой степенью экспликации прескрипции *Нохорой газарта нюдөө ани, дохолонной газарта хулөө үргэ* (досл. Среди слепых закрывай глаза, среди хромых поджимай ноги), в которой присутствует прямой наказ, обязывающий людей вести себя так, как ведут себя остальные в том же окружении. Вполне очевидно, что нравоучение направлено на добродетельность, на подавление своего эго рядом с теми, кто лишен какого-то свойства или способности. Это связано с моральными установками предков бурят, которые не считали физическую или интеллектуальную недееспособность человека отрицательным признаком или патологией, лишаящих их уважительного к себе отношения [Дугарова, 2010а, с. 112].

На первом уровне эквивалентности в английском и русском языках пословице соответствуют корреляты *When in Rome, do as the Romans do* (досл. В Риме веди себя как римлянин), *Who keeps company with the wolf, will*

learn to howl (досл. Кто подружится с волком, научится выть), *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* и *С волками жить, по-волчьи выть*. Корреляты *When in Rome, do as the Romans do* и *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* обеспечивают передачу прескрипции со слабым семантическим сдвигом: придерживайся правил и норм поведения чужих, чтобы не проявить неуважение. В коррелятах *Who keeps company with the wolf, will learn to howl* и *С волками жить, по-волчьи выть*, напротив, наблюдается значительный семантический сдвиг, так как в них отсутствует позитивная предметная ситуация: идея с волком подразумевает уподобление окружающим тебя смелым, но беспощадным людям.

Как и в предыдущем примере, на последующих четырех уровнях исходная паремия не имеет эквивалентных коррелятов.

Таким образом, аппликация теории эквивалентности В. Н. Комиссарова в переводе бурятских пословиц, показывающих разную степень затемненности прескрипции, доказывает априорную невозможность достижения абсолютного тождества в переводе паремий, что вполне подтверждают экспериментальные данные. В этом смысле соблюдение первого уровня эквивалентности является достаточно условным, поскольку сохранение исходной прескрипции без той или иной степени семантического сдвига часто невозможно ввиду несовпадения концептуальных ориентиров отправителя и получателя. Как отмечает В. Н. Комиссаров, второй и третий уровни в большинстве случаев перевода не удастся соблюсти, так как в каждом языке существуют свои предпочтительные способы описания ситуации. Также соответствие на последних двух уровнях в ситуации с паремиями оказывается недостижимым ввиду расхождения систем, норм и узусов ИЯ и ПЯ.

Тем не менее мы подтверждаем достаточно высокий аппликативный потенциал данной теории в плане как использования положений в процессе перевода паремий, так аналитической деятельности (в постпереводческом анализе). Теория релевантна благодаря системности, последовательности и

совокупно-трехмерному видению компонентов, вовлеченных в перевод: 1) коммуникативный уровень (цель); 2) денотативный уровень (ситуация и способ описания ситуации); 3) языковой уровень (грамматика и лексика). Однако данная модель не дает полного описания сугубо ментального этапа перевода — этапа идентификации исходного смысла, который является ключевым в алгоритмизации перевода паремических фразеологизмов.

3.1.2 Аппликация психолингвистической модели П. П. Дашинимаевой в коррелировании бурятских, английских и русских пословиц

Основанием применимости психолингвистической модели перевода значимости П. П. Дашинимаевой в переводе паремической фразеологии является то, что модель развертывает и «масштабирует» самый сложный этап переводческого процесса — этап декодирования исходной значимости (в нашем случае прескриптивного смысла) и в отличие от представленных ранее концепций предлагает более подробное, пошаговое описание выполнения данного этапа.

Проиллюстрируем аппликативный потенциал модели на примере перевода пословицы, отражающей в определенной степени особенности мировосприятия традиционных бурят: *Агта алдабал, баригдаха, ама алдабал, баригдахагуй* (досл. Упустишь рысака — поймашь, упустишь рот — не поймашь). Как видим, исходная пословица обладает средней способностью к экспликации прескриптивного потенциала, поскольку содержит опосредованную прескрипцию: в ней проводится сопоставление схожих способов поведения. Образная основа данной паремии строится на высвечивании в области слова таких свойств коня, как быстрота, неуловимость, строптивость. В таком случае денотат *рысак* является источником, а *слово* — целью.

Согласно ПЛМПЗ, на первом этапе декодирования значимости ИТ сначала формируется естественная версия *значимости-Я*. При перцепции

слова *агта* (рысак) у переводчика сначала непроизвольно возникают ассоциации и образы, исходящие из его *личного* опыта наблюдения за ретивым конем. В сознании могут всплыть разъяренные глаза коня, возмущенное ржание, испуганные и разочарованные глаза мальчика, наблюдавшего за отцом, сброшенным строптивым конем, рвущимся на свободу. Использование в бурятской пословице лексемы *ама* (досл. рот) вместо более нейтрального и общепринятого *үгэ* (досл. слово) вызвано желанием осудить такие качества, как болтливость и несдержанность.

Однако в рассматриваемой модели на втором этапе декодирования значимости формируется искусственная версия *значимости-1*, т. е. производится экспликация исходной значимости от имени отправителя. В этом смысле переводчик «приглушает» возникшие в сознании личностные ассоциации, уводящие его в предметную ситуацию с конем и, как следствие, в неверное русло интерпретации исходной морали пословицы. Следующим ментальным шагом является идентификация прескриптивного смысла с точки зрения стереотипизированных культурных ориентиров. Здесь переводчик учитывает, что характерными коммуникативными чертами бурят являются сдержанность и молчаливость. Как ранее было отмечено, эти особенности служат признаком высококонтекстной культуры, где невербальное поведение оказывается более значимым, чем вербальное [Дугарова, 2010а, с. 81]. Как утверждает Т. Г. Стефаненко, «в высококонтекстных культурах при передаче информации люди склонны в большей мере обращать внимание на контекст сообщения, на то, с кем и в какой ситуации происходит общение» [Стефаненко, 2007, с. 164].

Американский антрополог Э. Холл к основным признакам высококонтекстной культуры относит невыраженную, скрытую манеру речи, многозначительные паузы, огромную роль невербального общения, отсутствие избыточности информации, стремление избежать конфликта, соответственно, открытое выражение недовольства, возражение и выяснение отношений неприемлемы для представителей этих культур [Hall,

1976, с. 91]. В этом смысле наступление молчания у бурят в процессе общения несет высокочисленную информацию и выполняет разные функции — протест, несогласие, самозащита, уход в себя, а также забота, поддержка, сопереживание [Дашинимаева, 2009, с. 13]. Это черты традиционной бурятской ментальности в целом, задача же переводчика заключается в релятивизации этой идеи, для чего он сопоставляет метафоры «удержание строптивного скакуна в узде» и «удержание слова за зубами» относительно друг друга, определяя вклад каждой части в формирование совокупного наидания. В результате переводчик выводит мораль исходной пословицы: чтобы не упустить строптивного скакуна, нужно держать его в узде; чтобы не упустить слово, тем самым не показаться грубым, нужно держать его за зубами.

Следующий шаг, описанный в ПЛМФЗ, заключается в прагматической адаптации искусственной версии *значимости-1* (адресанта) к версии адресата, т. е. в прогнозировании коммуникативного эффекта. Для передачи вышеизложенной морали пословицы переводчику необходимо подобрать такой коррелят, который способен оказать схожее воздействие на получателя. В этом смысле, по словам автора модели, достижение тождественного коммуникативного эффекта невозможно, поскольку переводчик не может вызвать у получателя те же самые ассоциации и образы, которые возникают у отправителя, употребляющего данную пословицу в конкретном контексте культуры-1. Тем не менее от переводчика требуется попытаться спрогнозировать версию *значимости-2* под адресата, иными словами, представить, каким образом носители английской и русской культур воспринимают ситуацию «степени молчаливости/говорливости».

Для решения этой задачи переводчик может обратиться к научным источникам, детально описывающим особенности вербального и невербального поведения носителей целевых языков-культур. Например, согласно теории Э. Холла, Великобритания также относится к числу

высококонтекстных культур, в которых преобладает невербальное общение, скрытая манера речи, импликации, намеки [Hall, 1976]. Перечисленные признаки наиболее рельефно отражаются в такой черте англичан, как стремление к недосказанности/недоговоренности. Данное явление находит свое отражение в английском понятии *understatement* (досл. языковая сдержанность, недоговоренность, сдержанное высказывание) и, по словам А. А. Джигоевой, пронизывает весь английский язык, начиная от лексики и заканчивая интонационным оформлением высказывания (напр., *I don't think you are right* означает *I think you are wrong*) [Джигоева, 2006, с. 11-12].

Исследования, проведенные британским социальным антропологом К. Фокс, результаты которых описаны в книге «*Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*» (2004), также доказывают превалирование в поведении англичан в разных коммуникативных ситуациях таких свойств, как сдержанность, замкнутость и молчаливость, которые исходят из их желания быть вежливыми по отношению к другим. Автор объясняет такое поведение англичан следующим образом: «то, что на первый взгляд кажется недружелюбием, на самом деле является своего рода предупредительностью: мы судим о других по себе и считаем, что все разделяют нашу острую потребность в уединении. Поэтому мы не лезем в чужие дела и вежливо игнорируем других» (Ц. Б. — перевод наш) [Fox, 2004, с. 56]. Следует обратить внимание, что благодаря методу включенного наблюдения умозаключения и идеи автора обладают высокой доказательной силой.

Согласно исследованиям О. А. Чибышевой, которая предпринимает попытку рассмотреть концепт SILENCE (ТИШИНА/МОЛЧАНИЕ) на материале английских фразеологизмов с позиций лингвокультурологии, для носителей английской культуры в коммуникативном поведении в аспекте молчания наибольшую значимость имеют такие установки, как «Лучше молчать, чем говорить», «Молчание — проявление мудрости» [Чибышева, 2018, с. 406].

Вышесказанное дает переводчику основание полагать, что англичане, равно как и буряты, отдают явное предпочтение молчаливости и сдержанности, что в значительной степени сокращает дистанцию между культурой-1 и культурой-2 в плане понимания данного концептуального ориентира поведения.

Что касается носителей русской культуры, русский менталитет имеет двойственный характер. Согласно исследованиям Э. Холла, Россия больше тяготеет к культурам с высоким контекстом, где преобладает имплицитность передаваемой информации [Hall, 1976], что подтверждается в работе Т. Р. Копыловой: одной из особенностей коммуникативного поведения носителей русской культуры является умение созерцать, молчать, а также способность выражать и понимать без слов [Копылова, 2015, с. 31]. В то же время традиционно русский человек характеризуется такими качествами, как доброжелательность, душевность, простота, открытость, честность, отзывчивость, сердечность и сопереживание [Артемова, Филиппова, 2008, с. 7], которые свидетельствуют об ином характере русского менталитета. Более того, если исходить из теории культурных измерений Г. Хофстеде, Россию принято относить к культуре с высокой степенью избегания неопределенности, где люди стремятся выйти из неясных ситуаций посредством применения конкретных правил поведения [Hofstede, 2004]. Иначе говоря, для русской культуры одновременно характерны такие противоположные свойства, как молчаливость и многоречивость, которые тем не менее взаимосвязаны и не противоречат друг другу [Казакова, 2009, с. 20].

В этом смысле у переводчика возникает предположение, что концептуальные ориентиры вербального и невербального поведения в бурятской и русской культурах значительно разнятся, что может препятствовать подбору наиболее релевантных коррелятов.

Для передачи исходной прескрипции на английский и русский языки транслятор осуществляет поиск предполагаемых коррелятов, способных

оказать схожее воздействие на получателей. Для этого он пользуется ресурсами своих знаний в области фразеологии целевых языков, при необходимости прибегая к фразеологическим словарям. В результате обнаруживаются следующие соответствия в двух языках: *Speech is silver, but silence is golden* (досл. Слово — серебро, а молчание — золото); *A shut mouth catches no flies* (досл. В закрытый рот муха не залетит); *Молчание — золото*; *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь*. Как видим, все пословицы выражают близкое к исходному значение, которое заключается в преимуществе сохранения молчания в той или иной ситуации, однако в них используются совершенно разные средства описания ситуации.

Далее переводчик подробно анализирует назидательный смысл предполагаемых коррелятов, используя различные толковые словари. Например, в эквивалентных пословицах *Speech is silver, but silence is golden* (досл. Слово — серебро, а молчание — золото) и *Молчание — золото* сказанное слово противопоставляется молчанию, которое «ценится на вес золота». Пословицы выражают следующую прескрипцию: в некоторых ситуациях лучше промолчать, чем сказать что-либо необдуманно [URL: <http://www.oxfordreference.com/search?q=speech+is+silver+but+silence+is+golden+&searchBtn=Search&isQuickSearch> (дата обращения: 30.09.2018)].

В английском корреляте *A shut mouth catches no flies* (досл. В закрытый рот муха не залетит) слово противопоставляется мухе, которая характеризуется такими свойствами, как быстрота и неуловимость. Данной паремии приписывается следующий прескриптивный смысл: «лучше держать рот на замке (молчать), чем попусту болтать» [URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/a+shut+mouth+catches+no+flies> (дата обращения: 02.01.2018)].

Русский коррелят *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь* имеет схожее с исходным значение и выражает следующий прескриптивный смысл: нужно думать, прежде чем что-то сказать. Здесь слово противопоставляется воробью, который обладает такими свойствами, как

резвость и проворность. Тем не менее упущенное слово в отличие от вырвавшегося на свободу воробья нельзя поймать и вернуть, что придает категоричность исходной пословице.

В результате выявления прескриптивной составляющей коррелятов переводчик приходит к выводу, что из всех рассмотренных вариантов в английском и русском языках в максимальной степени бурятской пословице как в концептуально-семантическом, так и в стилистическом плане соответствуют пословицы *A shut mouth catches no flies* и *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь*. Во-первых, они выражают наиболее близкий к исходному прескриптивный смысл. Во-вторых, во всех трех случаях в основу образов взяты денотаты живых существ (жеребец, муха, воробей), которые в исходных культурах отличаются своей резвостью передвижения и неуловимостью. В-третьих, все три пословицы обладают средней способностью к экспликации прескрипции. Более того, в английской и бурятской пословицах наблюдается схожее использование неформальных сочетаний *a shut mouth* и *ама алдабал*, что придает обеим стиль наказания, осуществляемого по-свойски, потому звучащего категорично. Согласно экспериментальным данным, в обеих пословицах наблюдается слабый семантический сдвиг в прескриптивном значении.

Однако, на наш взгляд, даже при сохранении всех компонентов прескриптивной семантики, в том числе и способа описания ситуации, достижение тождественного коммуникативного эффекта невозможно, поскольку переводчик не может вызвать у получателя те же самые ассоциации и образы, которые возникают у отправителя, употребляющего данную пословицу в конкретном контексте. Например, представители бурятской, английской и русской культур могут вкладывать разный смысл в МОЛЧАНИЕ: бурят молчит, чтобы не проявить неуважение перед старшим по коммуникации или потому, что так принято себя вести, англичанин — чтобы не показаться невоспитанным, а русский — чтобы не сказать лишнего. Эта мысль подтверждается в работе Е. Ю. Казаковой, согласно

которой, семиотическая категория «молчание» присутствует во всех культурах, но функционирует в них по-разному [Казакова, 2009, с. 19].

Также следует отметить, что в переводе не удалось сохранить не только исходный способ описания ситуации, особую звуковую и интонационную выразительность бурятской пословицы, которая достигается за счет такого стилистического приема, как анафора, т. е. повторения однородных гласных в начале слов («*Агта алдабал, баригдаха, ама алдабал, баригдахагуй*»), но и традиционное холистическое мировосприятие бурят — возвеличивание природы и некоторое принижение места человека в ней.

Таким образом, авторская психолингвистическая модель перевода значимости П. П. Дашинимаевой позволяет достаточно развернуто описать те речемыслительные операции, которые переводчик может выполнять в процессе работы с паремиями, тем самым облегчая ментальный этап декодирования исходного прескриптивного смысла и, соответственно, поиск и подбор релевантных коррелятов в целевом языке. Данная модель также может служить средством прогнозирования ментальных шагов, которые участники эксперимента могли проделать в ходе определения степени передачи прескрипции бурятских паремий в английских и русских коррелятах.

3.2 Коррелирование функциональных соответствий: рекомендации переводчикам

Ранее нами было отмечено, что перевод паремических фразеологизмов представляет собой ментально сложный процесс, требующий от переводчика умения, во-первых, декодировать актуализируемый в исходной пословице прескриптивный потенциал и, во-вторых, проводить поиск и подбор соответствующих коррелятов в ПЯ.

Опираясь на основные принципы ПЛМПЗ, мы предлагаем ряд *рекомендаций* по работе с паремиями в рамках психолингвистического

подхода для развития профессиональных навыков и умений, а также культуры мышления начинающих переводчиков. Согласно В. Е. Горшковой, «всякое ремесло требует определенного набора умений и навыков, которые приобретаются в ходе Научения» [Горшкова, 2009, с. 179]. В переводческой науке формирование и развитие навыков и умений соотносится с такими понятиями, как «компетенция» и «компетентность». Н. Н. Гавриленко разграничивает данные понятия, рассматривая компетенции как внутренние ресурсы переводчика, определяющие его профессиональную компетентность [Гавриленко, 2006, с. 17].

Следует отметить, что в научной литературе переводческое мышление тесно связано с понятием переводческой стратегии, которая является одним из центральных понятий в современном переводоведении. В. Н. Комиссаров определяет стратегию перевода как «своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика» [Комиссаров, 2002, с. 356]. А. Д. Швейцер и В. В. Сдобников под стратегией перевода подразумевают программу осуществления переводческих действий [Швейцер, 1988, с. 65; Сдобников, 2016, с. 123], а О. А. Теремкова рассматривает данное понятие как прием анализа и как самостоятельный план специального вида деятельности [Теремкова, 2012, с. 179]. Согласно И. С. Алексеевой, стратегия перевода представляет собой осознанно выработанный переводчиком алгоритм действий [Алексеева, 2008, с. 148].

По мнению К. Райс, выбор стратегии перевода зависит от типа текста, которому принадлежит оригинал, поскольку целевой текст должен выполнять ту же функцию, что и исходный текст [Reiss, Vermeer, 2014, p. 188]. Согласно Н. Н. Гавриленко, выработка стратегии перевода начинается с этапа понимания и интерпретации смысла ИТ, а специфика деятельности переводчика на данном этапе обусловлена характерными особенностями этого текста, т. е. типом текста [Гавриленко, 2006, с. 90–92]. В этом смысле ключевым этапом перевода паремической фразеологии является декодирование исходного прескриптивного смысла, которое обеспечит

подбор релевантного соответствия в ПЯ, способного в максимальной степени реализовать исходный прескриптивный потенциал. Для решения этой переводческой задачи мы предлагаем следующий алгоритм или программу переводческих действий (Приложение 8):

Шаг 1. На этапе восприятия исходной паремии *определить степень эксплицитности прескриптивной семантики*: высокая, средняя, низкая. Высокая степень определяется наличием в пословице прямой — прозрачно выраженной — прескрипции, которая часто обозначается через глагол в повелительном наклонении/императив. Средняя степень предполагает присутствие в паремиях опосредованной прескрипции, которая выражается, например, через причинно-следственную основу метафорической связи, а также сравнительно-сопоставительное описание предметов, явлений и ситуаций. Низкая степень означает наличие в пословицах скрытой — затемненной — прескрипции, т. е. в них отсутствуют определенные индикаторы в виде глаголов-перформативов, прямая связь между образом и назидательным смыслом. Например, бурятская пословица *Дуутай тэнгэри бороогүй, суутай басаган хуримгүй* (досл. Грохочущее небо — без дождя, ославленная девушка — без жениха) обладает средней степенью экспликации прескрипции, поскольку в ней наблюдается опосредованная связь между прямым и образным значением «грохот — много сплетен и разговоров», ведущая к смыслу «чем больше плохих разговоров вокруг женщины, тем ниже ее репутация».

Шаг 2. В случае высокой степени затемненности прескрипции, вызывающей затруднения в декодировании назидания, *использовать схему анализа метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона*, что значит, *определить источник и цель* метафорической основы пословицы. Источник — это та область, наиболее характерные свойства которой высвечиваются в области цели. Например, в бурятской пословице источником метафоры является грохочущее небо, а целью — ославленная девушка.

Шаг 3. *Выявить основные свойства источника, перенесенные на цель,* с точки зрения стереотипизированных представлений носителя культуры-1 при условии отсутствия в тексте паремии опровержения таковых. В пословице в области цели — ославленной девушки — высвечивается такое свойство источника, как сильный грохот и шум. Здесь мы наблюдаем традиционное холистическое мировосприятие бурятского народа, которое характеризуется неразрывностью сознания единства природы и человека. Согласно С. И. Жимбеевой, у бурят вся природа, в том числе и небо, озарена чувствами и разумом, а человек воспринимает себя в ней в «причинно-следственных взаимодействиях» [Zhimbeeva, 2010, p. 34]. Использование денотата *небо* в качестве источника метафоры в пословице как раз и служит примером такого видения.

Шаг 4. *«Приглушить» возникшие в сознании образы и ассоциации,* связанные с личным опытом, которые могут необязательно основываться на общекультурных символах, концептах или скриптах и, как следствие, могут увести в другое русло интерпретации назидания. В данном случае речь идет о том, что в сознании может возникнуть образ современной бурятской девушки, которая ведет, выполняя разные социальные роли, активный образ жизни, что не соответствует исконно-традиционному посылу паремии — девушке должны быть присущи скромность и сдержанность.

Шаг 5. *Декодировать и сформулировать исходную прескрипцию,* опираясь на доминантные культурные ценности отправителя. Здесь необходимо исходить из строгих нравственных и этических представлений бурят о женщине, в которой, в первую очередь, ценились такие качества, как скромность, покладистость, сдержанность, молчаливость [Николаева, 2011, с. 155]. В этом смысле традиционно бурятская девушка не должна была выделяться на фоне других и совершать поступки, порочащие ее честь и достоинство. Однако в настоящее время, несмотря на сохранение в бурятском обществе традиционных представлений о роли и месте мужчины и женщины, положение женщины носит двойственный характер: с одной

стороны, современная бурятка ниже по статусу, чем мужчина, с другой стороны, она обладает свободой действий (хозяйка дома, участие в различных сферах жизни, возможность карьерного и личностного роста) [Дугарова, 2010б, с. 236]. Тем не менее, сопоставив метафоры «грохочущее небо» и «ославленная девушка» относительно друг друга и представив нравственно-этический портрет традиционной бурятской женщины, следует определить мораль исходной поговорки: «Береги свою честь и достоинство с юных лет». Отметим, что данная поговорка предназначена для воспитания и наставления девочкам, которым в будущем предстоит выйти замуж и стать матерями.

Шаг 6. *Прогнозировать усредненную точку зрения о культурных и концептуальных ориентирах познания и мышления отправителя и получателя в вопросе исходной морали.* В данном случае это значит, что следует начинать с представления, каким образом носители английской и русской культур воспринимают понятие «честь» в целом, посредством обращения к словарным дефинициям.

В английском языке понятие «честь» коррелирует с понятием «honor». В толковых словарях английского языка оно определяется следующим образом: 1) great respect for someone, or the feeling of pride and pleasure resulting when respect is shown to you (*досл.* большое уважение к кому-то или чувство гордости и удовольствия при проявлении уважения); 2) a good character, or a reputation for honesty and fair dealing (*досл.* хороший характер или репутация честного и справедливого человека); 3) a public reward to show appreciation for unusual achievement (*досл.* общественная награда за необычное достижение) [URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/honor> (дата обращения: 24.05.2020)]; 4) good name or public esteem: reputation (*досл.* доброе имя и общественное уважение: репутация); 5) faithfulness to high moral standards (*досл.* верность высоким моральным принципам); 6) a showing of usually merited respect (*досл.* проявление обычно заслуженного уважения); 7) an

evidence or symbol of distinction (досл. знак или символ отличия); 8) chastity, purity (досл. целомудрие, чистота) [URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/honor> (дата обращения: 24.05.2020)]. Как видим из определений, понятие «honor» соотносится с такими ключевыми словами, как *good character, good name, public esteem, good reputation, high moral standards, merited respect, purity*, образующими общее значение данного понятия.

В русском языке понятие «честь» также имеет несколько значений. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова находим следующие определения: 1) достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы; 2) хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя; 3) целомудрие, непорочность; 4) почет, уважение [URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-38666.htm> (дата обращения: 24.05.2020)]. В словаре Т. Ф. Ефремовой представлены следующие значения: 1) моральное, профессиональное, социальное и т. п. достоинство, вызывающее уважение к самому себе или со стороны окружающих; 2) почет, уважение; знаки внимания, оказываемые кому-л.; 3) то, что придает кому-л., чему-л. ценность, достоинство; то, чем гордятся; 4) устар. целомудрие, непорочность женщины [URL: https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-119035.htm#ЧЕСТЬ_значение (дата обращения: 24.05.2020)]. В представленных определениях выделяются следующие ключевые слова, которые формируют общее значение понятия «честь»: *достоинство, моральные качества, принципы, хорошая репутация, доброе имя, уважение, непорочность*. Согласно Т. Шевченко, как в английской, так и в русской культуре понятие «честь» является одним из аксиологических концептов, а также социально и культурно обусловленной моделью одобрения/осуждения [Shevchenko et al., 2018, p. 1173].

Шаг 7. Произвести поиск и подбор релевантных коррелятов в ПЯ. Для относительно релевантной передачи выявленной паремической

прескрипции в подборе следовать критерию «способность оказывать схожее воздействие на получателя другой культуры».

Исходя из ключевых слов, формирующих в совокупности обобщенное значение понятий «honor» и «честь», обращаемся к фразеологическим словарям и находим следующие пословицы, в максимальной степени коррелирующие с исходной единицей на уровне прескриптивной семантики: *A good name is sooner lost than won* (досл. Хорошее имя быстрее потерять, чем заслужить), *Береги платье снову, а честь смолоду*.

Шаг 8. *Определить степень семантического сдвига в коррелятах*, обратившись к значениям пословиц в толковых фразеологических словарях, и при наличии вариантов выбрать тот коррелят, который выражает ту же степень затемненности прескрипции, что и исходная единица. В английской пословице, обладающей средней способностью к экспликации прескрипции, выражение «good name» используется в значении «репутация», которую можно потерять или «заработать», как и богатство, но только хорошими делами и поступками. В толковом словаре находим следующее значение паремии: «It is much easier to lose a good reputation than to earn it» досл. ‘Гораздо легче испортить хорошую репутацию, чем ее заслужить’ [URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/a+good+name+is+sooner+lost+than+won> (дата обращения: 23.05.2020)]. Мораль пословицы заключается в следующем: нужно беречь свою репутацию с самого начала.

В русской пословице *Береги платье снову, а честь смолоду*, содержащей прямую прескрипцию «Дорожи своей честью и добрым именем с молодых лет», честь получает сравнение с новым платьем, которое раньше с самого начала требовало бережного обращения и особого ухода для сохранения опрятного вида. С честью все то же самое, ведь именно в молодости совершаются необдуманные поступки, которые приводят к невольным ошибкам [URL: http://www.poslovitza.ru/smysl_poslovizi_beregi_chest_smolodu.html (дата обращения: 24.05.2020)].

В обоих случаях мы наблюдаем слабый сдвиг в прескриптивной семантике, поскольку мораль пословиц направлена на поучение молодых людей в целом, а не только юных девушек.

Шаг 9. *В случае отсутствия соответствия предложить описательный перевод, детерминированный контекстом.* В переводческой практике демегафоризация используется в целях объяснения прескриптивного смысла фразеологической единицы, которая не имеет коррелятов в ПЯ и не подлежит дословному переводу.

Таким образом, на наш взгляд, разработанные рекомендации в виде алгоритма переводческих действий (в терминах И. С. Алексеевой) или, в рамках терминологии А. Д. Швейцера, программы переводческих действий по поиску и подбору паремических коррелятов в ПЯ послужит ключом к решению заданного вида переводческой задачи.

Выводы по третьей главе

Паремии с затемненной прескриптивной семантикой характеризуются высокой степенью приложения когнитивных усилий при декодировании назидательного смысла. Апробация модели перевода В. Н. Комиссарова в работе с паремиями наглядным образом показала, что релевантное коррелирование пословиц в разных языках может достигаться лишь на первом уровне цели высказывания, т. е. передачи прескриптивной семантики в той или иной мере. При этом соответствие на уровне ситуации и способа описания ситуации встречается крайне редко, в основном в интернациональных или заимствованных паремиях, что тем не менее не обеспечивает достижение полной эквивалентности. Согласно Я. И. Рецкеру, такие фразеологизмы «представляют особую опасность при переводе», т. к. под сходной оболочкой в разных языках может скрываться различное значение, возникшее в результате их переосмысления [Рецкер, 2007, с. 147]. Эта мысль находит подтверждение в тезисе А. Т. Казаковой о том, что интернациональные фразеологизмы в разных языках получают иные функциональные характеристики, а также различное эмоционально-ассоциативное переосмысление и формальное развитие [Казакова, 2001, с. 134].

Что касается использования пятиуровневой модели эквивалентности В. Н. Комиссарова, такие категории соотнесения составляющих текста оригинала и перевода, как предметная ситуация и способы описания этой ситуации, помогли высветить факторы, очевидным образом послужившие подсказкой к идентификации участниками психолингвистического эксперимента семантических сдвигов в коррелятах. С другой стороны, модель опосредованно помогла осознать, что определенная часть молодого поколения бурят постепенно утрачивает навык осуществлять и объяснять суть метафорического переноса, а неспособность к предвидению развития концептуальной семантики в метонимических и метафорических переносах

паремий на родном языке свидетельствует о функциональном ослаблении языка на более глубоком семиотическом уровне.

Апробация переводческой модели П. П. Дашинимасовой в аспекте коррелирования бурятских, английских и русских пословиц дала возможность развернуто представить ментальный этап декодирования паремической прескрипции и поиска и подбора коррелятов в ПЯ. Данная модель выступает в качестве целостного алгоритма, который следует детализировать как промежуточные звенья в работе с паремиями с затемненной прескриптивной семантикой. В то же время модель позволяет спрогнозировать в определенной степени динамику ментальных шагов, которые испытуемые могли проделать во время третьего этапа эксперимента.

Рекомендации, разработанные на основе ПЛМПЗ, представляют собой своего рода алгоритм переводческих действий по декодированию исходной прескрипции и поиску и подбору релевантных коррелятов в целевом языке. Данные рекомендации направлены на развитие культуры переводческого мышления начинающих переводчиков при работе с такой категорией фразеологических единиц, как паремии. Однако стоит отметить, что разработанные рекомендации не всегда могут гарантировать верное переводческое решение, поскольку каждый переводчик обладает собственным индивидуальным набором знаний, навыков и умений, формирующих переводческую компетенцию, и не всегда готов осознанно и последовательно применить ментальные шаги стратегии перевода в своей деятельности. Согласно Н. Н. Гавриленко, «компетентность переводчика может проявляться, а соответственно, и формироваться лишь в процессе решения профессиональных задач» [Гавриленко, 2006, с. 21]. Это значит, что осознанное и многократное использование рекомендаций в процессе решения конкретных переводческих задач подбора паремических коррелятов будет развивать профессиональную компетентность переводчика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование полностью подтвердило гипотезу: если паремическая прескрипция этнокультурноцентрирована, то соответствующее наиздание невозможно передать в другом языке без сдвига семантики. Другими словами, перевод паремических фразеологизмов носит относительный характер.

Данное исследование было направлено на выявление факторов, влияющих на вариативность понимания прескриптивного смысла исходных паремий, а также на степень передачи паремической прескрипции в целевом знаке. Мы выяснили, что паремический образ как отправной пункт формирования прескриптивного смысла единицы может создавать высокую степень затемненности семантики, что препятствует пониманию читателем или слушателем послания предков.

Экспериментальное обнаружение взаимоотношенностей между бурятскими, английскими и русскими коррелятами и последующее подтверждение их проявлений в модели перевода на предмет приближения целевых коррелятов друг к другу помогли также высветить частную причину неверного декодирования назидательного ядра самими носителями исходного языка. В условиях функционального ослабления языка молодое поколение испытывает трудности в умении восполнить отсутствующую часть семантики, опираясь на принцип логического развертывания причины-следствия. Например, в случае с пословицей с затемненной прескрипцией *Тэжээһэн буруу тэргэ эбдэбэ* (досл. Вскормленный теленок сломал телегу) большинство участников эксперимента не смогли идентифицировать исходную прескрипцию из-за отсутствия указания в ней на метонимическую связь, что привело к неверному определению степени семантического сдвига в коррелятах ('упертость в поведении' вместо 'последствия плохого воспитания'). В этом смысле степень интериоризации

родного языка, в том числе и паремического знака, требует целенаправленного исследования на более детальном уровне.

Моделирование ментального этапа декодирования исходной паремической прескрипции и подбора вариантов соответствий на примере бурятских, английских и русских коррелятов показало, что достижение тождественного коммуникативного эффекта на получателя невозможно ввиду этнокультурноцентрированной семантики паремической прескрипции и несовпадения концептуальных ориентиров исходной и целевых культур, что опосредованно подтверждает нашу гипотезу о невозможности передачи прескрипции на другом языке без семантического сдвига.

В рамках нашего исследования моделирование перевода паремий было предназначено не столько для того, чтобы попытаться описать ментальные действия, которые тот или иной переводчик непроизвольно осуществляет в голове, сколько для того, чтобы создать алгоритм подобранных в строгой последовательности мыслительных шагов, позволяющий сознательно и целенаправленно выполнять операциональные действия с паремиями. В этом смысле предложенное моделирование перевода паремий в аспекте актуализации прескриптивного потенциала, которое способствует оптимизации предпереводческой деятельности и минимизации семантического сдвига в коррелятах, также разработанные нами переводческие рекомендации по работе с паремиями с затемненной прескриптивной семантикой, направленные на развитие переводческой компетентности и культуры мышления начинающих переводчиков в плане осознанного использования ментальных шагов при выполнении данной задачи, могут найти дальнейшую детализацию в плане освещения глубинных когнитивных механизмов переводческого процесса, где одним из контактирующих языков является региональный язык.

ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика : учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. — Санкт-Петербург : Союз, 2001. — 288 с. Текст : непосредственный.
2. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории / И. С. Алексеева. — Москва : Международные отношения, 2008. — 184 с. Текст : непосредственный.
3. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. — Москва : Флинта, 2009. — 344 с. Текст : непосредственный.
4. Амгаланова М. В. Репрезентация ценностей традиционной культуры в бурятской детской литературе / М. В. Амгаланова // Вестник Бурятского государственного университета. — Филология. — 2020. — Вып. 3. — С. 44–50. Текст : непосредственный.
5. Артемова В. Г. Ментальность русского народа: традиции и эволюция / В. Г. Артемова, Я. В. Филиппова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — Социальные науки. — 2008. — № 2. — С. 1–12. Текст : непосредственный.
6. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник статей ; пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5–32. Текст : непосредственный.
7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. Текст : непосредственный.

8. Бабуева В. Д. Материальная и духовная культура бурят / В. Д. Бабуева. — Москва, 2004. — 226 с. Текст : непосредственный.
9. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. — Москва : ЛКИ, 2010. — 240 с. Текст : непосредственный.
10. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. — 480 с. Текст : непосредственный.
11. Будаева Ц. Л. К вопросу о степени экспликации прескриптивного потенциала паремических единиц (на примере бурятских, русских и английских пословиц) / Ц. Л. Будаева, П. П. Дашинимаева // Аспирант. — Ростов-на-Дону : Приоритет, 2016. — № 9. — С. 14–16. Текст : непосредственный.
12. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография: избранные труды. — Москва : Наука, 1986. — 162 с. Текст : непосредственный.
13. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. — Москва : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с. Текст : непосредственный.
14. Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы : учебное пособие / В. С. Виноградов. — Изд. 2, перераб. — Москва : КДУ, 2004. — 240 с. Текст : непосредственный.
15. Влахов С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. — Москва : Р. Валент, 2006. — 448 с. Текст : непосредственный.
16. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / В. С. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2001. — Т. 60 — № 6. — С. 47–58. Текст : непосредственный.

17. Воробьев В. В. О статусе лингвокультурологии / В. В. Воробьев // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ (Братислава 1999) : доклады и сообщения российских ученых. — Москва, 1999. — С. 96–117. Текст : непосредственный.
18. Гавриленко Н. Н. Аналитический этап обучения профессионально ориентированному переводу / Н. Н. Гавриленко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Научно-методические основы формирования инновационной системы языковой подготовки в неязыковых вузах. — Педагогические науки. — Москва : Изд-во МГЛУ, 2014. — Вып. 12 (692). — С. 89–99. Текст : непосредственный.
19. Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 544 с. Текст : непосредственный.
20. Гомбоева Н. Г. Культура бурятского населения как способ адаптации к природно-климатическим условиям региона проживания / Н. Г. Гомбоева // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. — 2013. — № 4–1. — С. 127–137. Текст : непосредственный.
21. Горшкова В. Е. «Муки переводческие»: слово В. Распутина в переложении на французский язык / В. Е. Горшкова // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе : материалы международной научно-практической конференции. — Москва : Салоники, 2009. — С. 178–183. Текст : непосредственный.
22. Гранкина Л. А. Типы фразеологизмов с точки зрения семантической устойчивости (слитности) их компонентов на примере английского языка / Л. А. Гранкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 5. — С. 54–56. Текст : непосредственный.
23. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл.

А. В. Гулыги и В. А. Звезгинцева. — Москва : Прогресс, 1984. — 400 с. Текст : непосредственный.

24. Дашинимаева П. П. Концепт Молчания: дизъюнктивный синтез в смыслопонимании / П. П. Дашинимаева // Аксиолингвистические концепты окружающей среды (герменевтический аспект) : материалы российско-польского научно-практического семинара «Восток–Запад». — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2009. — С. 12–17. Текст : непосредственный.

25. Дашинимаева П. П. Синтез теории и практики перевода. Пословицы в бурятском, русском и английском языках : учебно-методическое пособие / П. П. Дашинимаева, А. Т. Жанаев. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2014. — 74 с. Текст : непосредственный.

26. Дашинимаева П. П. Психоллингвистическая модель перевода значимости / П. П. Дашинимаева // Вестник Тверского государственного университета. — Сер. Филология. — 2017 (4). — С. 188–192. Текст : непосредственный.

27. Дашинимаева П. П. Теория перевода: психоллингвистический подход : учебник / П. П. Дашинимаева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. — 360 с. Текст : непосредственный.

28. Джиева А. А. Английский менталитет сквозь призму языка: концепт “Understatement” / А. А. Джиева // Английский язык в школе. — 2006 (3). — С. 10–15. Текст : непосредственный.

29. Дмитрюк Н. В. Отражение нравственных ценностей казахского этноса в зеркале свободного ассоциативного эксперимента / Н. В. Дмитрюк, Д. Н. Байгутова, Е. С. Мезенцева // Вопросы психоллингвистики. — 2015. — № 1 (23). — С. 159–171. Текст : непосредственный.

30. Дугарова Т. Ц. Глобальные вызовы: Этническое самосознание бурят / Т. Ц. Дугарова. — Москва : Прометей, 2010. — 160 с. Текст : непосредственный.

31. Дугарова Т. Ц. Особенности этнического самосознания бурят / Т. Ц. Дугарова // Развитие личности. — 2010. — № 1. — С. 225–238. Текст : непосредственный.
32. Дугарова Т. Ц. Реалии внешнего мира в контексте этнического самосознания (на материале изучения ментальных ориентаций бурят) / Т. Ц. Дугарова // Развитие личности. — 2017. — № 4. — С. 155–192. Текст : непосредственный.
33. Ефремов В. А. Теория концепта и концептуальное пространство / В. А. Ефремов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2009. — № 104. — С. 96–106. Текст : непосредственный.
34. Жимбаева Ц. Ч. Особенности и сущность принципа природосообразности в бурятской этнической культуре / Ц. Ч. Жимбаева // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014. — Т. 6. — № 6–2. — С. 90–93. Текст : непосредственный.
35. Залевская А. А. Введение в психолингвистику : учебник / А. А. Залевская. — Москва : Direct Media, 2013. — 560 с. Текст : непосредственный.
36. Ивин А. А. Философия : энциклопедический словарь / А. А. Ивин. — Москва : Гардарики, 2004. — 456 с. Текст : непосредственный.
37. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации / О. Каде // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. — Москва : Международные отношения, 1978. — С. 69–90. Текст : непосредственный.
38. Казакова Е. Ю. Семиотическая категория «молчание» как способ познания этнической культуры / Е. Ю. Казакова // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2009. — № 6. — С. 19–24. Текст : непосредственный.
39. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian / Т. А. Казакова. — Изучаем иностранные языки. — Санкт-Петербург : Союз. — 2001. — 320 с. Текст : непосредственный.

40. Каналаш О. П. Языковая и национальная картины мира как компонент лингвистического исследования / О. П. Каналаш // *Lingua mobilis*. — 2011. — № 1 (27). — С. 60–64. Текст : непосредственный.
41. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — С. 166–205. Текст : непосредственный.
42. Катфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода: об одном аспекте прикладной лингвистики / Дж. К. Катфорд ; пер. с англ. В. Д. Мазо. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 208 с. Текст : непосредственный.
43. Кацюба Л. Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) / Л. Б. Кацюба // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. — Лингвистика. — 2013. — Т. 10. — № 1. — С. 65–67. Текст : непосредственный.
44. Кацюба Л. Б. Ассоциативное поле русских и китайских паремий в языковом сознании носителей китайской культуры / Л. Б. Кацюба, Ван Лимин // *Вопросы психолингвистики*. — 2015. — № 1 (23). — С. 132–138. Текст : непосредственный.
45. Клюканов И. Э. Психолингвистические проблемы перевода : учебное пособие / И. Э. Клюканов. — Калинин : Изд-во КГУ, 1989. — 80 с. Текст : непосредственный.
46. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для институтов и факультетов иностранных языков / В. Н. Комиссаров. — Москва : Высшая школа, 1990. — 254 с. Текст : непосредственный.
47. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учебное пособие / В. Н. Комиссаров. — Москва : ЭТС, 2002. — 424 с. Текст : непосредственный.
48. Копылова В. Е. Фразеология русского языка как отражение языковой картины мира / В. Е. Копылова // *Лингвокультурология*. — 2010. — № 4. — С. 89–93. Текст : непосредственный.

49. Копылова Т. Р. Молчание: от концепта к русскому коммуникативному поведению (особенности формирования) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. — История и филология. — 2015. — Т. 25. — Вып. 2. — С. 27–32. Текст : непосредственный.

50. Корнилов О. А. Жемчужины китайской фразеологии / О. А. Корнилов. — Москва : ЧеРо, 2005. — 336 с. Текст : непосредственный.

51. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 34–47. Текст : непосредственный.

52. Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс) / А. В. Кунин. — Москва : Высшая школа, 1970. — 342 с. Текст : непосредственный.

53. Лазукова А. А. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов, характеризующих человека / А. А. Лазукова // Лингвокультурология. — 2008 (2). — С. 137–144. Текст : непосредственный.

54. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. Текст : непосредственный.

55. Латышев Л. К. Технология перевода : учебное пособие для студентов лингвистических вузов и факультетов / Л. К. Латышев. — Изд. 2, перераб. и доп. — Москва : Академия, 2005. — 320 с. Текст : непосредственный.

56. Леонтьев А. А. Психолингвистика / А. А. Леонтьев // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 2000. — С. 404–405. Текст : непосредственный.

57. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики : учебник для студентов вузов / А. А. Леонтьев. — Изд. 4. — Москва : Смысл; Академия, 2005. — 288 с. Текст : непосредственный.
58. Мазирка И. О. Переводимость как критерий развития языка / И. О. Мазирка, Г. Т. Хухуни // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2013. — Вып. 2. — С. 92–98. Текст : непосредственный.
59. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие / В. А. Маслова. — Изд. 2. — Москва : ТетраСистемс, 2005. — 256 с. Текст : непосредственный.
60. Мигранова Л. Ш. Фразеологический образ как источник культурной коннотации (на материале повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая») / Л. Ш. Мигранова // Язык и культура. — 2014. — № 2 (26). — С. 30–35. Текст : непосредственный.
61. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. — Москва : Московский лицей, 1996. — 208 с. Текст : непосредственный.
62. Николаева Д. А. Статусно-ролевые изменения положения замужней женщины в традиционной культуре бурят / Д. А. Николаева // Известия Алтайского государственного университета. — История. — 2011. — № 4–1 (72). — С. 154–161. Текст : непосредственный.
63. Нистратов А. А. Анализ значений пословиц в контексте ситуаций их употребления / А. А. Нистратов // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 1 (31). — С. 85–96. Текст : непосредственный.
64. Осинский И. И. Традиции в культуре современной бурятской молодежи / И. И. Осинский, В. А. Хабудаева // Вестник Бурятского государственного университета. — Философия. — 2014. — № 6–2. — С. 69–73. Текст : непосредственный.

65. Петрова А. А. Социокультурные основания этнической идентичности в условиях глобализации / А. А. Петрова // Вестник ВСГУТУ. — 2015. — № 2. — С. 178–181. Текст : непосредственный.
66. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Изд. 4, стер. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 102 с. Текст : непосредственный.
67. Попова Т. Г. Метафора как языковой и ментальный механизм в создании образно-эстетической составляющей художественного произведения / Т. Г. Попова, Е. В. Курочкина // Язык и культура. — 2015. — № 1 (29). — С. 45–53. Текст : непосредственный.
68. Райс К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — Москва, 1978. — С. 202–228. Текст : непосредственный.
69. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер ; доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. — Изд. 3, стер. — Москва : Р. Валент, 2007. — 244 с. Текст : непосредственный.
70. Ройзензон Л. И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма / Л. И. Ройзензон // Вопросы фразеологии. — Ташкент : Наука, 1977. — С. 63–70. Текст : непосредственный.
71. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики / В. М. Савицкий. — Москва : Гнозис, 2006. — 208 с. Текст : непосредственный.
72. Сдобников В. В. Теория перевода : учебник для переводческих факультетов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. — Нижний Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2001. — 306 с. Текст : непосредственный.
73. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация : монография / В. В. Сдобников. — Москва : ФЛИНТА: Наука, 2015. — 464 с. Текст : непосредственный.

74. Серегина М. А. Когнитивные аспекты русской и немецкой паремиологии: когнитивная структура паремиологической картины мира русских и немцев / М. А. Серегина. — LAP Lambert Academic Publishing, 2012. — 328 с. Текст : непосредственный.
75. Сикевич З. В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) / З. В. Сикевич // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Социология. — 2016. — № 3. — С. 118–128. Текст : непосредственный.
76. Стернин И. А. Лакуны и концепты / И. А. Стернин, З. Д. Попова, М. А. Стернина // Лакуны в языке и речи : сборник научных трудов. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. — С. 205–223. Текст : непосредственный.
77. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. — Москва : Аспект Пресс, 2007. — 368 с. Текст : непосредственный.
78. Телия В. Н. Метафора как модель смысла произведения и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. — Москва : Наука, 1988. — 286 с. Текст : непосредственный.
79. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. — 288 с. Текст : непосредственный.
80. Теремкова О. А. Переводческие стратегии как инструмент транслятологического анализа / О. А. Теремкова // Вестник Воронежского государственного университета. — Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 2. — С. 177–179. Текст : непосредственный.
81. Улазаева Г. В. Фразеологические единицы как фрагмент языковой картины мира (из практики преподавания русского языка как иностранного) / Г. В. Улазаева // Вестник Бурятского государственного университета. — Педагогика. Филология. Философия. — 2009. — № 8. — С. 193–196. Текст : непосредственный.

82. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учебное пособие / А. В. Федоров. — Изд. 5. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ ; Москва : Филология ТРИ, 2002. — 416 с. Текст : непосредственный.
83. Фесенко Т. А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода / Т. А. Фесенко. — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. — 228 с. Текст : непосредственный.
84. Хайруллина Р. Х. Фразеологический образ: ментальная природа и языковое выражение / Р. Х. Хайруллина // Филологические науки. — 2015. — № 2 (27). — С. 6129–6132. Текст : непосредственный.
85. Хахалова С. А. Метафора: техника и идеология / С. А. Хахалова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 2 (14). — С. 126–131. Текст : непосредственный.
86. Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры : монография / С. А. Хахалова. — Изд. 2, испр. и доп. — Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2011. — 292 с. Текст : непосредственный.
87. Хилханова Э. В. Лингвистические факторы переключения кодов (на материале современной языковой ситуации в этнической Бурятии) / Э. В. Хилханова // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2009. — № 4. — С. 160–164. Текст : непосредственный.
88. Цыinguнова Е. Т. Традиционная культура бурятского народа / Е. Т. Цыinguнова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — № 6. — С. 297–300. Текст : непосредственный.
89. Черняк Е. П. Теория внутренней формы слова в семантических исследованиях А. А. Потебни и В. фон Гумбольдта / Е. П. Черняк // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — Филология, педагогика, психология. — 2013 (2). — С. 161–166. Текст : непосредственный.
90. Чибышева О. А. Репрезентация концепта SILENCE (ТИШИНА/МОЛЧАНИЕ) во фразеологии английского языка /

О. А. Чибышева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2018. — № 1 (79). — С. 402–407. Текст : непосредственный.

91. Чугунова С. А. Стратегии понимания идиоматических выражений с темпоральной семантикой на родном и иностранном языках (результаты эксперимента) / С. А. Чугунова, Ж. П. Залипаева // Психолингвистика и лексикография : сборник научных трудов / науч. ред. А. В. Рудакова. — Воронеж : РИТМ, 2017. — Вып. 4. — С. 120–127. Текст : непосредственный.

92. Чэнь Я. Внутренняя форма фразеологизма как предвосхищение его актуального значения / Я. Чэнь // Вестник Тамбовского университета. — Гуманитарные науки. — 2011. — Т. 103. — № 11. — С. 262–266. Текст : непосредственный.

93. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — Москва : Наука, 1988. — 215 с. Текст : непосредственный.

94. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. — Изд. 3. — Москва : Высшая школа, 1985. — 160 с. Текст : непосредственный.

Авторефераты, диссертации

95. Адамова С. М. Пословицы и поговорки, отражающие межличностные отношения в языках различных культур: лакском и английском : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / С. М. Адамова. — Махачкала, 2015. — 28 с. Текст : непосредственный.

96. Бардамова Е. А. Пространство и время в языковой картине мира бурят : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.22 / Е. А. Бардамова. — Улан-Удэ, 2012. — 41 с. Текст : непосредственный.

97. Гавриленко Н. Н. Лингвистические и методические основы подготовки переводчиков с иностранного языка на русский в области науки и техники (на примере перевода с французского языка на русский) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук : 13.00.02 / Н. Н. Гавриленко. — Москва, 2006. — 52 с. Текст : непосредственный.

98. Дашинимаева П. П. Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / П. П. Дашинимаева. — Улан-Удэ, 2010. — 338 с. Текст : непосредственный.

99. Дондокова Н. П. Зоосемические фразеологические единицы бурятского языка: структура, семантика, функции : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.22 / Н. П. Дондокова. — Улан-Удэ, 2008. — 198 с. Текст : непосредственный.

100. Дондокова Н. П. Зоосемические фразеологические единицы бурятского языка: структура, семантика, функции : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.22 / Н. П. Дондокова. — Улан-Удэ, 2008. — 26 с. Текст : непосредственный.

101. Дугарова Т. Ц. Особенности этнического самосознания современных бурят России : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук : 19.00.01 / Т. Ц. Дугарова. — Москва, 2010. — 46 с. Текст : непосредственный.

102. Жанаев А. Т. (Не)переводимость концепта в культурно-цивилизационном аспекте (на примере бурятских концептуальных ориентиров) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. Т. Жанаев. — Улан-Удэ, 2014. — 190 с. Текст : непосредственный.

103. Замураева П. Б. Гендерные отношения в традиционной культуре бурят (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) : диссертация на

соискание ученой степени кандидата культурологии : 24.00.01 / П. Б. Замураева. — Улан-Удэ, 2015. — 165 с. Текст : непосредственный.

104. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / М. Л. Ковшова. — Москва, 2009. — 49 с. Текст : непосредственный.

105. Кулькова М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01, 10.02.20 / М. А. Кулькова. — Казань, 2011. — 52 с. Текст : непосредственный.

106. Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / А. Г. Минченков. — Санкт-Петербург, 2008. — 44 с. Текст : непосредственный.

107. Тагарова Т. Б. Фразеология бурятского языка: функционально-стилистический аспект : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.22 / Т. Б. Тагарова. — Элиста, 2013. — 48 с. Текст : непосредственный.

108. Шайхуллин Т. А. Русские и арабские паремии с компонентом-наименованием родственных отношений: концептуально-семантический и этнокультурный аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01, 10.02.20 / Т. А. Шайхуллин. — Казань, 2012. — 48 с. Текст : непосредственный.

Литература на иностранном языке

109. Baker M. In Other Words : A Coursebook on Translation / M. Baker. — Ed. 2. — New York : Routledge, 2011. — 330 p. Текст : непосредственный.

110. Basic Social Values Reflection: Concept 'Honor' in English, German and Russian Linguocultures / T. Shevchenko, G. Slyshkin, A. Moseyko,

- K. Korovina // SHS Web of Conferences. — 2018. — Vol. 50. — P. 1173.
Текст : непосредственный.
111. Beloglazova E. V. “Blind Idiot” Translation or Beware of Idioms / E. V. Beloglazova, O. A. Bartashova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2012. — Vol. 5. — No. 6. — P. 780–786.
Текст : непосредственный.
112. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. — London : Hodder & Stoughton, 2004. — 158 p. Текст : непосредственный.
113. Hall E. T. Beyond Culture / E. T. Hall. — New York : Anchor Press, 1976. — 256 p. Текст : непосредственный.
114. Hofstede G. Culture and Personality Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture / G. Hofstede, R. R. McCrae // Cross-cultural Research. — 2004. — P. 52–88. Текст : непосредственный.
115. Jaskot M. P. Equivalent Culture-Anchored Units Translation? The Phraseological Units Issue / M. P. Jaskot // Cognitive Studies. — Warsaw, 2016. — P. 57–64. Текст : непосредственный.
116. Leivada E. Clitics in Idioms: Properties of Morphosyntax and Reference / E. Leivada, K. Grohmann // Lingua. — 2014. — P. 45–70. Текст : непосредственный.
117. Nabi A. Language and culture / A. Nabi // Journal of Humanities and Social Science. — 2017. — Vol. 22. — P. 91–94. Текст : непосредственный.
118. Osgood Ch. Semantic Differential Technique in the Comparative Study of Cultures / Ch. Osgood // American Anthropologist. — 1964. — Vol. 66. — No. 3 — P. 171–200. Текст : непосредственный.
119. Reiss K. Type, Kind and Individuality of Text: Decision Making in Translation / K. Reiss // Translation Studies Reader. — New York : Routledge, 2011. — P. 168–179. Текст : непосредственный.
120. Reiss K. Towards a General Theory of Translational Action: Skopos Theory Explained : Translated from the German by Christiane Nord / K. Reiss, H.

Vermeer ; English Reviewed by Marina Dudenhöfer. — New York : Routledge, 2014. — 240 p. Текст : непосредственный.

121. Remkhe I. Towards the Issue of Matrix Mapping of the Translation Process / I. Remkhe, L. Nefyodova // Mediterranean Journal of Social Sciences. — 2015. — Vol. 6. — No. 6. — P. 56–61. Текст : непосредственный.

122. Shlesinger M. Interpreting as a Cognitive Process: How Can We Know What Really Happens? / M. Shlesinger // Tapping and Mapping the Processes of Translating and Interpreting. — Amsterdam, Netherlands : John Benjamins, 2000. — P. 3–16. Текст : непосредственный.

123. Snell-Hornby M. Translation studies. An Integrated Approach / M. Snell-Hornby ; Revised Ed. — Amsterdam : John Benjamins, 1995. — 170 p. Текст : непосредственный.

124. Thagard P. Mind: Introduction to Cognitive Science / P. Thagard. — 2nd ed. — Cambridge, MA : MIT Press, 2005. — 258 p. Текст : непосредственный.

125. Touri G. Descriptive Translation Studies and Beyond / G. Touri. — Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins, 1995. — 316 p. Текст : непосредственный.

126. Zhimbeeva S. The Concept of Vitality and Its Interrelations with Nature in Buryat Traditional Culture / S. Zhimbeeva // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences. — 2010. — No. 134. — P. 32–40. Текст : непосредственный.

Словари

127. Большая Советская энциклопедия онлайн. — URL : <https://bse.slovaronline.com/> (дата обращения : 17.01.2020). Текст : электронный.

128. Большой энциклопедический словарь русского языка онлайн. — URL : http://slovonline.ru/slovar_ctc/ (дата обращения : 17.01.2020). Текст : электронный.

129. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва : РИПОЛ классик, 2006. — Т. 3. — 544 с. Текст : непосредственный.

130. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — 1209 с. Текст : непосредственный.

131. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка Ефремовой / Т. Ф. Ефремова. — URL : <https://www.efremova.info/word/frazeologizm.html#.XiE94-gzbiU> (дата обращения : 17.01.2020). Текст : электронный.

132. Лингвистический энциклопедический словарь. — URL : <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/> (дата обращения : 17.01.2020). Текст : электронный.

133. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — URL : <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=15516> (дата обращения : 24.11.2018). Текст : электронный.

134. Русско-английский словарь пословиц и поговорок. — URL : https://proverbs_ru_en.academic.ru/ (дата обращения : 18.03.2018). Текст : электронный.

135. Толковый словарь иностранных слов. — URL : <http://www.onlinedics.ru/slovar/in yaz.html> (дата обращения : 17.01.2020). Текст : электронный.

136. Cambridge Dictionary. — URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/idiom> (дата обращения : 09.04.2020). Текст : электронный.

137. Collins English Dictionary. — URL : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/proverb> (дата обращения : 09.04.2020). Текст : электронный.

138. Longman Dictionary of Contemporary English. — URL : <https://www.ldoceonline.com/dictionary/idiom> (дата обращения : 09.04.2020).

Текст : электронный.

139. Merriam-Webster Dictionary. — URL : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/idiom> (дата обращения : 09.04.2020). Текст :

электронный.

140. Power up with Proverbs. — URL : <https://proverbs.clarkscript.com/2006/06/dog-that-trots-about-finds-bone.html>

(дата обращения : 06.05.2020). Текст : электронный.

141. The Free Dictionary. — URL : <https://idioms.thefreedictionary.com/a+shut+mouth+catches+no+flies> (дата

обращения : 02.01.18). Текст : электронный.

142. The Oxford Dictionary of Phrase and Fable. — URL : <https://www.lexico.com/en/definition/proverb> (дата обращения : 09.04.2020).

Текст : электронный.

Электронные ресурсы

143. Будаев Ц. Б. О переводе русской фразеологии на бурятский язык / Ц. Б. Будаев. — URL : <https://docplayer.ru/55803540-C-b-budaev-o-perevode-russko-y-frazeologii-ia-buryatskiy-yazyk.html> (дата обращения : 20.06.2020).

Текст : электронный.

144. Бурятский корпус. — URL : http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения :

11.04.2019). Текст : электронный.

145. Дугаржапова С. Б. Традиционная бурятская культура как средство патриотического воспитания / С. Б. Дугаржапова // Философия сегодня : материалы второй межвузовской студенческой научной конференции. — Иркутск, 2016. — С. 82–86. — URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_25806400_99122140.pdf (дата

обращения : 20.06.2020). Текст : электронный.

146. Палажченко П. Р. Основы профессионального перевода. — URL : <https://bryansk-front.org.ru/vk/1614127806.html> (дата обращения : 18.03.2021). Текст : электронный.

147. Сорокин Ю. А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? / Ю. А. Сорокин. — Москва, 2000. — URL : <http://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/> (дата обращения : 10.10.2018). Текст : электронный.

148. Шекунова Н. С. О роли метафоры в пословицах английского языка / Н. С. Шекунова // *Universum : филология и искусствоведение*. — 2015. — № 1 (15). — URL : <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1874> (дата обращения : 17.04.2020). Текст : электронный.

149. Ene D. The Correlation between Language and Cultural Identity in Phraseological Units / D. Ene. — 2014. — URL : http://www.umk.ro/images/documente/publicatii/Buletin222/ene_daniela.pdf (дата обращения : 17.11.2018). Текст : электронный.

150. Gaia B. Translating Idioms and Buzzwords. Translation Techniques / B. Gaia. — 2006. — URL : <http://www.proz.com/doc/743> (дата обращения : 11.10.2018). Текст : электронный.

151. Plaza S. M. English and Spanish Phraseology: A Translation and Lexicographic Perspective / S. M. Plaza. — 2015. — URL : <https://www.ucjc.edu/wp-content/uploads/8.Silvia-Molina-Plaza.pdf> (дата обращения : 12.10.2018)]. Текст : электронный.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

досл. — дословно

др. — другие

напр. — например

табл. — таблица

диагр. — диаграмма

ПЕ — паремическая единица

ФЕ — фразеологическая единица

ИТ — исходный текст

ИЯ — исходный язык

ПТ — текст перевода

ПЯ — язык перевода

ПКМ — паремиологическая картина мира

ПЛМПЗ — психолингвистическая модель перевода значимости

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Схема классификации бурятских пословиц (воспроизведено по: [Жанаев, 2014, с. 179])

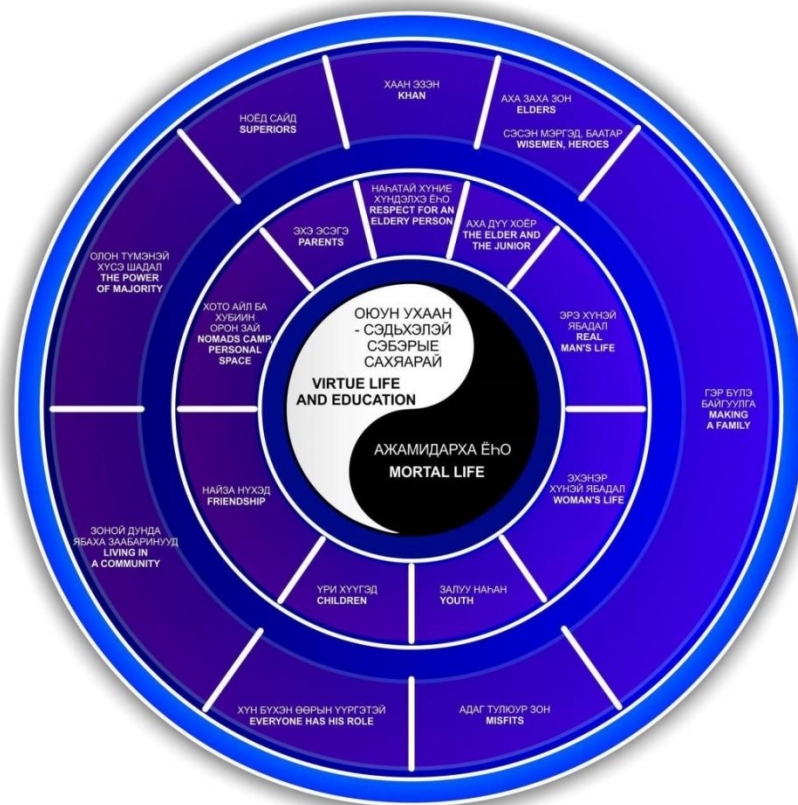
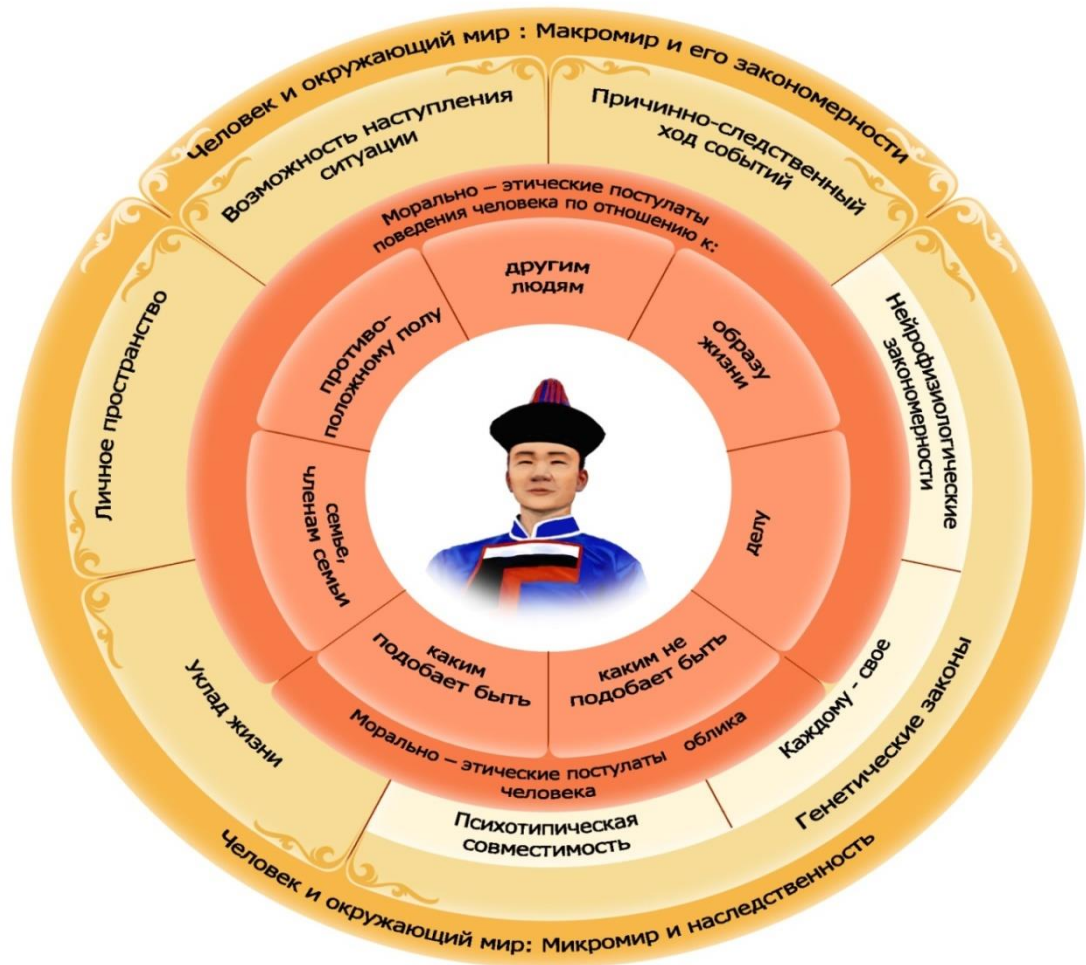

Схема концептуальной картины мира бурят
(воспроизведено по: [Дондокова, 2008а, с. 198])

**Схема психолингвистической модели перевода значимости
(воспроизведено по: [Дашинимаева, 2017б, с. 175])**

Уважаемый участник опроса!

Благодарим Вас за согласие принять участие в данном эксперименте! Для начала просим вас заполнить следующие данные:

1. Пол _____
2. Год рождения _____

I. Мы бы хотели определить, поняли ли вы назидание (смысл) бурятских пословиц. Просим оценить, насколько трудно/легко было это сделать, по 7-балльной шкале -3, -2, -1, 0, +1, +2, +3, где баллы означают:

-3 — абсолютно непонятно, в чем состоит назидание (смысл)

-2 — скорее не понимаю назидание (смысл), чем понимаю

-1 — смутно понимаю, в чем состоит назидание (смысл), однако не уверен в правильности догадки

0 — не знаю/не понимаю вопрос

+1 — осознаю, в чем заключается назидание (смысл), но не могу точно сформулировать

+2 — не составило больших усилий, чтобы понять назидание (смысл)

+3 — абсолютно четко представляю, в чем состоит назидание (смысл).

В случае -3, -2, -1, 0 просим пояснить, ЧТО не позволило понять назидание, по вашему мнению.

Пословицы	Ответы/реакции
1. Горхо хараагүй аад, гуталаа бү тайла.	
2. Ганса сусал гал болохогүй, ганса хүн хүн болохогүй.	
3. Ябаһан хүн яһа зууха, хэбтэһэн хүн хээли алдаха.	
4. Өөдэнь хаяһан шулуун толгой дээрэ унаха.	
5. Модонһоо хөө гараха, мууһаа муу гараха.	
6. Нэрээ хухаранхаар, яһаа хухара.	
7. Морин дүрбэн хүлтэйшье һаа, бүдэрдэг, Хүн дүүрэн ухаантайшье һаа, эндүүрдэг.	
8. Саһан дээрэ мүргүй, саарһан дээрэ нэрэгүй.	
9. Үглөө эдихэ өөхэнһөө мүнөө эдихэ уушхан дээрэ.	
10. Түргэдэжэ ябаһаар, түриигөө һэтэ гэшхэхэ.	
11. «А» үзэг эрдэмэй дээжэ, аяга сай эдээнэй дээжэ.	
12. Ухаагүй толгой улаан гараа зобоохо.	
13. Нураһан — далай, нураагүй — балай.	
14. Дуутай тэнгэри бороогүй, суутай басаган хуримгүй.	
15. Ойн модон үндэртэй набтартай, олон зон һайнтай муутай.	

II. *Определите, какой вклад вносят, по вашему мнению, образы пословицы в выражении назидания/ смысла (6 образов выделены жирным ирифтом). Можно объяснить каждый образ пословицы отдельно.*

Выберите ответ а)/б)/в):

а) образ усложняет выразить, соответственно, понимать назидание/смысл

б) образ помогает выразить, соответственно, понимать назидание/смысл

в) не могу определить.

2.1.1 Олон тарбаган ноохойдоо хүртэхэгүй/багтахгүй.	
2.1.2 Өөрөө унаһан хүүгэн уйладаггүй, Өөрөө таһарһан хүн гомдодоггүй.	
2.1.3 Ан алаагүй аад, арһыень бү хубаа.	

В случае ответа «усложняют выразить» просим пояснить, что именно затрудняет понимание назидания/смысла. Выберите а)/б)/в)/г)/д):

а) образ зверя трудно ассоциируется с моралью ситуации

б) вид/разряд образа не помогает понять ситуацию назидания

в) характеристика образа не соотносится с характеристикой назидания

г) трудно сопоставлять придуманные образы с ситуацией, о которой идет назидание

д) не чувствую наличие прямой связи между образом и моралью пословицы

е) другое.

2.2.1 Олон тарбаган ноохойдоо хүртэхэгүй/багтахгүй.	
2.2.2 Өөрөө унаһан хүүгэн уйладаггүй, Өөрөө таһарһан хүн гомдодоггүй.	
2.2.3 Ан алаагүй аад, арһыень бү хубаа.	

Частотность функционирования бурятских ПЕ в произведениях

Паремия	Частотность функционирования	Наименование произведения
1. Өөдэнь хаяһан шулуун толгой дээрэ унаха.	5	1. Үһэ яһанииньшье үлөөгүй. Х. Намсараев (1942). 2. Брынзын санха. Ц. Дон (1935). 3. Шэнэ һалхин. Ц. Шагжин (1987). 4. Галта джунгли. Ц. Шагжин (1987). 5. Баршуудхын дүүхэй. М. Осодоев (1975).
2. Үглөө эдихэ өөхэнһөө мүнөө эдихэ уушхан дээрэ.	2	1. Үбгэдтэ — мэндэ. С. Цырендоржиев (1977). 2. Голой эрьедэ. С. Ангабаев (1966).
3. Түргэдэжэ ябаһаар, түриигөө һэтэ гэшхэхэ	2	1. Эдиршүүд. Х. Намсараев (1949). 2. Брынзын санха. Ц. Дон (1935).
4. Ганса сусал гал болохогүй, ганса хүн хүн болохогүй.	6	1. Заха холын заямхада. М. Осодоев (1975). 2. Галуу нугаһадшье. Д. Улзытуев (1972). 3. Баян зүрхэн — И. Б. Мунгонов (1974). 4. Эжын хоёр. Г.-Д. Дамбаев (1982). 5. Тэрэ гэхээр. З. Гомбожабай (1968). 6. Үер. А. Ангархаев (1977).
5. Ябаһан хүн яһа зууха, хэбтэһэн хүн хээли алдаха.	6	1. Ябаһан хүн яһа зууха. Д. Сулыгимов (2006). 2. Заяанай зам. Б. Санжин, Б. Дандарон (1966). 3. Дуунай шэди. С. Цырендоржиев (1977). 4. Дуулажал яба даа, Должомаа! С. Цырендоржиев (1985). 5. Хүлэг инсагаална. Д. Эрдынеев (1974). 6. Үбгэдтэ — мэндэ. С. Цырендоржиев (1977).
6. Горхо хараагүй аад, гуталаа бү тайла.	8	1. Монгол нүүдэл. Х. Намсараев (1925). 2. Баян зүрхэн — П. Б. Мунгонов (1979). 3. Энэ наһан. Д. Эрдынеев (1968). 4. Дуунай эхин. Ц.-Д. Хамаев (1962). 5. Нойрһоо һэриһэн тала. Ж. Тумунов (1949). 6. Заха холын заямхада. М. Осодоев (1975). 7. Ажабайдалай жама ёһо. С. Доржиев. 8. Эрмэг дээрэ. Ц.-Д. Хамаев (1978).
7. Морин дүрбэн хүлтэйшье һаа, бүдэрдэг, Хүн дүүрэн ухаантайшье һаа, эндүүрдэг.	3	1. Шэнэ гэрэй һуури. Ц.-Д. Хамаев (1978). 2. Эжы. Ц.-Д. Хамаев (1967). 3. Хара булган. Д.-Д. Дугаров (1969).
8. «А» үзэг эрдэмэй дээжэ, аяга сай эдеэнэй дээжэ.	2	1. Талын харгынууд. Ц.-Ж. Жимбиев (1956–1966). 2. Урасхал. Ц.-Ж. Жимбиев (1973–1976).

9. Ухаагүй толгой улаан гараа зобоохо.	1	1. Лодорин зүүдэн. Ц. Дон (1937).
10. хурахан — далай, хураагүй — балай.	1	1. Онъон үгын синтаксическа түхэл. Д.Ц. Жапова (2007).
11. Дуутай тэнгэри бороогүй, суутай басаган хуримгүй.	1	1. Найдал. Ц.-Д. Хамаев (1967).
12. Модонхоо хөө гараха, Мууһаа муу гараха.	5	1. Талын харгьнууд. Ц.-Ж. Жимбиев (1956–1966). 2. Үүрэй толон. Х. Намсараев (1959). 3. Ондоо бодол байхагүй. С. Цырендоржиев (1977). 4. Брынзын санха. Ц. Дон (1935). 5. Заха холын заямхада. М. Осодоев (1975).
13. Нэрээ хухаранхаар, яһаа хухара.	4	1. Эсэгээ олоодүйб. З. Гомбожабай (1968). 2. Уһөө нэхэһэн баабгай. С. Доржиев. 3. Дуунай мундарга. Г. Раднаева (2006). 4. Талын харгьнууд. Ц.-Ж. Жимбиев (1956–1966).
14. Ойн модон үндэртэй набтартай, олон зон-хайнтай муутай.	1	1. Буряад хэлэнэй антонимууд тухай асуудал. Н.Б. Дугаров (2007).
15. Саһан дээрэ мүргүй, саарһан дээрэ нэрэгүй.	3	1. Банзарай хүбүүн Доржо. Ч. Цыдендамбаев (1953). 2. Үүрэй толон. Х. Намсараев (1959). 3. Шухата хюдалга. Ц. Дон (1930).

Уважаемый участник опроса!

Благодарим Вас за согласие принять участие в данном эксперименте. Данная анкета направлена на выявление степени соответствия английских и русских коррелятов бурятским пословицам.

1. Определите, пожалуйста, степень соответствия английских коррелятов бурятским пословицам (1-я степень означает передачу назидания без семантического сдвига; 2-я степень — передача назидания со слабым сдвигом; 3-я степень — передача назидания со значительным сдвигом).		
Бурятские пословицы	Английские корреляты	Степень соответствия назидания/смысла
1) Хүүхэээ хадамда үгэбэл, Нийхыень харамнадаггүй.	What's done can't be undone.	
	It's not worth crying over spilt milk.	
2) Зурамал зула зуушье хаа, Зулын гэрэлдэ хүрэдэггүй.	Better speak truth rudely than lie covertly.	
	A picture is worth a thousand words.	
3) Эртэлжэ һамга шэлэнхээр, Эртэлжэ ажал шэлээрэй.	Marry in haste, repent at leisure.	
4) Хүн болохо багаһаа, Хүлэг болохо унаганһаа.	The boy is father to the man.	
5) Нохорой газарта нюдөө ани, Дохолоной газарта хүлөө үргэ.	Who keeps company with the wolf, will learn to howl.	
	When in Rome, do as the Romans do.	
6) Агта алдабал, баригдаха, Ама алдабал, баригдахагүй.	A closed mouth catches no flies.	
	Speech is silver, but silence is golden	
7) Нью нюуһаар нюрганай забһараар бултайха, Хабша хабшаһаар, хабһанай забһараар бултайха.	Murder will out.	
	What is done by night appears by day.	
8) Тэжээһэн буруу тэргэ эбдэбэ.	A leopard cannot change its spots.	
	Once a wolf always a wolf.	
9) Уула үзөөгүй аад, хормойгоо бү шуу, Уһа үзөөгүй аад, гуталаа бү тайла.	Don't count your chickens before they are hatched.	
	Don't cross the bridge till you come to it.	
10) Ябаһан нохой яһа химэлдэг.	The dog that trots about finds a bone.	
	A good run is better than a bad stand.	
2. Просим определить таким же образом степень соответствия русских коррелятов бурятским пословицам.		
Бурятские пословицы	Русские корреляты	Степень соответствия назидания
1) Хүүхэээ хадамда үгэбэл, Нийхыень харамнадаггүй.	После драки кулаками не машут.	
	Потерянного не воротишь.	
	Слезам горю не поможешь.	
2) Зурамал зула зуушье хаа, Зулын гэрэлдэ хүрэдэггүй.	Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.	
	Лучше один раз увидеть, чем сто раз	

	услышать.	
3) Эртэлжэ һамга шэлэнхээр, Эртэлжэ ажал шэлээрэй.	Жениться — не воды напиться. Женился на скорую руку, да на долгую муку.	
4) Хүн болохо багаһаа, Хүлэг болохо унаганһаа.	Вырастет из сына свин, если сын свиненок. Береги честь смолоду.	
5) Нохорой газарта нюдөө ани, Дохолоной газарта хүлөө үргэ.	С волками жить, по-волчьи выть. В чужой монастырь с чужим уставом не ходят.	
6) Агта алдабал баригдаха, Ама алдабал баригдахагүй.	Слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Молчание — золото.	
7) Нью нюуһаар нюрганай забһараар бултайха, Хабша хабшаһаар, хабһанай забһараар бултайха.	Шила в мешке не утаишь. Все тайное становится явным.	
8) Тэжээһэн буруу тэргэ эбдэбэ.	Сколько волка ни корми, все в лес смотрит. Горбатого могила исправит.	
9) Уула үзөөгүй аад, хормойгоо бү шуу, Уһа үзөөгүй аад, гуталаа бү тайла.	Цыплят по осени считают. Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.	
10) Ябаһан нохой яһа химэлдэг.	Волка ноги кормят. Кто не работает, тот не ест.	

Результаты третьего этапа эксперимента

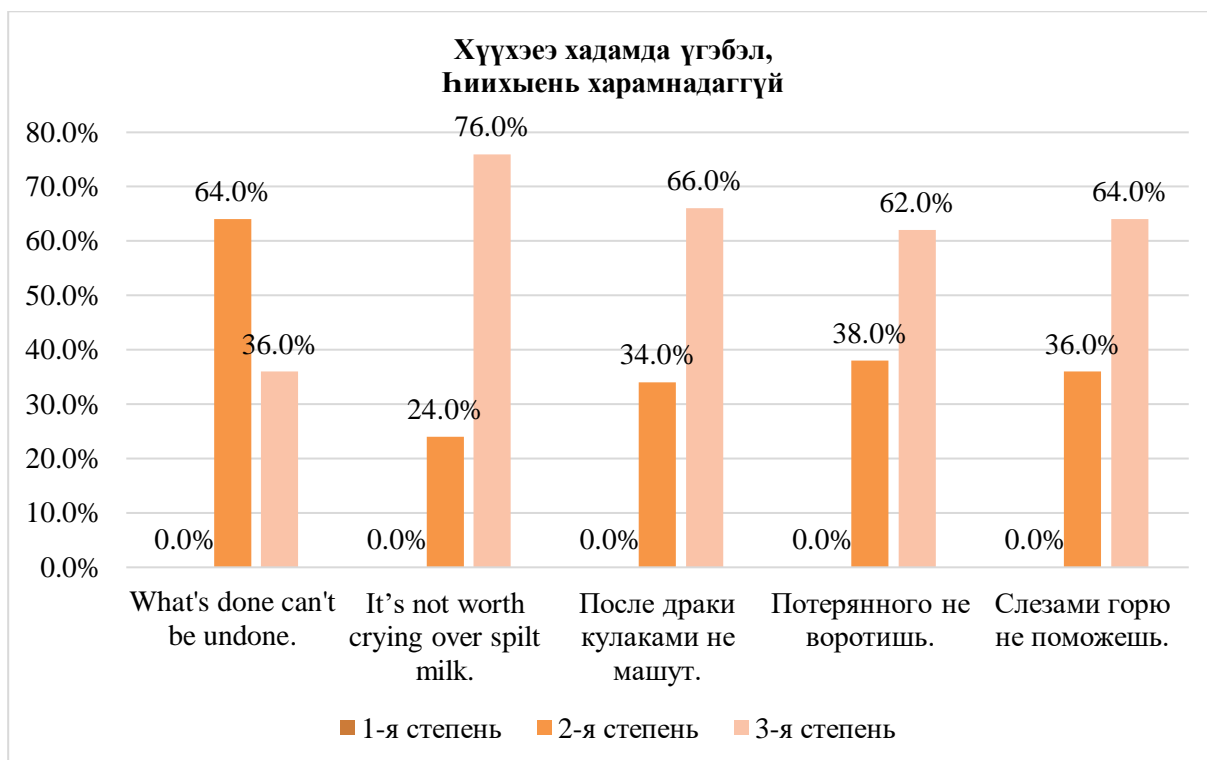

Диаграмма 1. Степени семантического сдвига в коррелятах

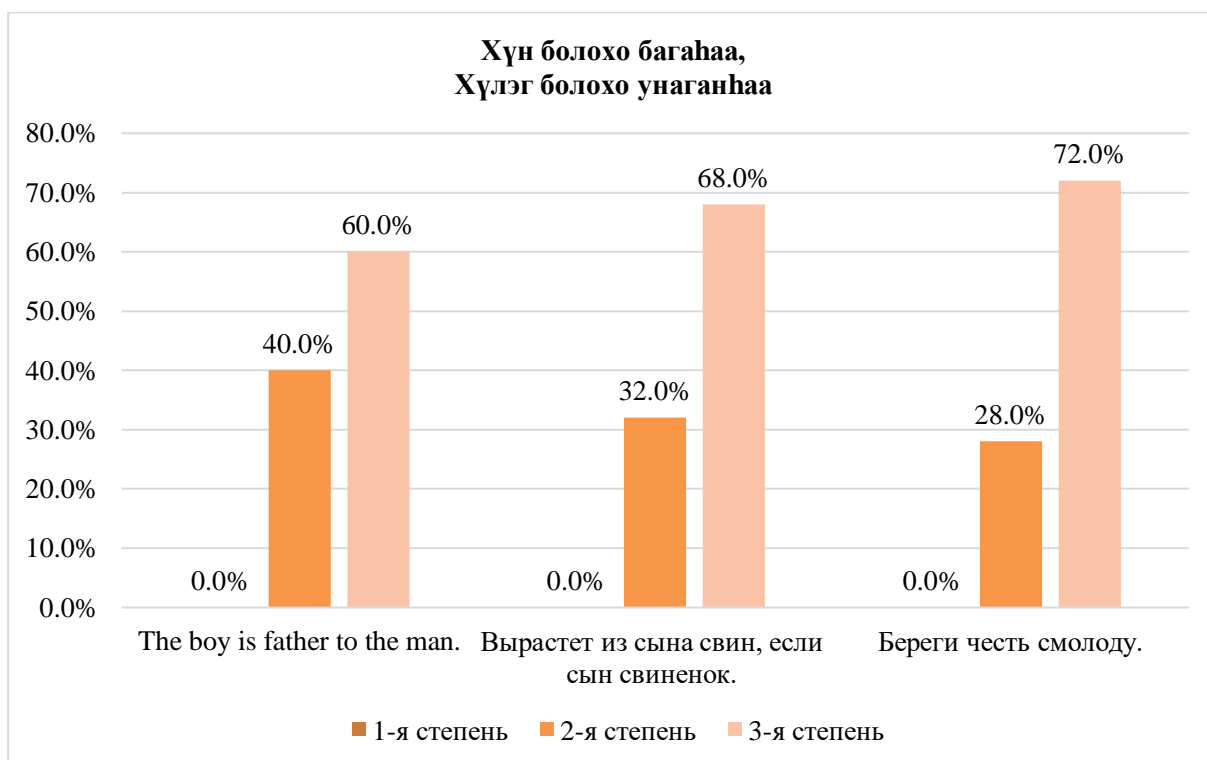

Диаграмма 2. Степени семантического сдвига в коррелятах

Диаграмма 3. Степени семантического сдвига в коррелятах

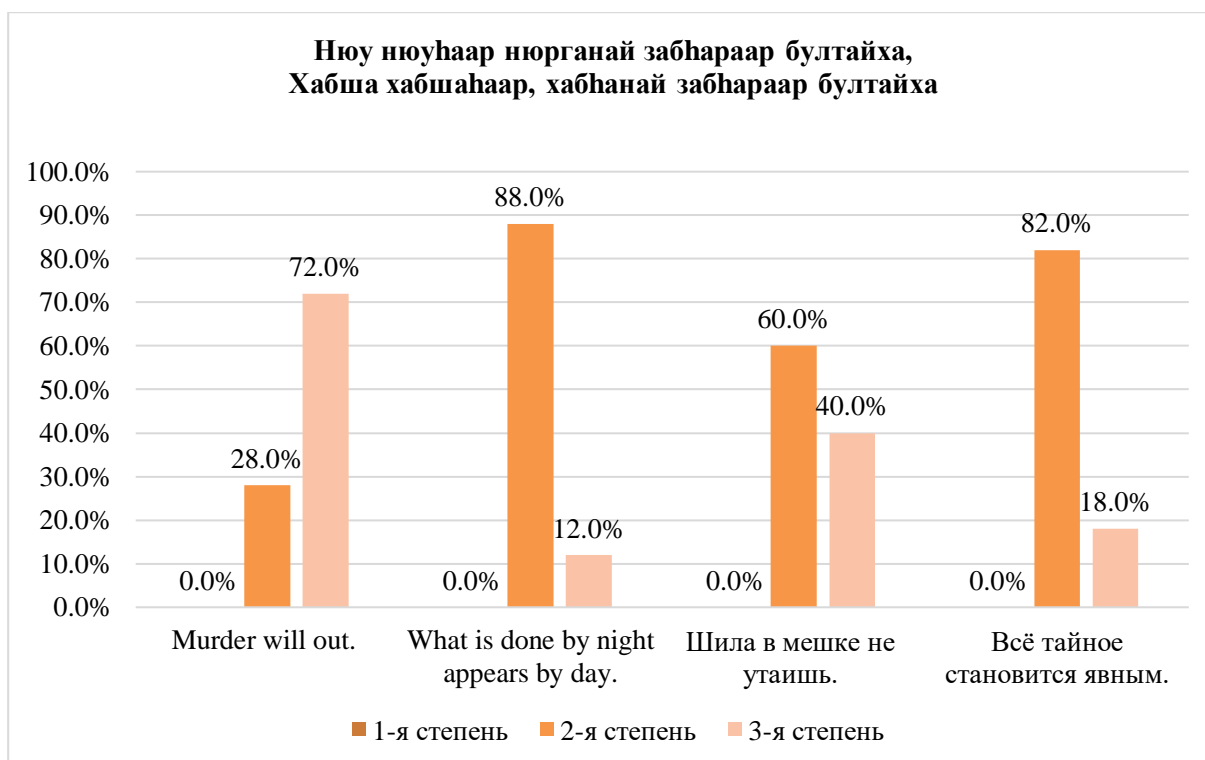

Диаграмма 4. Степени семантического сдвига в коррелятах

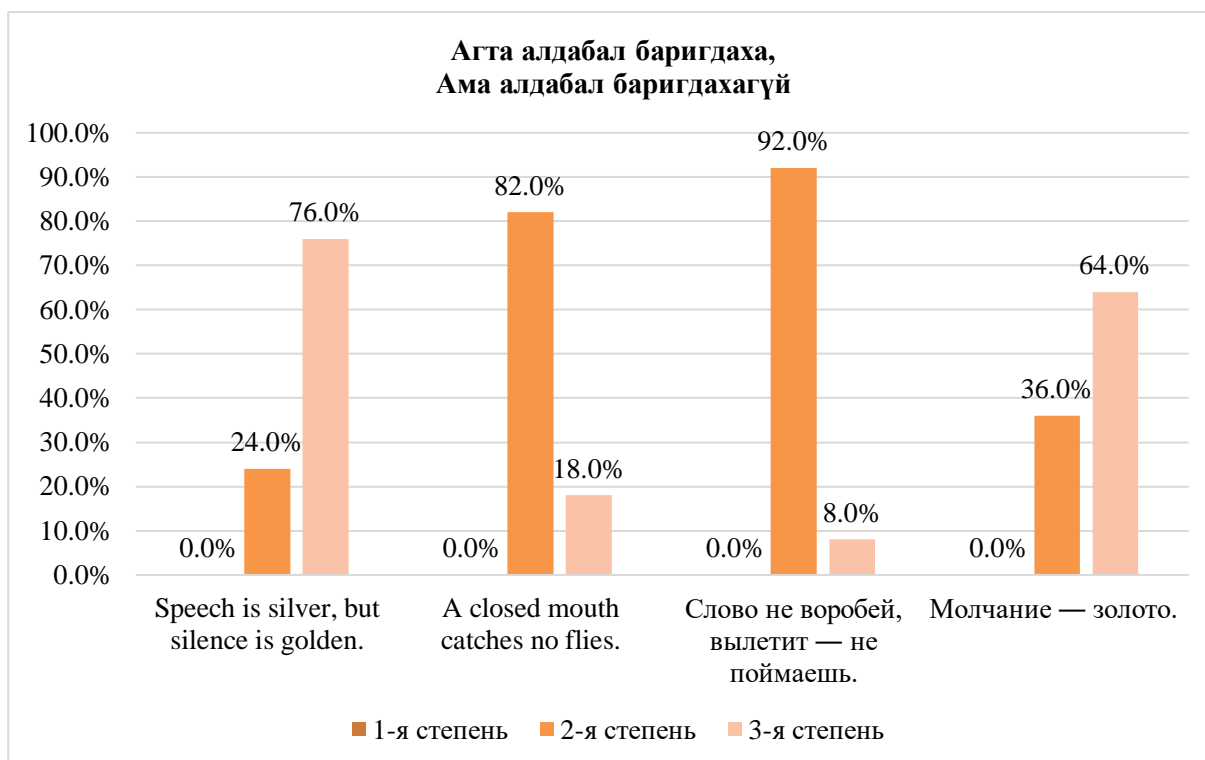

Диаграмма 5. Степени семантического сдвига в коррелятах

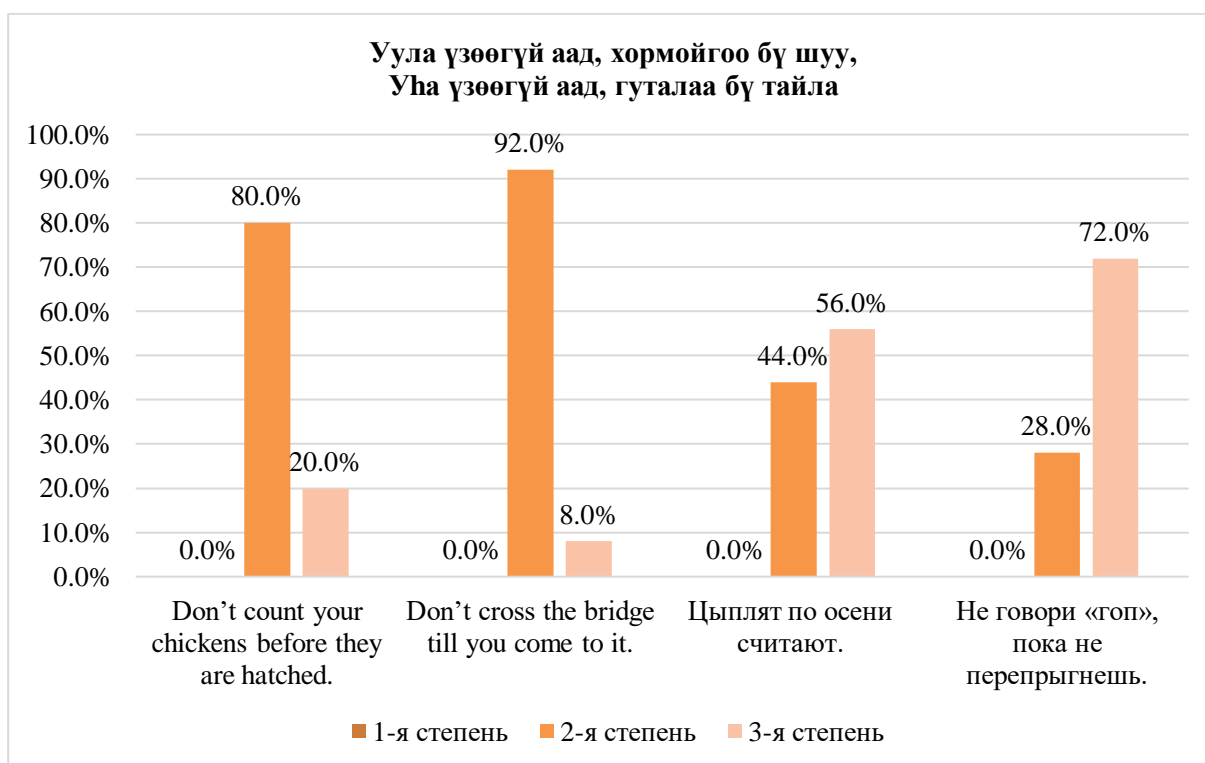

Диаграмма 6. Степени семантического сдвига в коррелятах

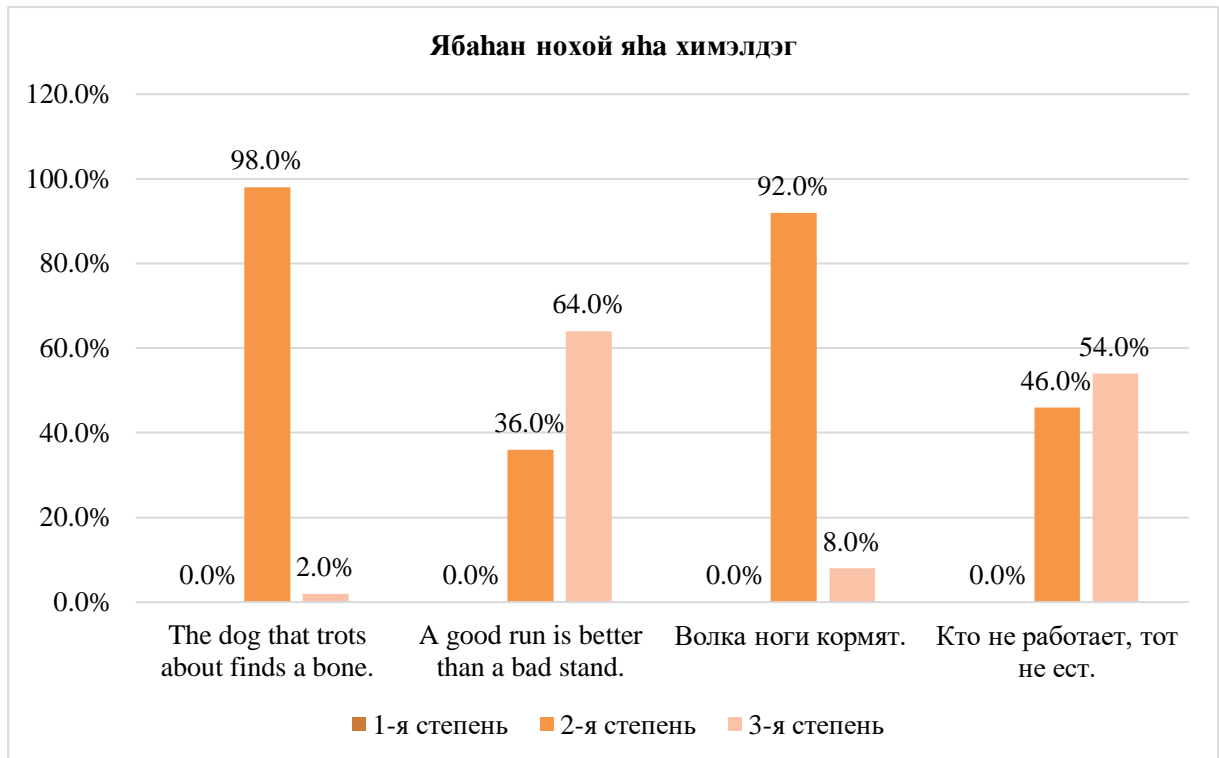

Диаграмма 7. Степени семантического сдвига в коррелятах

Схема алгоритма перевода паремий

